

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ
В РЕВОЛЮЦИОННОМ
ДВИЖЕНИИ

~~1/8~~
~~1/21~~

K102 $\frac{10}{22}$

~~1/8~~
~~1/21~~

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ИСТМОЛ ЦК РЛКСМ
КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЮНОШЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

К 102 ¹⁰/₂₂

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

Составил А. КИРОВ

~~1/21~~

911

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Типография Изд-ва
„Молодая Гвардия“,
Ленинград, В. О.,
5-я линия, 28.
Тираж 5.000 экз.
Ленинградский
Гублит № 1964.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ранее существовавшее представление о том, что при царском режиме было совершенно невозможно широкое движение рабочей молодежи как вследствие гнета полицейского государства, так и вследствие забитости и отсталости широких масс рабочей молодежи, решительно опровергается теми фактами, которые нашли свое освещение на страницах нашей большевистской, а также и другой, тогда революционной, прессе за тот период. Какую роль играла молодежь в революционном движении, достаточно иллюстрируют письма и статьи тов. Ленина о молодежи. Так, в письме к питерской организации ¹ в 1905 г. тов. Ленин пишет: „Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая, и еще больше рабочая молодежь. Основывайте из молодежи сотни кружков впередцев и поощряйте их работать во-всю“. „Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу того, что они зеленые. Во-первых, если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Гапонами и той же самой неопытностью навредят вдесятеро больше; во-вторых, учить будут теперь в нашем духе события. События уже учат всех и каждого именно во впередском духе“.

Во время нового подъема рабочего движения после поражения первой революции в 1912—14 гг. рабочая молодежь идет всецело за большевиками. В статье ² одного сетующего по этому поводу меньшевика отмечается следующим образом роль молодежи. „Кто заражает пролетарские массы энтузиазмом и непрестанно толкает их на борьбу? На этот вопрос необходимо ответить: молодежь, свежее пролетарское поколение. Новое поколение рабочих выделило из себя целый ряд молодых работников, принимающих деятельное участие

¹ Письма тов. Ленина от 11 февраля 1905 г. Рахметову Харитову.

² В. Торский. — „Наша молодежь“. Рабочий журнал „Борьба“ от 22 февраля 1914 г.

в работах профессиональных и других рабочих организаций. Во всех последних выступлениях рабочего класса вся зажигательная работа производится пылкой молодежью».

В данном сборнике не дана обзорная статья, касающаяся взаимоотношений партии и молодежи, вследствие неимения всех необходимых материалов. Поэтому позволим себе привести некоторые мысли того же автора-меньшевика, поневоле все же признающие факты, не совсем ему приятные.

„Никакая внешняя рабочая легальная организация не в состоянии удовлетворить все запросы молодого пролетария. Вот почему молодежь принуждена свято охранять заветное подполье и никогда его не отвергает, пока не будет завоевана широкая свобода. Противники подполья должны иметь это в виду. В подпольи продлевается огромная воспитательная работа над молодыми пролетариями, приготавливающая их к дальнейшей общественной деятельности. Молодежь отнюдь не отвергает организованности постольку, поскольку она возможна в современных легальных организациях. В любом делегатском собрании сильное влияние ее весьма заметно. Она очень часто представляет из себя большинство; поскольку передовая молодежь смогла в свои руки взять практическую работу, она ее взяла. Вполне понятно, что молодежь организуется и сплочивается вокруг тех принципов, какие наиболее подходят к ее настроению, борьба за которые может использовать весь запас ее энергии. Молодежь инстинктивно чувствует свое классовое положение, она инстинктивно становится под знаменем марксизма и из двух действующих марксистских направлений выбирает то, которое более гармонирует с ее настроением. Молодежь идет за большевиками—это факт, и объясняется это тем, что большевики поощряют ее, выводят ее на серьезные посты».

В книге собраны наиболее характерные материалы, могущие дать представление о движении рабочей молодежи, а также и статьи о положении труда и быта рабочей молодежи.

ЮНОШЕСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД В РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ДЕТСКИЙ ТРУД В КРЕПОСТНОЙ РОССИИ ¹

Развитие крупной промышленности выдвинуло на очередь вопрос о применении детского труда.

С общим регулированием в законодательном порядке положения детей мы встречаемся впервые в указе от 14-го мая 1799 г. Им предписывается отпускать казенным мастеровым уральских заводов и их женам паек по 2 пуда хлеба (муки), а детям до 12-и лет по одному пуду в месяц по пониженной расценке. «Дети мужского пола, достигшие 12-летнего возраста, должны употребляться к разбору руды и другим работам соответственно силам каждого, получая полный паек и обыкновенную денную плату. Детей же женского пола в отношении употребления к работам оставлять на усмотрение их родителей, отпуская хлеб им до 18-и лет».

Из этого указа видно, что применение труда детей ниже 12-летнего возраста без согласия родителей не предусматривается законодательством.

Согласно Горному Положению 1806 г., дети мастеровых и рабочих, состоящие в школе, должны получать, кроме пайка, еще жалованье в размере 50 к. в месяц.

Если же они будут находиться на работах, свойственных их возрасту, то вознаграждение выдается в размере 50—72 к., «покуда придя в надлежащий возраст, поступят на 12-рублевый годовой оклад» и так далее. Хуже обстояло дело на алтайских заводах, где вообще режим был значительно суровее. В то время, как при-

¹ Взято из книги «Положение рабочего класса в России», т. I.

менение женского труда предоставлялось всецело усмотрению родителей, дети мужского пола уже с самых ранних лет подвергались муштровке, подготовлявшей их к последующей обязательной службе. С семилетнего возраста мальчики привлекались в заводские школы, при чем период обучения в школах не означал совершенного освобождения их от работ.

По словам Н. Зобнина, все мальчики горнозаводского населения, начиная с 7-летнего возраста, подлежали заводской повинности. «Начиная с ранней весны происходили набор и отправка детей на заводы и рудники. Центром сбора этих рекрутов были Змеиногорск и Салаир, откуда их распределяли по рудникам и заводам. В Змеиногорске собиралось ежегодно до 500—800 мальчиков. Весну, лето и осень они должны были заниматься рудоразборными и прочими легкими работами; на зиму те из них, родители которых могли учить их у себя дома, отпускаясь месяца на четыре к родителям; остальные же до 10-летнего возраста, а с 1828 г.—до 12-летнего возраста должны были ходить в заводские школы... Сироты и те, кто имеют родственников, помещались обыкновенно в казармах, где им давался дядька и кашевар». Находясь на работе, малолетки и подростки получали жалованье. В 1765 г. оно составляло в Алтайском округе 6 рублей в год для детей до 15-и лет и 12 р. для подростков старшего возраста; продовольственного же пайка они в то время не получали. Последний был введен здесь только Положением 1828 г. в размере 1—1½ пудов муки в месяц; но это вовсе не означало повышения вознаграждения за труд, так как денежная плата с этого времени понизилась: по штатам 1849 г. она равнялась 3 р. 50 к. для детей ниже 13-и лет, 4 р.—от 13 до 15-и лет и 5 руб. для тех, кто находился в возрасте 15—18-и лет.

Казенной одежды не полагалось, и дети, не получавшие помощи из дому, должны были для приобретения ее работать по праздникам.

Практиковалось также и поденное вознаграждение; по распоряжению начальника заводов, оно было установлено в 1789 году в размере 2—3 коп. для местных детей с 7-летнего возраста, а для подростков, прибывших из других мест,—6 коп.

В 1847 г. было издано новое положение для казенных заводов Уральского хребта, которое внесло некоторое улучшение в участь малолетних. Подлежка заводскому ведомству, дети мужского пола должны были по рождении заноситься в общий список заводских людей и по достижении 8-летнего возраста определяться в заводские школы, которые должны быть устроены при каждом горнозаводском селении. Курс обучения продолжался два года, и таким образом к десяти годам дети выходили из школы. После этого наиболее способные из них определялись в окружную школу высшего типа или в контору по письменной и художественной части; остальные же возвращались родителям для выполнения домашних работ до 15-и лет, но в случае нужды могли употребляться на легкие заводские работы, с тем однако, чтобы последние происходили днем и не превышали восьми часов. Через два года это положение с незначительными изменениями было распространено на алтайские заводы.

Согласно штатам 1849 г., на последних из общего количества 19.522 рабочих на долю несовершеннолетних или подростков приходилось 2.267 человек, что составляет около 12%. При этом подростки от 15 до 18-и лет составляли 546, от 13 до 15-и—603 и ниже 13-и лет—1.118 чел. Таким образом детский труд в горном деле применялся в довольно широких размерах. Но, повидимому, он носил не постоянный, а спорадический или сезонный характер. Так, на рудниках Змеиногорского и Салаирского края, где, согласно штатам, предполагалось привлечь к работам по разборке и обогащению руд до 1.200 подростков, на выдачу им порционных денег, по 1½ к. сер. в день на каждого, назначена сумма в 938 руб. Но этой суммы могло хватить на их оплату только в течение 52-х дней...

Что касается продолжительности рабочего дня для малолетних и подростков, то в течение долгого времени она оставалась неурегулированной законом. В источниках не говорится также о какой бы то ни было регламентации этого вопроса местными административными органами. Очевидно, нормы применялись общие для всех. Только Положением 1847 г. было установлено, что малолетки до 15-летнего возраста должны употребляться

на легкие дневные работы не более, как по восьми часов в сутки. Подростки первой степени, т. е. с 15 до 18-и лет, употреблялись уже на все работы, а с 18-и лет они окончательно поступали в команду мастеровых людей, и с этого времени начиналась их настоящая служба.

Что касается фабрично-заводской промышленности, то хотя точных цифр нет, но все же можно думать, что детский труд пользовался здесь относительно меньшим распространением. Казенных фабрик было очень немного, и государство не было заинтересовано в поощрении эксплуатации детского труда. Из обследования possessions фабрик, произведенного мануфактур-коллегией в 1803 г., видно, что детский труд был развит на суконных фабриках менее женского: о нем упоминается лишь на четырех фабриках Воронежской губ. Но на полотняных фабриках он употреблялся гораздо чаще; как велико бывало иногда число малолетних, можно судить по тому, что на фабрике Угличанова в Ярославле, насчитывавшей 528 душ мужского пола, при ткачах находилось до 90 шпульников в возрасте от 9 до 12 лет. Употреблялись дети также на бумажных, шелковых и ситцевых фабриках и некоторых стекольных заводах. Средний заработок детей и подростков равнялся 1 руб. 80 коп. в месяц.

На всех вообще московских фабриках детский труд применялся довольно широко. Так, на 23-х бумагопрядильных фабриках работало до 3.000 детей обоего пола, работа продолжалась круглые сутки, при чем в ночной смене принимали участие как взрослые, так и дети от 10-и лет. При этом работа производилась таким образом, что после $5\frac{1}{2}$ или $5\frac{3}{4}$ час. труда следовал шестичасовой отдых.

Точных цифр об общем количестве детей, занятых в промышленности, у нас не имеется; но отдельные данные показывают, что в некоторых случаях применение их достигало значительных размеров, притом в возрасте еще более юном, чем на горных заводах и промыслах. При описании суконной фабрики наследников Лиона, где на 2.000 душ мужского пола и 1.150 женского приходилось до 800 малолеток, упоминается о работе детей в возрасте от 8 до 15-и лет. На вотчинной суконной фабрике Панкова в Екатеринославской губ. работали

дети от 10 до 12-и лет. В шелководстве Реброва часть работ выполнялась детьми (50 человек) от 8 до 15-и лет.

Большое распространение труд малолетних имел в табачной промышленности. В начале пятидесятих годов в Петербурге насчитывалось 55 табачных фабрик с 1.925 рабочими, из коих на долю детей обоего пола приходилось 399 человек, т. е. 21%.

Вообще, малолетние отдаются и принимаются на фабрики очень редко моложе 11-и лет, но иногда бывают и от 8-и лет. Принимая к себе на фабрики малолетних по контракту обычно на 5 лет, предприниматели обязуются снабжать их одеждой и пищей, сверх того платить родителям или помещикам деньгами от 10 до 42 руб. сер. в год (наиболее обыкновенная плата составляет 18 р. как для мальчиков, так и для девочек). Все рабочие без различия пола и возраста заняты 12 часов в день.

М. БАЛАБАНОВ

ДЕТСКИЙ ТРУД¹

Детский труд эксплуатировался капиталом в такой же широкой степени, как и труд женщин.

Показателем такого широкого применения детского труда служит уже возраст поступления рабочих на фабрику. По данным московского обследования, поступали на фабрику в возрасте:

	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.
До 10 лет	10%	9,9%	10%
10—11 "	23,4%	18,2%	22,9%
12—14 "	31,8%	20,5%	30,7%
15—16 "	12,1%	9,7%	11,8%

Таким образом в возрасте до 12-и лет поступало на фабрику 33,9%, т. е. $\frac{1}{3}$, а в возрасте до 14-и лет—63,6%, т. е. $\frac{2}{3}$ всего числа рабочих, находящихся на фабрике ко времени обследования (начало 80-х годов), 33 человека — в возрасте до 12-и лет и 63 человека — в возрасте до 14-и лет. Из каждых ста мужчин в первом возрасте начали работать 33,4% и во втором—65,2%; из каждых ста женщин в первом возрасте—28,1% и во втором—48,6%, т. е. женщины поступали на фабрику в возрасте несколько большем, чем мужчины.

Более непосредственно о применении детского труда говорят данные возрастного состава рабочих. По московскому обследованию, интересующие нас данные представляются в таком виде:

¹ Взято из книги „Очерки по истории рабочего класса в России“.

	Среди мужчин.	Среди женщин.	Из числа рабочих обоего пола.
До 10-и лет	0,2%	0,3%	0,3%
От 10 до 11 включ.	1,8%	2,3%	2,0%
" 12 " 14 "	8,2%	10,9%	9,2%
" 15 " 16 "	7,8%	13,8%	10,6%

В возрасте до 12-и лет занято было работами на фабриках 2,3 всего числа рабочих, в возрасте до 15-и лет—11,5% и в возрасте до 17-и лет—21,5%, а среди мужчин—10,2%; в возрасте до 17-и лет среди женщин—27,3%, а среди мужчин—18%. Труд девочек эксплуатировался относительно более широко, чем труд мальчиков, при чем в ранних возрастах разница между мальчиками и девочками менее значительна, чем в более зрелом возрасте. Последнее обстоятельство подтверждает, что женщины поступали на работу в более старшем возрасте, чем мужчины. Впрочем, капитал руководствовался в отборе мальчиков и девочек не какими-нибудь симпатиями, а просто соображениями пригодности тех или других к работе: он брал на фабрику девочек в том возрасте, когда они по силам своим могли бы несколько уравниваться с мальчиками. Вот любопытные данные о процентном количестве малолетних мужского и женского пола:

	% мужчин.	% женщин.
Моложе 8-и лет	54,1	45,9
" 8 "	66,7	33,3
" 9 "	52,7	47,3
" 10 "	60,8	39,2
" 11 "	56,6	42,4
" 12 "	59,8	40,2
" 13 "	57,9	42,1
" 14 "	56,3	43,7
" 15 "	51,7	48,3
" 16 "	49,4	50,6

В возрасте от 12-и лет женщины значительно отстают от мужчин (мужчин—58,3%, женщин—41,7%), от 12 до 14-и лет разница нечувствительно понижается (57,7% мужчин, 42,3% женщин), но в возрасте 15—16-и лет оба пола почти уравниваются (мужчин—50,5%, женщин—49,5%), а в возрасте 16-и лет женщин оказывается

даже несколько больше, чем мужчин. Чем ближе к зрелому, более цветущему возрасту, тем больше «равенства» вносит капитал в эксплуатацию труда несовершеннолетних.

В Московской губернии, с ее преобладающей текстильной промышленностью, почти все малолетние и подростки (92%) были заняты в производствах по обработке волокнистых веществ. В отдельных производствах число малолетних достигло значительной высоты. Так:

На бумагопрядильных фабриках дети моложе 15-и лет составляли 13%, всех рабочих.

На шерстопрядильных фабриках дети моложе 15-и лет составляли 24,7% всех рабочих.

На шпальных фабриках дети моложе 15-и лет составляли 21,5%, всех рабочих.

На стекольных заводах дети моложе 15-и лет составляли 33,6%, всех рабочих.

На спичечных фабриках дети моложе 15-и лет составляли 28,2%, всех рабочих.

В некоторых производствах дети до 15-и лет составляли $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ всего числа рабочих.

Были ли этот труд легким? Вот что отвечал на этот вопрос Эрисман: «Возьмите труд присучильщика; он на первый взгляд может казаться довольно легким; но ведь этот мальчик во время всей смены находится на ногах, должен постоянно бегать за кареткой, должен безустанно следить за нитками, чтобы всякую оборвавшуюся нитку немедленно же присучить; если к тому же материал, из которого вырабатывается пряжа, плохой, если присучильщиков мало, температура в мастерской чрезвычайно высока, а воздух в высшей степени сухой, то работа такого мальчика, на вид не тяжелая, может превратиться в каторжный труд. Или представьте себе малолетнего ткача, работающего вместе с отцом за четырьмя механическими станками: вечно на ногах при страшном, нестерпимом шуме, он должен зорко следить за правильным ходом машины, чтобы где-нибудь не оборвалась нить, чтобы не было брака. Или возьмите хлопца на стекольном заводе: будучи принужден держать форму во время отливки посуды и переносить готовую посуду в тянущие и калильные печи, он постоянно подвер-

гается весьма резким колебаниям температуры, должен беспрестанно и быстро бегать взад и вперед, при чем вследствие плохого освещения «пути», он вечно подвергается опасности споткнуться о неровность пола, и в таком напряженном состоянии и в таких неблагоприятных условиях он находится в течение многих часов под ряд. Безде, стало быть, при более близком знакомстве с условиями детского труда на фабриках, занятия, которые на первый взгляд кажутся простыми и легкими, оказываются на самом деле тяжелыми и способными изнурить молодой, нежный организм, и, по нашему мнению, можно без преувеличения сказать, что почти не существует такой фабричной работы, которая при тех условиях, в которых приходится исполнять ее, не причиняла бы вреда здоровью малолетних».

Но зло заключается не только в том, что вообще не существует работы, которая не была бы вредна для детского возраста. Капитал, бросая детей на фабрику, не считался ни с тем, что это дети, ни с тем, какую работу они должны выполнять, хотя бы это была самая вредная работа. Те же производства по обработке волокнистых веществ, в коих чаще всего применялся детский труд, относятся к производствам, не только трудным по работе для детей, но и вредным вообще, а для детского организма в особенности. По словам Эрисмана, «в большом ходу применение детского труда в чесальных отделениях бумагопрядильных фабрик, где мальчики в пропитанной тонкой бумажно-хлопчатой пылью атмосфере следили за образованием ленты в чесальных машинах и при этом занимались чисткой шестерен на ходу машин, весьма часто подвергаясь поранениям пальцев». В сушильном отделении дети подвергались «влиянию весьма высокой температуры насыщенного влагой воздуха, и часто неестественного положения тела». На рогожных фабриках дети с самых ранних лет, с 5—6-летнего возраста, работали мочалу для утка и основы. На войлочных и шпальных заведениях дети находились под влиянием мелкой и раздражающей шерстяной, а отчасти известковой пыли и т. д.

Но детский труд применялся не только в производстве по обработке волокнистых веществ, хотя в этих производствах он применялся чаще. По весьма неполным

данным, собранным департаментом торговли и мануфактуры в начале 80-х годов, процент малолетних, занятых в различных производствах, кроме обработки волокнистых веществ, представляется в таком виде:

Спичечное	33,2%
Стекольное	24,8%
Фарфоровое	16,5%
Типографское	15,4%
Писчебумажное	9,8%
Сахарное	7,2%

Данные эти сами по себе внушительны. Но бывали отдельные фабрики, которые можно было назвать «детскими» или «полудетскими» по числу занятых в них детей. Так, по сведениям, доставленным департаменту торговли и мануфактур, на стекольных фабриках число малолетних иногда доходило до 50—60%, на суконных—до 50%, на ниточных—до 84%. На спичечных фабриках Новозыбковского уезда число детей достигло 60% и даже 80%. А в Киеве на небольшой табачной фабрике все 30 рабочих были детьми в возрасте 12—15 лет.

Каждое из производств, в которых заняты были несовершеннолетние, было не только вообще тяжело по работе для детей, но и вредно, губительно для их здоровья.

На табачных фабриках дети, по словам Святловского, исполняли в большей или меньшей степени те же работы, что взрослые мужчины и женщины; они работали и в красильном отделении и даже в сортировочном. На спичечных фабриках дети работали во всех отделениях, в том числе и в самых вредных, работали нередко с 5—6-и лет, получали нищенскую плату, а бедность окрестного населения такова,—писал Святловский, — «что многие матери со слезами на глазах умоляли нас приказать принять снова ребенка на фабрику, с которой он приносит пятак (буквально) в день и зародыш неизлечимой болезни. На стекольных заводах дети не только исполняли обязанности «хлопцев», но и работали в качестве «баночников», которые должны были набирать массу на трубку, выдувать и передавать пузырь для дальнейшей обработки мастеру, «пригоняльщикам», которые открывали и закрывали формы, и т. д.» Вообще,

по мнению Святловского, дети подвержены на стекольных заводах всем вредным моментам производства, заключающимся в неравномерной и высокой температуре, неправильности и продолжительности работы и легкой возможности получения ожогов и порезов. На сахарных заводах детский труд применялся в незначительном размере, что, по объяснениям киевского фабричного инспектора Новицкого, вызывалось особой тяжестью работ на этих заводах. Однако там, где он применялся, дети работали не только по чистке паровников, но и в семенных работах.

До закона 1882 года малолетние по условиям работы ничем не выделялись из общей массы рабочих: они могли поступать на фабрику в любом возрасте, работать ночью, работать и днем, как взрослые. Мы видели, что на фабриках Московской губернии были зарегистрированы дети в возрасте 8-и лет, попадались и моложе—в возрасте 5-и лет. По данным, полученным при обследовании в 1876 году земством Московского уезда, 49% фабрик принимали на работу детей в возрасте до 12-и лет и 51% в возрасте от 12 до 14-и лет. Щадить детский хрупкий организм предоставлялось фабриканту, который по доброй воле своей мог ограничить рабочее время детей. Но, по общему правилу, дети работали и днем и ночью не менее взрослых, приспосабливаясь к работе последних. «Как общее правило,—писал Янжул в своем отчете фабричного инспектора,—относительно осмотренных мною, могу сказать утвердительно, всех московских фабрик, является отсутствие в продолжительности работы и чередования смен различия между взрослыми и малолетними обоего пола». По данным Андреева, на одной из петербургских фабрик детям, работавшим, как и взрослые, в сменах, «приходится одни сутки спать днем и работать ночью, на другие — наоборот: спать ночью, а работать днем»; в красильном отделении той же фабрики дети одну неделю работали ночью, другую—днем, в сменах вместе с взрослыми, по 12 часов. В Московской губернии на Лапинской мануфактуре дети принимались с 8-и лет и работали по 12-и часов в сутки; на бумагопрядильной фабрике Третьякова принимались с 6-и лет и работали по 12-и часов; на других ткацких фабриках дети становились на работу с 8 — 10-и лет

и работали по 13—15-и часов. На бумагопрядильной фабрике товарищества Рабенек дети, как взрослые, работали по 17-и часов в сутки».

«Эти люди,—читаем о рабочих на чесальных аппаратах фабрики Горелина в Иваново,—с головы до ног покрыты таким толстым слоем пыли, что нет возможности отличить их лица от платья. Большинство рабочих—женщины и девушки, мужчин не более шести—семи человек. Видим еще детей, мальчиков и девочек, которые подметают около машины и, частью ползая, вытирают рваной пряжей грязь с шестерен, колес и т. д. Все—как взрослые, так и дети—работают стоя в продолжение 12-и часов в сутки, сменные и 14-дневные, и ни на минуту не присядут под опасением штрафа; работают они без обуви, разувшись, и голыми ногами ходят по каменному полу, а мужчины даже без нижнего платья; душно, воздух пропитан запахом масла, кругом пыль и температура 18° по Р».

Само собой разумеется, что заработная плата малолетнего падала до жалкого уровня; капитал именно потому так безжалостно эксплуатировал детей, что труд их был дешев. Правда, фабриканты неизменно объясняли применение детского труда заботами об «отечественной промышленности». Они указывали, что если рабочего с детства не приучить к определенной профессии, то толку из него не выйдет и промышленность останется без искусных рабочих. Но все исследователи, в том числе первые фабричные инспекторы, доказали, что доводы фабриканта лишены всякого значения. Дети сплошь да рядом употреблялись на такие работы, которые исполнялись также взрослыми; что же касается подготовки к работе с детства, то оказалось, что на стекольных заводах, например, владельцы которых отстаивали свое право применять детский труд, «хлопцами» бывают даже девочки, которые однако никогда не становятся мастерами. Не цели «обучения», а цели более легкой наживы преследовал капитал, когда пускал в дело слабые детские силы.

По данным Дементьева для Московской губернии, заработная плата малолетних составляла 2 р. 43 к. в месяц или равнялась $\frac{1}{3}$ заработка взрослого рабочего (33,6%), а заработок подростков достигал 3 р. 35 к. или

46% заработка взрослого мужчины. По данным Янжула, в Московской губ. заработная плата малолетних была на $\frac{1}{3}$ меньше платы женщин, а последние получали в два раза менее мужчин. 10—13 коп. платы в день—такова была «норма», и не только в Московской губернии, но и повсюду на спичечных фабриках Новозыбокова, где работа начиналась с 5—6-и часов утра и тянулась до 11-и часов вечера; дети получали в первый год 1 р. 50 к. в месяц, во второй—2 р. и в третий—3 р., заменяя взрослого рабочего к 13—14-и годам.

Разумеется, заработок, который приносили дети в семью, мог цениться только на последней грани нужды, когда подлинно дорога каждая копейка. Припомним рассказ Святловского о том, как матери умоляли его допустить к работе на спичечной фабрике детей, приносивших домой за свою работу 5 коп. в день. А вот что представляла собой жизнь рабочей семьи в Петербурге: «Семейство одного рабочего ситцевой фабрики состоит из 6-и душ: мужа, жены и четырех малолеток. Старшая дочь, 10-и лет, работает вместе с отцом на фабрике в течение двух лет, так что на фабрику она поступила 8-и лет. Жена не работает, так как у нее грудной ребенок. Отец вырабатывает 20 рублей в месяц, дочь—рублей 7—8, штрафы зачастую достигают весьма солидной цифры... У дочери работа очень тяжелая, крайне изнуряет ее; она не только худа и бледна, но и хила. Работает она наравне с другими рабочими, ходит на ночные смены; в среднем проводит на фабрике по 12 часов в день и притом круглый год».

Другая семья «состоит из 5-и душ: мужа, жены, девочки-подростка и двух малолетних: мальчика и девочки. Семья эта из бывших дворовых с очень незначительным наделом, которым не пользуется. На фабрике работают: отец, подросток-дочь и малолетний сын. Все они работают круглый год, в среднем по 12 часов в день, и зарабатывают рублей 36 вместе; из этой суммы на долю сына приходится 6 рублей. До приезда в Петербург сын посещал в селе школу, но после того как поступил на фабрику, он не продолжает обучения, так как очень устает на работе и не имеет досуга. В настоящее время мальчик даже совершенно позабыл грамоту, так как в течение двухлетней работы на фабрике ему не прихо-

дилось упражняться ею. Говорят, что ему 12 лет, но ему нельзя дать столько; он крайне худ, бледен, малого роста, мускулатура не развита, и вообще тщедушен. На вопрос, почему мальчик так плохо выглядит, отец ответил, что «эту неделю малец работал в белильне, где испаряются разные кислоты, что делает воздух удушливым и крайне влияет на здоровье; если же он работает неделю в другом отделении, то он поправляется».

Худые, бледные, немощные, стареются уже в детском возрасте, погибающие в цветущей юности—таковы эти бесчисленные жертвы живой крови. Сотрудник «Русских Ведом.», наблюдавший работу детей при температуре в 40—50° по Р., спросил у фабриканта: «что за люди впоследствии выходят из этих мальчуганов, работающих при сушильных барабанах, в зрелых и вешалах». «Он, немного подумав, — рассказывает сотрудник газеты, — дал мне такой ответ: «Бог знает, куда они у нас деваются, мы уж как-то их не видим после!» — «Как не видите?» — «Да так: высыхают они». Я принял это выражение за чистую метафору. — «Вы хотите сказать, что впоследствии они переменяют род своих занятий или переходят на другую фабрику?» — опять спрашиваю. — «Нет, просто высыхают, совсем высыхают», — ответил серьезно фабрикант.

«Посещающим фабрику известно, — говорится в одном из описаний фабрик Тверской губернии, — что даже восьмилетние дети работают не только днем, но и ночью... Хилые физически и искалечиваясь нравственно, они делаются впоследствии представителями не здорового и сильного поколения, а золотушного, преждевременно стареющего и вымирающего». «Войдите в мотальню, — читаем в описании одной шелко-прядильной фабрики, — вы видите женщин всякого возраста, начиная с 14-летнего... Худые, бледные, изможденные, с лицами, покрытыми преждевременными морщинками, в жалких лохмотьях, стоят они, согнувшись возле своих станков. У них не было детства, у них нет и юности. Так работают они по 18 часов в сутки, с 10-и часов вечера до 4-х час. дня, получая за это 35 рублей в год». П. т. д. и т. п.

Жестокая эксплуатация детского труда настолько била в глаза, что о ней не всегда по разным соображе-

ниям могли молчать даже люди, которым было мало дела до участи рабочих и детей их. Вязниковская земская управа (Владимирской губ.), давая отзыв об ограждении детского труда—по какому поводу, об этом у нас будет речь впереди—и касаясь порядка смен, писала: «Такой утомительный, непосильный труд не только действует пагубно на здоровье детей и несовершеннолетних, но даже на взрослых мужчин и женщин, делая их преждевременной жертвой смерти, чему способствуют разного рода испарения и миазмы, являющиеся неизбежной принадлежностью фабричных заведений, несмотря на то, как бы хорошо ни была в них устроена вентиляция; тому же содействует и недостаток здоровой пищи, ибо питательность есть главное условие поддержания сил рабочего... Все это, вместе взятое, относительно малолетних дает такой результат, что из детей, работающих на фабриках, если и достигают зрелого возраста, то только меньшинство, притом же остаются слабосильными и неспособными ни к какому другому труду и ремеслу.

И не только земцы—но новшеству еще либеральные—считают нужным говорить об эксплуатации детского труда; о том же говорили на первых порах, в 70-е годы, и губернаторы в своих всеподданнейших отчетах, в которых они откровенно говорили о делах, вообще не подлежащих какому-либо гласному обсуждению.

«Молодое поколение рабочих, — писал московский губернатор в отчетах за 1871 год, — которых не мало, на фабриках (в среде фабричного населения считается до 16.000 детей обоего пола), растет лишенным школ и всякого воспитания, присутствуя при бесчинствах родителей и даже принимая участие в них. К этому присоединяется и изнурительная детская работа на фабриках, где дети, нередко моложе 8-и лет, работают столько же часов, как и взрослые, т. е. от 12 до 14-и часов в сутки, при чем работа меняется периодами по неделям на дневную и ночную, так что дети в течение целой недели не имеют ночного сна. Фабриканты не всегда признаются в подобной эксплуатации детского труда, сваливая ответственность за нее на родителей, будто бы обязывающих детей помогать им, но при отсутствии правильной

правительственной инспекции за фабриками нельзя поручиться, что фабриканты не соблазняются дешевой детской работой». Результаты, по мнению губернатора, налицо: при наборах на 1.000 человек бракуется более 210; в земледельческих местностях рост новобранцев—2 арш. 5½ вершков, в фабричных—2 арш. 2½ вершка. «Вообще,—продолжает губернатор откровенно докладывать царю,—гигиенические условия на фабриках—самого пагубного свойства для здоровья и жизни рабочего: отсутствие правильной вентиляции способствует развитию чахотки и других болезней; спанье и еда в тех же помещениях, где готовятся вредные для здоровья продукты, недоброкачественная и недостаточная пища рабочего, ослабляя постепенно его силы, мало-по-малу разрушают его здоровье окончательно и преждевременно сводят его в могилу. Смертность между фабричным населением Московской губернии сильнее, чем где бы то ни было в губернии». Со всем этим губернатор примириться не может не только по соображениям воинского набора, но и по другим, не менее убедительным: «Такое положение фабричного населения,—разумает он,—не может не представлять серьезной угрозы создать со временем и у нас ту необузданную толпу, в которую, как показал опыт других государств, всего лучше и скорее получают доступ самые уродливые, самые вредные идеи социализма и коммунизма и которая под влиянием их готова на всякие безумства и насилия».

Как видим, эксплуатация детского труда навела губернатора на не совсем веселые мысли. Под их влиянием он предлагает учреждение в Московской губернии в виде опыта особой комиссии из чиновников разных министерств с приглашением в оную местных фабрикантов для подробнейшего и точнейшего изучения во всех отношениях фабричного вопроса и установления института фабричной инспекции, как необходимого специального органа комиссии.

На тему о положении фабричных детей писал в своих отчетах также губернатор другой промышленной губернии, Владимирской. В отчете за 1878 год губернатор говорит, что положение рабочих «начинает отчасти замыкаться в те формы, как и в Западной Европе. Возникновение многоэтажных фабрик и высокотрубных

заводов, окончательно вытеснявших прибыльные отрасли кустарных промыслов, хотя и дало значительной части населения сравнительно меньший, но постоянный и определенный заработок, но вместе с тем и способствовало во многом понижению как экономического, так и нравственного уровня. Дешевизна рабочих рук, а главное, усиленное предложение последних дают возможность хозяевам-фабрикантам спускать заработную плату до-нельзя, заставляя притом получать в счет оной с-естные припасы, одежду, обувь и проч. Привинченный к фабричному станку железной рукой капиталиста-предпринимателя, рабочий оставляет в забросе свое хозяйство и, прохарчив и пропив на фабрике весь свой заработок, нередко возвращается в семью изнуренный и нравственно испорченный». Нарисовав в столь ярких красках положение рабочих, губернатор продолжает: «Одним из зол, присущих промышленным местностям, является употребление на фабричные работы детей обоего пола, начиная с 10-летнего возраста и раньше. Часто непосильный труд и всегда неблагоприятные гигиенические условия пагубно отражаются на развитии молодых организмов. Конечно,—спешит заметить губернатор,—установление нормы для возраста рабочих было бы некоторым стеснением для владельцев фабрик и отчасти ограничением прав родителей, поддающихся в большинстве случаев при отдаче детей своих в работники соблазну грошевой прибыли, но, несомненно, имело бы последствием сохранение довольно значительной части населения от преждевременной физической и нравственной порчи. Вообще, положение фабричных рабочих,—заканчивает губернатор,—заслуживает серьезного внимания, вызывает необходимость специальной и строгой регламентации в видах ограждения их от всяких попыток произвола и эксплуатации со стороны нанимателей, попыток, к сожалению, поощряемых выносливостью и терпеливостью, присущими русской натуре».

Тяжелые условия детского труда завели мысли русского губернатора еще дальше, чем мы это видели раньше на московском примере. Он готов даже винить выносливость и терпимость рабочих, позабыв, что, как только рабочие стачками показывали свою невыносли-

вость и нетерпимость, на них высылались казаки. чтобы вогнать их в покорное терпение...

На приведенном отчете московского губернатора, как и владимирского, Александр II положил резолюцию: «Сообразить», что означало предложение соответствующему министру заняться возбужденными губернаторами вопросами. Резолюция по первому вопросу не имела никаких последствий, а по второму вызвала переписку, о которой мы будем иметь случай еще говорить. Пока напомним, что, как в большинстве других стран, и в России детскими жертвами было куплено первое внимание «общественной совести» к положению труда.

В. БУЛАХ

ДЕТСКИЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В дореволюционный период вопросами детского труда в сельском хозяйстве никто не занимался. Буржуазия не обращала внимания на гибель многих тысяч рабочих на фабриках и заводах, а не только на детей рабочих. Еще меньше интересовались трудом своих рабочих помещики, целью которых было выжать как можно больше соков из рабочих во время его сезонной работы. Для помещика (особенно в крепостное время) рабочий был только машиной, вещью, и потому совершенно не удивительно объявление в газете одной помещицы, что у нее продается: «девка и немного поезженная карета». Вещь и человек для нее — одно и то же.

Наемный детский труд в сельском хозяйстве нашел свое применение особенно сильно после освобождения крестьян от крепостной зависимости, «освободившей» их не только от помещиков, но и от земли. В дальнейшем количество наемных рабочих в сельском хозяйстве продолжало увеличиваться, равняясь в 1893 г. — 2.000.000 чел., а в 1911 г. — 3.000.000 чел., при чем общее число крестьян, живущих на побочные (помимо сельского хозяйства) доходы, достигало 10.000.000 человек. Условия труда сельско-хозяйственных рабочих были очень тяжелые: 12—18-часовой рабочий день, ночные работы на молотилках, на табачных плантациях, низкая заработная плата, ужасные жилищные условия, отсутствие самой элементарной медицинской помощи —

все это превращало жизнь сельско-хозяйственного рабочего в пытку, в постоянные мучения.

Как тяжелы были условия работы, указывает хотя бы следующий факт: «в ночных работах принимали участие как мужчины, так и женщины. Во время спешной молотбы иногда давали дошедшим до изнеможения водку с целью парализовать их усталость и тем возможно более удлинить рабочий день. Нередко для подбодрения рабочих пускалась в ход и кулачная расправа. Работы в «горячую пору» производились и по праздникам»¹.

Вот в этой-то обстановке и применялся детский труд. До развития широкого применения машин в сельском хозяйстве труд детей и подростков использовался больше в качестве подпасков, свиноводов, мальчиков в хозяйстве, няnek и т. п. Работа утомительная, длящаяся много часов, не оставляющая свободного времени даже и в праздники.

Применение машин в сельском хозяйстве вызвало потребность в детском и подростковом труде, как более выгодном и дешевом. Количество детей и подростков, занятых в сельском хозяйстве, начало быстро увеличиваться и к 1897 г.² достигало следующих размеров:

Возраст.	Мальчиков.	Девочек.	Всего.	В % ¹ к общ. числу в. с. х. раб.
До 12 лет	290.000	245.000	535.000	43
От 13 до 16 лет .	821.000	542.000	1.363.000	108
Итого . .	1.111.000	787.000	1.899.000	--

Следовательно, около 2.000.000 детей и подростков было занято в сельском хозяйстве.

¹ Хижинков, — «Положение рабочих в сельском хозяйстве», стр. 16—17.

² В этом году производилась перепись населения.

Что введение машин вызвало усиленное применение детского труда, показывает следующая выдержка¹. «Прежде, когда не было машин, на рынке и в экономии ценился только взрослый рабочий, женщин брали в самом незначительном количестве в качестве кухарок, а мальчики приставлялись только подпасками к стадам овец, телятниками и свинарями. Теперь количество полурабочих, девочек и детей от 13-летнего возраста, почти везде (Новороссия) равняется 50-и проц. общего числа рабочих, повышаясь местами до 75-и и даже больше. В Каховке и др. рынках найма видишь массу подростков и детей, которых разбирают нарасхват. Машины открыли широкое поле деятельности труду слабосильных, но дешевых рабочих подростков».

Эта последняя фраза раскрывает, почему так усиленно применялся подростковый труд. Потому, что он был много дешевле, чем труд взрослых рабочих, и, кроме того, со стороны подростков меньше всего можно было опасаться организованных выступлений.

Подтверждается это и той докладной запиской «Общества сельских хозяев юга», с которой они в 1884 г. обратились к правительству. В ней они предлагали издать закон, в котором ими намечался следующий пункт: «При найме несовершеннолетних, а также замужних женщин, имеющих отдельные виды на жительство, не испрашивать согласия их родителей, ни опекунов или мужей».

Закон этот открывал бы широчайшие возможности помещикам для эксплуатации беззащитных детей.

Условия труда наемных детей были чрезвычайно тяжелые. Не касаясь уже указанных выше работ, на которых дети и подростки были заняты и после введения машин, сама работа при машинах была тяжела и, кроме того, грозила опасностью для жизни еще неокрепшего организма.

Работа на паровой молотилке является одной из вреднейших для подростков. В большинстве случаев им приходится отгребать сыплющуюся из соломотряса пыль и полу и затем отвозить ее. Приходится дышать

¹ Шаховский И., — «Сельско-хозяйственные отхожие промыслы», 1896 г.

вредной пылью, что ведет к быстрому заболеванию туберкулезом. Работа на косилках в свою очередь вызывает порок сердца.

Что же заставляло такую массу детей искать применения своего труда в сельском хозяйстве? На это лучший ответ дает В. И. Ленин, который пишет: «Буржуазия хочет доказать, что крестьянин—заправский и жизнеспособный «хозяин», а не раб капитала, приравленный так же, как наемный рабочий, но более связанный, более запутанный, чем этот последний. Если серьезно и добросовестно искать данных для решения спорного вопроса, то надо доискиваться систематических и объективных показателей условий жизни и труда в мелком и крупном производстве. К числу таких показателей и притом особенно важных принадлежит степень применения детского труда; чем сильнее эксплуатация детского труда, тем несомненно хуже положение работника, тем тяжелее его жизнь». (Подчеркнуто мною. В. Б.)

Следовательно, не что иное, как тяжелое, безвыходное положение крестьян, толкало их к тому, чтобы посылать своих детей на заработки.

Что это действительно так, показывает таблица распределения по количеству земли родителей, посылающих своих детей на работу.

В о з р а с т	Девочки.			Мальчики.		
	До 5 дес.	5—10 дес.	10 и б. дес.	До 5 дес.	5—10 дес.	10 и б. дес.
8—12 лет	2,2	1,3	0,7	2,4	1,3	1,3
12—13 „	10,2	7,3	6,6	17,6	13,0	17,2
14—15 „	27,9	13,3	12,1	53,8	50,2	50,2

Работа на машинах, в большинстве случаев не имеющих нормальных ограждений, приводит и к непосредственным несчастным случаям.

Процент раненых детей (до 15-и лет) по отношению к взрослым составлял:

В Херсонской губ.	37%
„ Полтавской „	29%
„ Донской обл.	31%

При этом необходимо отметить, что в то время, как в промышленности на 1.000 несчастных случаев приходилось со смертным исходом 25 и с полной потерей трудоспособности—19, в сельском хозяйстве смертельных исходов на 1.000—37 и с потерей трудоспособности—55 случаев.

Работа, следовательно, была во много раз опасней, чем даже на фабриках и заводах.

Большую вредность для детей и подростков представляла и работа несовершеннолетних на табачных плантациях. Вот что пишут об условиях труда на них:

«В 1906 году работники крымских табачных плантаций выдвинули требование, вернее, «просили» позволить им работать от «зари до зари», т. е. с 3½ часов утра до 9-и часов вечера, но плантаторы уклонились от удовлетворения этой просьбы. Раскиданные на сотнях плантаций, девушки опять продолжали работать с «полночи» и до позднего вечера. Работали они и в лунные ночи и в темные с фонарями, факелами, в убийственной, одуряющей атмосфере табачного сока, выделяемого табачными листьями».

При сборе табачных листьев подростков было занято на плантациях значительное число.

При такой беспощадной эксплуатации детей и подростков, при скверном питании и отвратительных жилищных условиях зарплата подростков (15—16 лет) равнялась в Киевской губ.:

Зимой	10 коп. в день
Весной	12 „ „ „
Летом	15 „ „ „
Осенью	12 „ „ „

Следовательно, в самое тяжелое для работы время—летом—зарплата была не выше 3 р.—3 р. 50 к. Жить

и работать было трудно. А на ряду с этим лишь незначительное количество детей обучалось в школах. Да и само обучение дальше «закона божия» и первоначальной грамотности не шло, сопровождаясь при этом значительной долей различных наказаний за проступки и шалости.

В 1860 году полковник Философов, обследовавший школы Тульской губернии, в докладе министру писал: «Главным двигателем при обучении является плетка наставника. Общее мнение, что без нее успех невозможен. Естественно, что при таком способе обучения дети учатся неохотно. Любопытство их ничем не возбуждается, охоты к чтению они не приобретают. Многие из крестьянских мальчиков, выучившись читать и писать, по большей части забывают то, чему их научили, по совершенному недостатку приложения грамотности в настоящее время в деревне».

Это пишет полковник. Значит, действительное-то положение было еще хуже. Правда, в дальнейшем, к концу предреволюционного периода, положение с сельским образованием улучшалось, но заставляло еще желать много лучшего.

В то время, как дети крестьян, имеющих до 5-и десятин земли, в возрасте 8—12-и лет составляют из общего числа занятых работой детей: 2,2% — девочки и 2,4% — мальчики, в это время детей более зажиточных крестьян (средних) всего только: 0,7% — девочек и 1,3% — мальчиков. То же самое и по другим возрастам.

Из этой таблицы вполне очевидно одно, что чем богаче крестьянин, тем позднее посылает своих детей на работу, а следовательно, имеет возможность обучить их в школе, дать нормальное развитие организму ребенка, т. е. дать своим детям то, чего не могли давать своим детям крестьяне-бедняки.

Мировая война, оторвав от сельского хозяйства миллионы рабочих рук, вызвала к жизни еще более широкое применение детского и подросткового труда в сельском хозяйстве, и только Октябрьская революция, смыв в своем могучем движении помещичью усадьбу, в известной мере прекратила эксплуатацию детского труда.

А. К.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД 1900—1907 гг.

Положение рабочей молодежи в этот период было не на много лучше, чем в предшествующий. Об этом красноречиво говорят заметки в «Искре», в «Пролетарии» и в «Вперед». Так, в одной корреспонденции¹ сообщается, что положение так называемых мальчиков или, вернее, подростков на фабрике Филиппова (кондитерская) в Москве ужасное. Получали они пять рублей на хозяйских харчах и квартире. Спальни помещались в верхнем этаже, в помещении без вентиляции, где помещали до 300 человек. Койки стояли очень тесно. Спали в повалку по 3—4 человека на двух койках. Воздух был настолько душный, что входящий с улицы просто задыхался. На фабрике работали день и ночь в две смены, дневная — с 11½ ч., ночная — с 10 ч. Подростки работали с 12 ч. ночи до 1 ч. дня, и частенько приходилось работать лишние ½—1 час, против всяких правил и без всякой доплаты.

Обращение мастеров грубое. Били чем попало. Девушки-конфетницы — в том же положении. И так, за 13—14-часовой непрерывный труд получали 5 рублей с придачей тухлой говядины, кулачной и палочной расправы.

В той же корреспонденции сообщается, что на фабрике «Реном» девушки старше 16-и лет получали 30—40 коп. на своих харчах и квартире. Обращение

¹ «Искра» № 13.

крайне грубое. Девушки по окончании работ обыскивались сторожами-татарами, которые усердно их обыскивали и позволяли по отношению к ним всевозможные грубые выходки. Приказчики обыкновенно соблазнили молоденьких девушек обещанием более легкой и выгодной работы. Мальчики 16—21 года получают 11—12 рублей на своих харчах и квартире.

В другой заметке¹ сообщается, что на Юзовском металлургическом заводе в кирпичном сарае работали девушки и мальчики в возрасте 14—18 лет. Каждая девушка обязана была делать не менее 600 кирпичей в день, получая по десяти копеек с сотни изготовленных кирпичей. Не оставалось времени для завтрака и обеда. Особенно тяжело было положение мальчиков, отбивающих шлак с старого кирпича. Летом и зимой им приходилось работать на дворе. Получали по 30—40 коп. в день.

Об обходе законов о предельном возрасте повествует заметка о положении труда на заводе обуви г. Сарапула (Вятской губ.), выдержку из которой приводим. «...Женский и детский труд применяется в изобилии, при чем сплошь и рядом встречается обход законов о предельном возрасте занятия на работе детей, так что нередко 10—11-летние дети значатся в конторских книгах 13—14-летними детьми. Фабричный инспектор этого, конечно, не видит... Дети в большинстве случаев не заканчивают школу и рано засаживаются за работу, приобретая всевозможные болезни, до чахотки включительно».

ДЕТСКИЙ ТРУД В ПЕРИОД ВОЙНЫ

В последнее время, благодаря еще отмене некоторых законов и нужде в работниках, в широкой степени стал применяться детский труд и женский. Но предпринимателям мало того, что разрешено применять труд детей, не достигших 15-летнего возраста. Эти дети на ряду со взрослыми, впрягаются в сверхурочные и ночные работы, несмотря на явное запрещение. Эти дети, место

¹ „Искра“ № 50.

которым в школе или на воздухе, работают и в воскресенье и праздничные дни, не зная отдыха, да притом в таких условиях, которые подкашивают здоровье и взрослых рабочих, «привыкших» к российским условиям труда, и это делается не где-либо в медвежьих углах нашей обширной родины, а в больших городах, где налицо имеются и фабричная инспекция, и страховое присутствие, и старшие фабричные инспектора. Можно себе представить, до чего доходит произвол предпринимателей в медвежьих углах.

Пишущему эти строки пришлось наблюдать целый ряд предприятий (мелких и средних) в одном из крупных городов, где имеются в наличности вышеупомянутые учреждения. Большинство предприятий работает на военно-промышленные комитеты. Трудно воспроизвести, чтобы читатель получил хотя бы бледное представление, те условия, при которых работают рабочие и на ряду с ними 12—13-летние дети. Представьте себе старый, полуразрушенный сарай без каких-либо признаков оконных рам. Стены покрыты ином. Откуда-то сквозь щели в ветхой крышке, продранной местами, прокрадываются бледные полоски дневного света. Весь сарай заставлен станками и кузнечными горнами и битком набит рабочими, копошащимися у станков. Из-за сплошной дымовой завесы и отсутствия освещения рабочих почти не видеть, и последние кажутся какими-то привидениями.

Идя по заводу, каждую секунду рискуешь или попасть под ремень или же споткнуться о груды железа и размозжить себе лоб. Отопление совершенно отсутствует (не считая кузнечных горнов, которые не отапливают помещения, а заволакивают его густым, едким дымом и копотью). В таких условиях приходится работать минимум 10 часов (если не считать сверхурочных работ). Приведенный пример не только не является единичным, а, наоборот, носит массовый характер.

«Наш Голос», № 7 (21), 7 января 1916 года, «Охрана труда рабочих», стр. 3.

В. ЗАЙЦЕВ

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Эксплуатируя подростков, извлекая из них большую прибавочную стоимость, чем с взрослого рабочего, капиталисты широко применяли детский труд в производстве. Это обстоятельство вело к последствиям величайшей важности. Большим количеством молодежи в производстве определялись наиболее выгодные для промышленности пути подготовки квалифицированных рабочих и этим же определялся известный уровень квалификации рабочего состава.

Обучение рабочих определенной профессии шло у нас обычно двумя путями, по существу мало отличавшимися друг от друга.

Наибольшую выгоду для капиталиста представлял путь неорганизованного обучения. Подросток или даже ребенок, поступающий на фабрику или завод, ставился на работу, не требующую никаких навыков и наиболее соответствующую его силам. Присматриваясь к работе взрослых, подросток время от времени, нередко из баловства, пробовал сам делать ту же работу, что делает взрослый рабочий. А несколько наловчившись на ней, он уже мог заменять взрослого рабочего в случае его отсутствия, пока наконец не получал самостоятельной работы. Сплошь и рядом такая подготовка не ограничивалась одной ступенью. С одной должности рабочий переходил на другую, пока не достигал самой высшей квалификации по определенной специальности.

Возьмем для примера бумагопрядильную фабрику. Поступившие на фабрику девушки, часто в возрасте 10—12-и лет, прямо ставились на ватера (прядильная машина) в качестве с'емщиц. Работа с'емщиц совсем несложная. Когда пряжа заполнит стоящие на машине шпули, с'емщица должна снять их с машины (ватера) и на их место поставить новые. Шпули обыкновенно стоят низко, на уровне, вполне соответствующем детскому возрасту. Даже взрослому здесь труднее работать, чем ребенку. Научиться снимать шпули с необходимой быстротой можно в течение нескольких дней. Затем с'емщица постепенно приучается заправлять с'ема (пряжу), помогая в этом ватерщице. С'емщицы работают комплектами, обслуживая одним комплектом в 6 человек обычно от 8 до 18-и машин. Во время образующихся перерывов между с'емами, с'емщицам волей-неволей приходилось наблюдать за работой ватеров. Наиболее активные из них помогали ватерщицам, учились у них присучке (соединение порвавшихся нитей пряжи), учились замечать разрыв ровницы и проч. И вот такая наострившаяся с'емщица под надзором ватерщицы могла уже заменять отсутствующих ватерщиц. И в конце концов мы имели не малое число самостоятельно работавших ватерщиц, еще не достигших 18-летнего возраста. Сложнее готовились квалифицированные рабочие из среды подростков в стекольной промышленности, отличавшейся всегда большим процентом подростков. Вот как описывает процесс подготовки один из инженеров объединения стекольно-фарфоровых заводов Московской губернии:

«Прежде, чем сделаться высококвалифицированным работником стекольной промышленности (мастера-выдувальщики, задельщики, шлифовальщики, прессовщики, разводчики и т. п.), последние обыкновенно проходили суровую практическую школу в самом заводе с весьма раннего возраста. Мальчик из семьи рабочего-стекольщика данного завода поступал с 10—12-и лет (иногда и раньше, в случае особой бедности, сиротства) на завод в качестве относчика стеклянных изделий, подносчика колья к разводным, открывальщика форм, гревщика трубок и т. п. Почти одновременно с этим, и во всяком случае с 12—14 лет, малолетний начинал

исподволь (под руководством отца, старших) обучаться выдуванию стеклянных изделий с тем, чтобы уже с 15—16-и лет начать работать баночником (помощником мастера). Проработав баночником лет 5 (иногда больше) и все время упражняясь, молодой работник переводился, в зависимости от подготовки, способностей и свободной вакансии, в мастера (выдувальщики, задельщики). Ту же последовательную эволюцию претерпевали квалифицированные работники-стекольщики других профессий—плифовщики, разводчики и т. п. Промежуточным этапом, например, для разводчиков, служит работа в качестве так называемой «прислуги» при разводных печах (вагонщики, посыпальщики); бывают такие случаи, когда мастер-выдувальщик или помощник его по слабости здоровья и невозможности напрягать легкия начинает обучаться разводке (роспуску) холяв—работе, хотя и весьма ответственной, но все же менее вредной и тяжелой, чем выдувание стекольных изделий (особенно холяв). Еще более такой переход характерен для резчиков оконного стекла и сортировщиков, которые всегда почти вербуются из мастеров-выдувальщиков и разводчиков со слабым здоровьем, вследствие которого работать для них при высокой температуре невозможно. Точно так же, если мальчик, поступающий на завод, был сравнительно слабого здоровья, его родные принимали меры, чтобы он сразу же начал обучаться более легкому ремеслу».

Таким путем готовилось к более квалифицированной работе большинство рабочих. Это было выгодно капиталисту, ибо подготовка, приобретение квалификации происходили между делом, и капиталист получал квалифицированного рабочего, как побочный продукт производства. Конечно, таким путем не мог подготовиться высококвалифицированный рабочий. Там, где нужно знание многих трудовых приемов, точность работы и т. п., простым наблюдением и случайной практикой квалификации не приобрести. Здесь нужна систематическая работа по определенной специальности, систематическое обучение ремеслу по определенной программе.

Была подготовка квалификации и вне производства, в так называемых ремесленных школах. Она носила мас-

совый характер, пожалуй, только в швейной промышленности. Вообще же, подготавливая рабочих скорее для мелкой промышленности, чем для крупной, ремесленная школа не может считаться сколько-нибудь значительным поставщиком квалифицированной рабочей силы.

Кроме того, существовали так называемые низшие технические школы, готовившие скорее технический персонал, чем квалифицированных рабочих.

В общем же, как правило, квалифицированные рабочие подготовлялись почти исключительно в процессе производства уже рассмотренными путями.

И надо сказать, что такая подготовка квалифицированного труда в огромном большинстве случаев начиналась с подростковых лет. В этом нас убеждает ряд данных.

Так, из 207 обследованных нами ткачих на бывшей Даниловской мануфактуре в Москве 22 (или 10,6%) начали работать раньше 12-и лет, 19 (или 9,2%) в возрасте 12—13-и лет, 85 (или 41,2%) в возрасте 14—15-и лет, 49 (или 23,6%) в возрасте 16—17-и лет и только 32 (или 15,4%) в возрасте 18-и лет и более. Огромное большинство обследованных начало наемный труд прямо ткачихами, небольшое число их работало в других текстильных профессиях, и только 5 человек начали свою наемную работу с прислуги.

Или, например, на фабрике бывшей Циндель, в Москве, в 1899 году 1.411 рабочих так распределялись по возрасту начала работы на фабрике: моложе 13-и лет—196 (13,9%), от 13—15-и лет—325 чел. (23,0%), 16—17-и лет—400 чел. (28,4%) и 18-и лет и более—490 чел. (34,7%). Здесь процент рабочих, начавших фабричный труд взрослыми, получается уже значительным, но именно потому, что рассматриваемая фабрика имеет большое количество неквалифицированных рабочих.

Все вышеприведенные материалы убеждают нас в том, что возраст, в котором рабочий приступает к заводскому труду, имеет большое значение для достигаемой им квалификации. Чем моложе рабочий, поступающий на завод, тем высшей квалификации достигает он к определенному возрасту. Этот факт сам по себе очень понятен. Поступивший на завод крестьянин от сохи,

конечно, хуже сможет ориентироваться во всей заводской обстановке, во всей сложности производственного процесса, чем начинающий работать с малых лет рабочий. Да и его загрубелые руки вряд ли смогут привыкнуть к тонкой и точной работе, которая требуется от квалифицированного рабочего. В то же время еще не окрепшие детские руки могут приспособиться к какой угодно тонкой работе.

Но не только таким путем наличие молодежи в производстве поддерживало квалификацию рабочих на определенном уровне. Наличие молодого резерва давало возможность капиталисту выбрасывать из производства уже износившихся квалифицированных рабочих. На освободившуюся должность всегда можно было перевести более молодого рабочего с более простой работы. Подобные факты выкидывания квалифицированных рабочих из производства достаточно известны. Взять хотя бы заводских сторожей. Это — большей частью бывшие квалифицированные рабочие. Далее, мы знаем, как старики-рабочие уходили «умирать в деревню». И уходили они, конечно, не добровольно, а капиталист, снижая им заработную плату, тем самым заставлял их покинуть производство. Рабочий молодежь таким образом являлся живительной струей, освежавшей рабочий состав.

А. КИРОВ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ТРУДЕ МОЛОДЕЖИ

Все законы по урегулированию труда на фабриках и заводах были изданы царским правительством под напором рабочих волнений. Первые мероприятия правительства касались в первую очередь охраны детского труда, так как эксплуатация детского труда всем бросалась в глаза и ее трудно было оправдать «божескими» и человеческими законами. От усиленной эксплуатации детского труда капиталу легче всего было отказаться, так как законы, устанавливающие для фабрикантов серьезные наказания за нарушение таковых, при полной несопротивляемости подростков и детей, оставались долгое время на бумаге.

Так, первый закон, ограничивший труд малолетних и изданный в 1845 году, был вызван крупным волнением на большой Вознесенской бумагопрядильне, недалеко от г. Москвы. Потребовалось вмешательство вооруженной силы. Правительственное расследование выяснило жестокую эксплуатацию детского труда. На 23-х московских бумагопрядильнях было 2.100 детей, работавших днем и ночью. Крайнее злоупотребление детским трудом вызвало закон 1845 г., запретивший ночную работу на фабриках малолетних до 12-летнего возраста. Однако никаких карательных мер за нарушение этого закона установлено не было, и неудивительно, что закон этот не имел никаких практических последствий.

В 1859 г. в виду участвовавших несчастных случаев на заводах, по большей части с малолетними, в Петер-

бурге была создана комиссия для осмотра петербургских фабрик и выработки правил труда малолетних. Проект этой комиссии был через год напечатан.

В основном правила заключались в воспрещении приема детей до 12-и лет на работу, ограничении времени работ в возрасте от 12 до 16-и лет и установлении инспекции для проведения этих правил в жизнь. Этот проект был передан в одну из комиссий министерства финансов, где и был погребен.

В 70-х годах вопросы рабочего законодательства подвергались широкому обсуждению на с'езде фабрикантов во время мануфактурной выставки в 1870 г. По вопросу о детском труде разгорелись большие прения; часть делегатов договаривалась до воспрещения принимать детей на фабрику до достижения ими 14-и лет, но встретила большую оппозицию со стороны фабрикантов, которые и слышать не хотели об этом. Вопрос этот не был рассмотрен до конца, с'езд предпочел укрыться за неразработанностью вопроса и отсутствие точных данных о положении рабочих.

Более обстоятельно вопросом о труде малолетних в связи с обучением их занялась комиссия по техническому образованию при Русском Техническом Обществе в 1874 г. Комиссией был принят проект о недопущении к работе детей до 12-и лет. Продолжительность рабочего времени для малолетних в возрасте от 12 до 15-и лет ограничена 5-ю часами, в промежутке между 6-ю час. утра до 8-и час. вечера. Для несовершеннолетних в возрасте от 15 до 17-и лет воспрещалась только ночная работа, причем для производств нуждающихся должен был быть составлен особый список.

Дневную работу несовершеннолетних (15—17 лет) проект не ограничивал, высказав лишь пожелание, что необходимо стремиться, чтобы работа на производстве вообще длилась не больше десяти часов. Что касается обучения подростков, то комиссия признала необходимым обложить фабрикантов сбором на содержание школ от $\frac{1}{2}$ до 2% заработной платы. Весь этот проект кочевал безуспешно в качестве материала по правительственным комиссиям.

Заботами о малолетних с таким же успехом были заняты земские управы и некоторые губернаторы. Пра-

вительством тогда была организована комиссия для рассмотрения вопросов, связанных с наймом рабочих. Комиссия окончила работу через год (что в те времена считалось весьма скоро). В инструкции, выработанной комиссией, значились следующие пункты: о допущении к занятиям лиц, не достигших 17-летнего возраста, сообразно особым свойствам производства и тяжести работ и об обязанности хозяев относительно помещений, содержания, а также религиозного, школьного и нравственного образования находящихся в заведениях несовершеннолетних и учеников.

В этот проект входило запрещение работы детям до 12-и лет, ограничивалось время работы малолетних от 12 до 14-и лет 8-ю часами дневной и 4-мя часами ночной, а несовершеннолетним, от 14 до 17-и лет, рабочий день ограничивался 10-ю часами. Проект был передан в министерство внутренних дел, где время работы 12 и 14-летних уменьшили с 8 до 6-и часов, а для несовершеннолетних, от 14—17-и лет, с 10 до 8-и часов. Но даже этот проект не был утвержден, а передан в комиссию, которая не внесла никаких существенных изменений в прежние проекты.

В 1880 г. этот проект, переданный в государственный совет, не был утвержден. Мнение государственного совета было подтверждено «высочайшей волей». В связи с усилением забастовочного движения рабочих вследствие начавшегося промышленного кризиса дальше откладывать законопроект оказалось невозможным. В государственный совет был внесен законопроект, сводившийся к следующему: «Малолетние, в возрасте 12—14 лет, могут работать днем не более 8-и часов, подростки в возрасте 14—17 лет днем не более 10-и часов, ночью не более 6-и часов. При этом работа малолетних не должна продолжаться более 4 часов, а работа подростков более 5-и часов сряду; перерыв для отдыха и учебных занятий должен составлять для первых не менее 8-и часов, а для вторых не менее 6-и часов. Малолетние и подростки, работающие днем, не должны работать в следующую затем ночь, а работающие ночью — в следующий затем день. Министру финансов предоставлялось определять те промышленные заведения, в кото-

рых могут работать дети в возрасте от 10 до 12-и лет, а также установить для малолетних и подростков в возрасте 12—17-и лет низший предельный возраст допуска к тем или другим работам. Фабриканты должны были предоставить малолетним и подросткам, не окончившим одноклассного начального училища, возможность посещать школу не меньше двух часов в день или 12-и часов в неделю. На обязанность фабрикантов также возлагалось, если не было по близости школы (в расстоянии 2-х верст от фабрики), открывать таковые. Для надзора за работой и обучением малолетних и подростков решили учредить фабричную инспекцию в 9-и округах».

На заседании государственного совета, где обсуждался проект, приглашенные в качестве экспертов крупные фабриканты Морозов, Найденов, Горемин, Четвериков и др. энергично возражали против воспрещения несовершеннолетним ночных работ, против установления предельного возраста в 17 лет, против привлечения фабрикантов к обучению малолетних.

Домогательства фабрикантов встретили сочувствие среди большинства государственного совета, и министерский проект был на много ухудшен.

В общем закон 1-го июля 1882 г. о работе и обучении малолетних заключал в себе: ограничение возраста допускаемых к работе (12 лет) с предоставлением министру финансов допускать работу и с 10-и лет в течение двух лет со дня издания закона; ограничение рабочего дня для несовершеннолетних в возрасте 12—15-и лет 8-ю часами, а в некоторых производствах 9-ю часами и запрещение ночной работы для малолетних (с предоставлением министру финансов в течение двух лет ночную работу разрешать). Что касается школ, то фабрикантам было дано право их открывать, если они пожелают. Таким образом обязательное участие фабрикантов в обучении подростков было похоронено. Государственный совет также освободил фабричную инспекцию от наблюдения за обязательным посещением малолетними школ. Закон 1882 г. должен был вступить в силу с пасхи 1883 г., но по настоянию фабрикантов введение его было отсрочено на два года. Мотивировали тягостным положением промыш-

ленности и якобы «бедственным положением» рабочих. Таким образом фабриканты еще раз добились своего. Конечно, такой закон не мог на много улучшить положение подростка в производстве. Гнет оставался прежним. За законом 1882 г. следовал закон 3-го июня 1885 г. о воспрещении ночной работы подростков и женщин, изданный благодаря острому промышленному кризису.

Начало 80-х годов сопровождалось промышленным застоєм, в особенности хлопчатобумажным. На рынке чувствовалось перепроизводство товаров. Питерские фабрики, имевшие более усовершенствованное техническое оборудование, лишь в незначительной мере пользовались трудом малолетних. Ночные же работы почти прекратились. Московская мануфактурная промышленность, наоборот, работала днем и ночью; широко эксплуатируя дешевый детский труд, она нагоняла на этом техническую отсталость производства. Это ставило питерских фабрикантов в менее выгодные условия конкуренции. Владельцы питерских текстильных фабрик подали градоначальнику прошение, в котором указывали, что единственным средством для устранения кризиса представляется повсеместное запрещение ночных работ. «Производительность фабрик значительно превысила требования рынка, вследствие чего могут последовать банкротства и волнения рабочих из-за понижения заработной платы. Необходимо сократить производство, и для этого наилучшая мера—уничтожение ночных работ. Если в дополнение к закону о малолетних воспретить ночные работы подросткам и женщинам, то вопрос в текстильной промышленности будет разрешен, так как без женщин и детей фабрики не могут работать». Оканчивают фабриканты свое заявление следующими словами: «Проектируемая мера ослабит кризис и поднимет нравственность фабричных рабочих, упавшую в тех местах империи, где ночные работы вошли в обычай».

Прошение было передано московскому отделу Совета Торговли и Мануфактур, который составил обширную контр-записку, где между прочим говорилось: «С.-петербургские фабриканты вставили, как одно из важнейших последствий предлагаемой ими меры, поднятие производительности работающих на фабриках женщин и несо-

вершеннолетних, но это указание сделано ими для некоторого прикрытия их главной цели, имеющей далеко не филантропический характер. Упадок нравственности, связанный с уменьшением религиозности в народе, составляет неоспоримо одно из самых прискорбных, необычайных явлений последнего времени. Сознание обязанности к повиновению в рабочем классе, подстрекаемом печатью нигилистического направления, слабеет; поднятие нравственности не может ни в коем случае быть достигнуто мерами, подобно проектируемым».

Цитируемые доводы оказались вескими для правительства. Снова запрашивалось мнение петербургских промышленников, началась переписка, грозящая бесконечно затянуться. Но рабочие волнения дали мощный толчок.

В конце 1884 г. и в начале 1885 г. вспыхнули серьезные волнения рабочих в Московской и Владимирской губерниях. Это понудило правительство издать закон 3-го июня 1885 г., в котором было постановлено воспретить ночные работы женщин и малолетних детей до 17-и лет на хлопчатобумажных и шерстяных фабриках.

Однако это постановление было принято в виде опыта на три года, и оправившиеся от кризиса фабриканты повели энергичную борьбу против сдерживающих их appetites законов. Реакционная печать видела в этих законах чуть ли не социализм. Во время посещения министром финансов Вышнеградским Нижегородской ярмарки «всероссийское купечество» подало ему прошение об отмене стеснительных законов. И действительно, в 1890 г. правительство, как бы почувствовавшее, что зашло слишком далеко, делает целый ряд изменений в прошлых законах.

Ночная работа малолетних была вновь дозволена в стекольной промышленности, в одном из самых вредных для здоровья рабочей молодежи.

Что касается допущенного законом 1885 г. в виде опыта, на три года, воспрещения ночной работы подросткам, не достигшим 17-и лет на хлопчатобумажных и шерстяных фабриках, то оно сохранено и в законе 1890 г., но с важнейшей оговоркой, уничтожавшей этот принцип: с разрешения губернатора допускалась работа

подростков и женщин в «особых случаях» и в случаях совместной работы этих лиц с главами их семейств. Эта новая норма объяснялась соображениями «нравственного характера», «в видах ограждения добрых нравственных основ семейной жизни, которые могут быть поколеблены при разобщении в ночное время родителей с детьми, а жен с мужьями». Административной власти было предоставлено также разрешать работать малолетним (до 15-и лет) в воскресенье и высокаторжественные дни, если производятся работы взрослыми рабочими.

Таким образом закон 1890 г. о работе малолетних и женщин в угоду предпринимателям в корне изменил установленные ранее нормы, благоприятные для рабочего класса. Не мудрено, что ответом на это был новый взрыв рабочего движения.

Под влиянием участвовавших забастовок правительство издало закон в 1897 г., ограничивающий рабочий день 11½ часами. Закон этот не касался малолетних и подростков. Только после революции 1905 года в 1906 г. был издан закон, распространивший регулирование рабочего времени в ремесленных и торгово-промышленных заведениях. Предприниматели обязаны были освободить малолетних служащих до 16-и лет на 3 часа ежедневно для посещения школы. Так как за исполнением закона никто не следил (надзор фабричной инспекции распространялся в России только на более крупные промышленные предприятия) да и закон предусматривал ничтожную кару в виде штрафа, то фактически он не был проведен.

В начале империалистической войны под маркой патриотической работы на оборону именным высочайшим повелением за подписью Николая II были отняты многие завоевания в области ограничения женского и детского труда. Вновь был допущен ночной и подземный труд женщин и детей.

Тов. Ленин сравнивал образно результаты такой законодательной защиты с переноской воды в решете.

Стоит еще упомянуть о деятельности пресловутой фабричной инспекции. Составленная из соответственно подобранных людей, покорных правительству и фабрикантам, фабричная инспекция смотрела сквозь пальцы

на нарушения законов. Так, обнаружив за 1900—1902 гг. 4.566 нарушений, инспекция только в 150 случаях составила протоколы. Тов. Ленин в брошюре «Новый фабричный закон», написанной в 1897 г., так охарактеризовал инспекцию: «Фабричные инспектора вполне подчинены министру финансов, который превращает их в прислужников фабрикантов, заставляет их доносить полиции о стачках и волнениях, заставляет их преследовать рабочих за уход с фабрики даже тогда, когда их не преследует фабрикант. — одним словом, превращает фабричных инспекторов в каких-то полицейских служителей. Фабрикант имеет тысячи способов влиять на фабричных инспекторов и заставлять их делать по-своему. У рабочих же нет никаких средств повлиять на фабричную инспекцию».

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

ДЕТСТВО РАБОЧЕГО

«Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за него вознаграждения. Девяти лет, мальчишками, нас стараются с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную плату из-за куска черного хлеба, поступаем под приемотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного всяческими нечистотами воздуха. Спим где попало — на полу, без всякой постели и подушки, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов. В таком положении некоторые навсегда зату-

¹ Рабочий Петр Алексеевич Алексеев, принадлежа к народническому кружку, вел энергичную пропаганду среди московских рабочих. Кружок был обнаружен и все его участники арестованы (1875 г.), а затем преданы суду сената. В суде Алексеев произнес (10 марта 1877 г.) речь, характеризовавшую положение рабочего класса. Эта речь была отпечатана нелегально и быстро распространилась среди молодежи, произведя на нее громадное впечатление. Алексеев был приговорен к каторжным работам, но, продержав его в Харьковской тюрьме, в 1881 г. отправили на поселение в Сибирь, на Кару, где его убили (1891 г.) два якута с целью грабежа. (Из воспоминаний Э. К. Панкратова („Былое“ № 19, 1922 г.). Приведенный отрывок является началом речи т. П. Алексеева на суде).

иляют свою умственную способность, и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить грубо воспитанное, всеми забытое, от всякой цивилизации изолированное, мускульным трудом зарабатывающее хлеб — рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период».

Н. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

НА ТКАЦКОЙ ФАБРИКЕ ¹

(Из заметок и наблюдений конторщика)

Лаврыч только-что хотел выйти, как вдруг взгляд его упал на другого земляка — мальчишку.

— Ах, ты боже мой милостивый! Куда я тебя-то дену! — патетически воскликнул он, уставившись на мальчика.

Мальчик, мигая глазенками, внимательно и с недоумением глядел на Лаврыча.

— А вот погоди, — продолжал он в раздумьи, — у мюльщика Антипа, кажется, «заднего» ² нет. Я, брат, тебя никак на мюльную упрячу. Вот поспрошу пойду.

Лаврыч вышел. Будущий ткач, из-за которого пришлось лишиться места бедного Никиту, отретировался в угол конторы; один только мальчик не двинулся с места и с любопытством оглядывал комнату. Все это, повидимому, казалось ему и дико и вместе «занятно». Бойкие глазенки его смотрели весело и доверчиво, загорелые щеки алели ярким румянцем, во всей позе проглядывало что-то молодецкое и в то же время солидное, как и следует будущему работнику. «Что-то из тебя останется через полгода!» — невольно подумал я, заглядываясь на это ребячье молодечество и деревенское здоровье, еще

¹ Взял отрывок, касающийся молодежи, из книги „Текстильщик“.

² На мюль-машине у главного рабочего былал обыкновенно два помощника — мальчика: „подручный“ и „задний“.

нетронутое фабричной работой и жизнью. Я подозвал его к себе. Мальчик доверчиво подошел.

— Как тебя зовут, мальчик?—спросил я.

— Николка,—ответил он бойко, разглядывая меня.

— А который тебе год?

— Одиннадцатый.

— Молодец, брат, в самый раз на фабрику. Что же, отец и мать живут у тебя?

— Отца нету, а мать жива: на ручной фабрике холсты ткет.

— А братья и сестры есть?

— Сестер нету, а младший брат в кузнице работает.

— Сколько же лет твоему младшему брату?

— Скоро девять.

— Вот так работник! Ну, а ты, братец, зачем так рано к нам на фабрику пришел? Ведь замучат тебя здесь...

— Так надо,—решительно ответил мальчик.

— У его дед нонче по весне захворал: ноги у него отнялись, так некому стало подушное платить, да за землю,—вставил в виде пояснения его земляк, с любопытством прислушивавшийся к нашему разговору.—Вот его снарядили на фабрику; пусть поработает! Известно—бедность, жить нечем.

— Так он, значит, будет тут подати отрабатывать?

— Что же делать...

— Куда ж вы его тут пристроите, на хлебы-то?

— Да я, барин, и сам не знаю; со мной где-нибудь будет... Ну, и сам тоже получать будет; есть захочет, так купит.

— Ну, не больно-то много он тут получит. Земляки-то у вас тут есть, кроме Кондратия Лаврыча?

— Есть. Вот два брата Гулиных, Сергей Кононов—все это наши...

— Так вы с ними и поселитесь; все лучше будет между своими, и за мальчишкой лучше приемотрят, приберегут. Так ли?

— Это верно.

В контору снова вошел Лаврыч.

— Ну, Николка, — сказал он торопливо, — счастлив твой бог, скоро твое дело решилось! Пойдем, я сведу тебя к Антипу, он берет тебя в «задние». А ты, брат, Сидор, подожди до субботы,—обратился он к другому зем-

ляку.—В субботу у нас расчет будет, тогда и станок освобонится... Пойдем, паренек!

Николка отошел от меня и степенной походкой отправился вслед за Лаврычем.

— Ты гляди, Лаврыч,—крикнул я вслед ему.—чтобы Антип как-нибудь не зашиб Николку-то: мужик он сердитый, а много ли ребенку надо.

— Зачем зашибать,—ответил Лаврыч,—разве когда постегает маленько, да от этого вреда не будет: это в пользу.

Итак дело Николки решено: новый работник принят на фабрику, новый ребенок обречен на гибель. Через два—три месяца его и узнать нельзя будет: он сгорбится, исчахнет, пожелтеет; грудь у него ввалится, глаза загнойтся, голос охрипнет. А сколько его бить-то, бедного, будут, пока он не привыкнет к машине и не отучится портить хозяйское добро. Надо заметить, что дети, работающие на мюль-машине, зависят не от хозяина, а исключительно от старшего работника при этой машине, который нанимает детей от себя и сам платит им жалованье. Он и приучает их к машине, и карает их, и милует—словом, делает с ними, что хочет, и хозяин в это дело не вмешивается, он взыскивает только со старшего (концового). К сожалению, большая часть мюльщиков бесчеловечно обходится с детьми и при малейшем недосмотре или неумелости награждает их такими шлепками и затрещинами, что дети зачастую работают сквозь слезы, изнывая от боли или трясясь от страха. На мюль-машине дети чахнут и истощаются скорее других, тут они чаще всего получают увечья (и большую частью не от самой машины, а от фразозлившихся мюльщиков), отсюда больше всего отвозят их в больницу и на кладбище. Как быстро чахнут здесь эти дети—просто даже невероятно. На моих глазах, в течение двух лет, исчахло и истаяло такое множество знакомых мне ребят, преимущественно мюльных, что можно было подумать, что дело происходит где-нибудь в больнице, а не на фабрике. Приедет бывало из деревни мальчишка, такой здоровый, румяный, крепкий и бойкий, а там глядишь, и начнет таять, как свечка, так что ветер его чуть не шатает, а потом и исчезнет вдруг совсем. Спросишь: «Где Сенька?»—«Помер,—ответят,—Сенька еще на прошлой неделе». Ну, и делу конец.

А на месте его, глядишь, уж другой ребенок стоит, свежий еще, хотя тоже пристально уже нахмурил брови и старается поймать своими неумелыми ручонками обрывающуюся и ускользнувшую нитку; а мюльщик искоса сурово глядит на него, готовый вознаградить его здоровым пинком за малейшую оплошность. Нельзя, впрочем, винить и мюльщика за его суровость. За каждую ошибку ребенка он ведь отвечает; за всякий недосмотр новичка с него штраф тянут; на ком же ему и выместить свою злость, как не на «подручном» ребенке, который находится в полном его распоряжении? Ну, и вымещает.

Вообще положение малолетних работников и рабочих на фабриках, как всем известно, слишком незавидное. У кого из детей есть на фабрике своя семья, тому еще ничего: за ним присмотрят, защитят и подчас, может быть, даже обласкают; и хотя все заработанные деньги у него сполна отбирают родители, но все-таки у него есть готовая квартира и стол, он не голоден и не зябнет. У кого же нет своей семьи, тому подчас приходится очень плохо. Такой ребенок живет уже вполне самостоятельно, как и все работники; о нем уже некому заботиться, и он сам уже инстинктивно старается примазаться туда, где подешевле или где можно заплатить за хлеб и уют не деньгами, а услугой. Вот и нанимаются они за стол или чистить машины (кроме своей, чистка которой относится к числу его неперемennых обязанностей), или служить на посылках и таким образом живут, чем бог послал. Родители привозят своих детей на фабрику из соседних деревень, а иногда и издалека, с тою целью, чтобы дети поработали сколько-нибудь на подмогу семьи, а иногда и для того, чтобы избавиться от лишних желудков, требующих хлеба, которого взять неоткуда. Мать, привезя ребенка, долго причитает над ним, заливаясь горькими слезами, затем она кланяется в ноги землякам-рабочим, чтобы не оставили ее сына, наконец благословляет ребенка, поручая его на волю божию, и с сдавленным сердцем удаляется за ворота. Этим заканчиваются все ее отношения к ребенку, и с этой минуты ребенок начинает вполне самостоятельную жизнь. И вот с десяти лет он уже становится на свои ноги, делается настоящим мужиком, и на его неокрепший еще организм всю свою тяжесть сразу навали-

ваются все невзгоды той каторжно-фабричной жизни, какую испытывает и взрослый работник. Он работает ничуть не меньше взрослого: те же шесть часов днем и шесть часов ночью, а где нет ночных работ, он начинает свою работу еще раньше взрослого, в пятом часу утра, а кончает позже, в девятом вечера, следовательно, работает в сутки около пятнадцати часов. На этих фабриках в течение целого дня ему дается для отдыха только один час времени, назначенный для обеда, который он большею частью и проводит тут же при машине за куском хлеба. Бог знает, какую работу он перенесет легче: ночную или дневную! На тех фабриках, где существуют четыре смены, как у нас, например, он работает всего двенадцать часов, тогда как на фабриках, имеющих одну дневную работу, ему приходится работать до пятнадцати часов¹, но кажется, что ночная работа изнуряет детей гораздо больше, чем дневная, хотя им и меньше приходится работать; по крайней мере, там, где есть ночные работы, они имеют вид более хилых и измученных.

Самый процесс работы ребенка на прядильных фабриках ничуть не легче работы взрослого, если только не тяжелее. Ребенок все время должен быть внимателен к машине, так же, как и взрослый; над ним во всей силе тяготеет тяжелая система штрафов, если он самостоятельный работник, и при малейшей оплошности на него сыплются увесистые пинки и толчки, если он нанят другим рабочим. При чистке машин труд ребенка громаден; его маленьким недоразвившимся телом пользуются, чтобы заставить его пролезать в такие теснины между валами, рычагами и колесами, куда взрослый не пролезет, и там дитя, скрючившись в три погибели, сметает щетками пыль и приставшие волокна хлопка, задыхаясь от этой пыли и от мучительного положения тела. При мюль-машине дети очищают от пыли ее бруски и тележки даже во время их хода и работы и таким образом большую часть дня проводят под машиной в согнутом положении, постоянно корчась и извиваясь, чтобы не быть раздавленными движущимися частями машины.

¹ Обыкновенный работник на таких фабриках работает 14 часов по малолетние обычно начинают работать раньше и кончают позже, так как им большею частью приходится чистить и прибирать машины до начала и по окончании работ.

Тем-то, говорят, и необходимы маленькие дети на пря-
дильных машинах, что их во многих случаях никакой
взрослый заменить не может; тело у них, во-первых,
более тонко и гибко, чем у взрослых, а во-вторых (что
самое главное), пальцы их гораздо меньше, гибче и про-
ворнее, так что они неизмеримо лучше и ловчее ловят и
перевязывают порванные нитки, чем грубые пальцы
мужиков. Мне даже приходилось слышать такие пара-
доксы от специалистов, что впоследствии на всех бумаго-
прядильных фабриках главными работниками будут
одни дети и что труд их по своему удобству и выгоде,
по отношению к бумагопрядильному производству, че-
пременно вытеснит из фабрик труд взрослых, тем более,
что на этих фабриках физическая сила не нужна вовсе,
а нужна ловкость, тонкость и гибкость пальцев и тела,
чем преимущественно и отличаются дети. Вот до каких
мечтаний доходит господа специалисты! Разве только
что вот выгода их очень смущает! А выгода, действи-
тельно, несомненная. Дети на бумагопрядильных фабри-
ках работают на следующих машинах и получают сле-
дующую заработную плату:

1) Кард-машина, на которой работают мальчики и де-
вочки от 10 до 11-и лет. Жалованье им платится от хо-
зяина от 4 до 5-и рублей в месяц, смотря по заслугам
и по усердию.

2) Мюль-машина, на которой работают одни маль-
чики. При этой машине старший рабочий (концовый)
нанимает от себя мальчиков: одного подручного, лет 14-и,
и одного или двух задних, лет 10—12-и. Первому пла-
тится в месяц около десяти рублей, а второму от шести
до семи рублей.

3) «На катушках» работают одни девочки от 11 до
12-и лет и получают от хозяина по четыре—пять рублей
в месяц. Таким образом дитя-рабочий при самом тяже-
лом, непосильном труде вырабатывает в месяц средним
числом только около пяти рублей и то только в том слу-
чае, если он ничем не провинился или с него не вычли
рубля или двух штрафу. Из этих денег рубль три или
четыре он тратит на свое содержание, а остальные ста-
рается сберечь и спрятать, чтобы потом при «верной
оказии» отослать домой на подмогу. Тяжело, как видите,
достается и копится эта подмога.

Не удивительно после этого, что от такого огромного
труда и жалкого вознаграждения детский организм
быстро надламывается и искажается. Мальчики и де-
вочки 14—15-и лет часто кажутся детьми не более 8—
10-и лет, и наоборот, многие десятилетние так дряблы и
лица у них такие старческие, что они кажутся сорока-
летними карликами. Девочки 13-и лет походят более на
какие-то высохшие остоны, еле движущиеся и сгорблен-
ные, хотя сравнительно их работа гораздо легче, чем
работа мальчиков. Вглядитесь вы попристальнее в маль-
чика, проработавшего на фабрике два—три года, и вы
надолго запомните отличный тип этой «рабочей
силы». Желтое, худое лицо, впалые щеки, большие глаза
и понуряя голова; на всех его движениях и всей его
фигуре лежит уже отпечаток преждевременной и неесте-
ственной солидности и дряхлости: он уже израсходовал
запас своих сил, не дав им правильно сформироваться;
ходит он сгорбившись и с'сжившись, глядит сбычившись,
исподлобья, говорит хрипло, и говор его часто прерыва-
ется глухим и удушливым кашлем, вырывающимся из
истощенной, вдавленной груди. В нем не осталось и сле-
дов его детства, кроме его маленького роста; да он и не
любит как-будто ничего детского, и в праздники, напри-
мер, если и играет, то непременно в карты или в бабки,
редко в лапту, а подчас и в кабаке сидит вместе с рабо-
чими и даже пьян бывает, как стелька... Вот вам тип
ребенка-рабочего. Конечно, бывают и исключения; встре-
чаются натуры более выносливые и крепкие, да очень
редко.

Мы имели уже случаи говорить, что родители отдают
детей на фабрику ради той малой прибыли, которую мо-
жет им заработать дитя; но эта прибыль и самим роди-
телям впоследствии обходится чересчур дорого. Ребенок,
проработав на фабрике несколько лет и истощив в непо-
сильном труде свои силы, если и остается жив, то, до-
стигнув зрелых лет, становится вовсе неспособным ни к
какой физической работе и таким образом поневоле са-
дится на шею своим родителям и родственникам, про-
давших за бесценок фабриканту его здоровое детство, его
юные силы и все надежды, основанные на них. приме-
ров таких мне приходилось видеть и слышать много.

В. ГЕРАСИМОВ

ИЗ ЗАПИСОК СОЦИАЛИСТА-РАБОЧЕГО

На фабрику мы прибыли в первых числах июля 1864 г. Здесь нас поместили в седьмой казарме; девушек в верхнем этаже, а нас в нижнем. Я, вместе с 30-ю другими мальчиками, попал в № 3. Как только мы разместились в своем новом жилище, к нам явился учитель и произвел нам нечто в роде экзамена, заставляя нас молиться по православному обряду. Но так как я молиться по-православному не умел, то он наградил меня несколькими пощечинами и объявил, что если я завтра не буду хорошо молиться, то получу розги.

По уходе учителя я долго зубрил при помощи одного из русских питомцев молитвы, стараясь избавиться от наказания, которым прозил мне учитель. Выучив молитвы, я подошел к своей кровати и оглянулся. Комната наша была довольно обширная; посреди нее стояла русская печка; к одной из стен был привешен большой медный рукомойник, а вдоль стен стояли наши койки. Койки наши были железные; на них соломенные тюфяки и такие же подушки, простыни, наволочки и суконные одеяла. Рассмотрев все это, я лег на свою кровать, но мне долго не спалось на своей постели. Воспоминание за воспоминанием пробуждались в моей памяти. Я вспомнил о тех добрых воспитателях, с которыми я так неожиданно должен был расстаться; вспомнил о своей родной матери, о ее ласках и тех горячих слезах, которые она проливала, когда приезжала ко мне. Предо мной пронеслось все мое прошлое... «Но что же будет дальше?»—

думал я. Суровый прием, оказанный нам на первых порах, угрозы учителя и те пощечины, которыми он меня награждал при первой же встрече, не порождали розовых надежд, и будущее мне рисовалось в самых мрачных красках. Мне было грустно...

И как хотелось мне хоть еще раз увидеть своих добрых воспитателей, свою родную мать, как хотелось горячо, горячо прижать их к своей наболевшей груди, рассказать им о своем безвыходном положении, поделиться с ними своим горем. Но, увы! Их не было... И я заплакал горькими детскими слезами.

На другой день утром я встал с тяжелой головой. Убрав свою постель, я пошел на двор. Здесь было много мальчиков и девушек; с последними нам строго воспрещалось говорить или иметь какие-нибудь отношения. Все мы были печальны и скучны, нигде не было видно детской веселости.

На этом же дворе помещалось, кроме нашей, еще шесть других казарм, в которых жил вольный народ.

Нас из Финляндии было 200 человек; 100 мальчиков и 100 девушек; русских было столько же; всех вместе—400 человек. На третий день нас повели на фабрику и дали нам «черные номера». Черными у нас назывались номера, населенные прядильщиками; назывались они так в отличие от белых номеров, где жили ткачи, которые вследствие условий работы могли одеваться и содержать свои номера значительно чище первых. Мы почти все попали в черные номера, т. е. в прядильщики, только четверо счастливцев попали в ткачи. Мне дали черный номер—№ 107; с этих пор я стал ходить на работу.

На работу нас поднимали в 4 часа утра. Я работал на ватерных машинах, и мне приходилось стоять все время на одной ноге, что было очень утомительно. Этот адский труд продолжался до 8-и часов вечера.

Измученные этой работой до полного истощения сил, мы принуждены были в 9 часов вечера идти еще в школу, где нас учили или, вернее сказать, мучили до 11-и часов. В школе нас обучали письму, чтению и арифметике. Но, конечно, учение наше шло очень плохо; до учения ли нам было в этот поздний час! Тем более шло оно плохо, что наш учитель принадлежал к типу тех педагогов, которые признают кулак да розгу лучшими средствами

для воспитания детей. Мы очень боялись учителя; бывали случаи, что некоторые из нас падали в обморок, когда учитель набрасывался на них с поднятыми кулаками. Усталые, измученные, дрожа каждую минуту в ожидании толчков и затрепчин, мы ровно ничего не выносили из школы. Я помню, например, как один ученик делал у нас вычитание так: $2-2=2$. И этот ученик учился уже 8 лет.

По праздникам и по воскресеньям к нам приезжал священник и учил нас закону божью.

По воскресным дням и по вечерам, по окончании работ, я не смел выйти никуда без билета, который должен был брать у учителя. Он, выдавая билет, обыкновенно говорил: «Смотри, я отпускаю тебя на час; если просрочишь, то в карцер или розги». В карцер сажали на хлеб и на воду, а розог давали от 25 до 100. Розгами били в казарме, а при этой операции находились: учитель, управляющий Александр Егорович Фрей и десятник, а наказывали сторожа. На фабрике же наказывали директор и его помощник Василий Васильевич Тринкин. Эти лица были настоящие тираны; особенно отличались Тринкин и учитель. На фабрике наказывали плетью. В конторе постоянно у дверей стоял палач Голянищев, который бил по приказанию начальников.

Я привожу несколько фактов, как били меня самого. Один раз я нечаянно сломал щетку, за что получил 25 ударов плетью, другой раз—50 ударов за то, что проехал на подъемной машине с 4-го этажа в третий; меня били так сильно, что на моей спине не осталось белого места—вся была черная, как сапог. В карцере я сидел несколько раз; так, однажды я попал туда за то, что не успел на проверку. Не стану говорить о том, сколько я головомоек получил от десятника и от других... Скажу только, что на фабрике мастера и подмастерья явно убивали детей. Я сам видел, как один подмастерье бил одну девушку, которая на другой же день слегла в больницу и там умерла. Детей ставили часа на два на колени на осколки старых кирпичей и на соль, таскали за волосы, били ремнями... Словом сказать, делали с ними все, что только хотели.

Пища у нас была самая скверная; каждый день одни щи и по маленькому кусочку говядины, а кашу варили

только раз в неделю, в субботу вечером. Иногда нам варили горох. Из-за него раз у нас вышла целая история. Однажды сварили нам его с червями; мы пошли к Фрею и просили его дать нам на ужин селедок, так как горох мы есть не можем, но он отказал. Потерпев здесь неудачу, мы решились отправиться к исправнику, но тут вышло еще хуже: нас отпороли на славу. Летом было особенно плохо, так как капуста была гнилая, мясо тухлое, хлеб заплесневший.

Одежда наша состояла из пальто, полушубка, сапог, башмаков и шапки; вот и весь наряд. Белья нам давали две пары на полгода, переменили его нам каждую субботу; но несмотря на это, белье у нас было всегда грязно, так как верхней одежды у нас для работы не было и нужно было работать в одном белье. В первый же день по прибытии на фабрику белье наше загрязнилось до того, что не было и признака, чтобы оно мылось хоть когда-нибудь. Мы ходили грязные и оборванные. Летом мы еще кое-как перебивались с этой одеждой, но зимою нам было невыносимо холодно, так как одежда у нас была рваная, а полушубок не покрывал и колени; а между тем казарма, в которой мы жили, отстояла от фабрики почти на целую версту: вот тут-то и пробирал мороз.

В казарме житье было невыносимо: за все—розги да розги. Из тех детей, которые приехали со мною в Нарву, в живых уже нет и половины. Холод и голод свели их в преждевременную могилу. Были у нас протесты и бунты, но они не улучшали нашего положения и обыкновенно кончались поркой. Случались и побеги, но напрасно: бежавших привозили назад из Петербурга и жестоко наказывали.

Я еще ничего не говорил о нашем хозяине, Оресте Федоровиче Кольбе; это был в полном смысле деспот. Однажды мне пришлось попасть к нему в когти. Это было вот как. Раз, по окончании работ, я пошел с товарищем в мелочную лавку; мы там купили хлеба, масла и еще чего-то, не помню. Лавочник, как это водится, дал нам по папиросе, и мы, закулив, вышли из лавки; но, как на грех, навстречу нам попался хозяин, который, увидев нас, подозвал меня к себе и спросил, что делаю я? Получив утвердительный ответ, он сильно рас-

сердился. «Такой молокосос, а куришь»,—закричал он и, обругав меня непечатным словом, схватил меня за волосы и начал бить по щекам. Не ограничившись этим, он подозвал сторожа и велел на другой день привести меня в контору, но, подумав немного, приказал сторожу отвести меня к Фрею и посадить в карцер. Управляющий, узнав, в чем дело, удивился и пожалел меня, но ничем дела поправить не мог. Но этим дело еще не кончилось. На другой день я по ошибке был вызван в контору; узнав от писаря, что он меня не вызывал, я пошел было назад, как вдруг совершенно неожиданно наткнулся на Тринкина. Я испугался не на шутку и хотел увильнуть от этой неприятной встречи, но было уже поздно. Как только я поравнялся с ним, он накинулся на меня и сильно побил. Вот как дорого обошлась мне эта злополучная папироска.

Но жаловаться было некому; да и не зачем... Инспектор воспитательного дома, господин Безобразов, приезжал только раз в год, и то никаких жалоб не принимал.

В 1868 году, около рождества, я маслил большой шкаф ватерной машины и попал в нее рукой. Ушиб был настолько силен, что меня отравили в больницу, где я пролежал четыре месяца. По выходе из госпиталя меня по моей просьбе перевели в ткацкую. Здесь мне было немного лучше; я работал на двух станках и зарабатывал от 18-и до 22-х рублей в месяц. Из этих денег хозяину платил за свое содержание 8 рублей, а остальными покрывал долг, получая на руки лишь 5 к. с рубля. Долгу к этому времени у меня набралось до 136-и рублей.

При поступлении на фабрику директор положил жалованья нам по 4 рубля; из этих денег нам давали лишь 8 к. в месяц, т. е., по 2 к. с рубля. За такое жалованье я жил целых четыре года. До шестнадцати лет с меня хозяин брал за содержание 6 р. 50 копеек. Поэтому я оставался должен ему каждый месяц по 2 р. 50 к., а иной раз и больше, так как с нас часто брали штраф за разные провинности, и эти штрафные деньги присчитывались к долгу. Когда мне наступил двадцатый год, с меня хозяин стал брать за содержание по 10-и рублей в месяц.

Таким-то образом и составилась мой долг, на покрытие

которого шел почти весь мой заработок. Через три года мне удалось выплатить все, что я должен был хозяину. Но положение мое после этого не особенно улучшилось, так как мне все-таки не выдавали на руки весь мой заработок, а только 10 копеек с рубля, остальные деньги шли в ссудо-сберегательную кассу, и я мог их тратить лишь под контролем хозяина¹.

¹ Взято из книги „Текстильщик“. История, быт и борьба.

С. АЛИЛУЕВ

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

Насколько мне память позволит, я хочу охватить период почти за 20 лет. Я не приступаю прямо к изложению моего вступления в партию; я считаю, что необходимо описать период за три года до вступления в партию. 1902—1903—1904 гг., и вот почему. В это время юношество искало путей, нужно сказать, очень мучительно. Беспросветная тьма давила нас: 12-часовой рабочий день, а подчас и 16-часовой. И все-таки искали ощущение выхода.

Жил я тогда в Костроме на небольшой фабричке. Нас, мальчиков, было человек двадцать. Ученье — пять лет, общие нары; хозяева только давали стол; остальное свое. Среди нас, мальчиков, чисто случайно образовалась небольшая группа, увлекавшаяся чтением. Книги брали из библиотеки Островского. Конечно, читали беспорядочно, да и что можно было в то время читать. Хозяева наши, видя, что мальчишки часто читают (а нужно сказать, что чтение преследовалось; поэтому читали украдкой, и, чтобы хозяева не видали огня в спальней, мы тщательно занавешивали окна одеялами), нас накрывали неожиданными налетами. От господ-хозяев нам доставалось частенько. Кроме колотушек нас оставляли недели на две без обеда и чая, только выдавался черный хлеб, а воду пили без сахара. Хозяева были люди богомольные и, конечно, для спасения своей души нас гоняли в церковь. Нашли регента, который составил из нас духовный хор. Нас принялись учить этой премудро-

сти. И вот после 12-часового рабочего дня мы еще часа два драли глотки. Пение это так нам надоело, что мы всеми мерами старались от него избавиться, путем даже лишней работы в мастерской.

Раз как-то летом в 1902 г. в один из праздничных вечеров нам, измученным пением и праздничной работой (а работа эта заключалась в следующем: к нашей фабричке пристраивали новый трехэтажный корпус. Каждый праздник нас заставляли таскать кирпичи, тес, убирать мусор, носить землю на потолок третьего этажа), хозяева позволили лишний раз напиться чаю. Мы все сели пить чай. Чтобы облагодетельствовать нас за труды, хозяева в награду нам присылают один арбуз. Это на двадцать-то человек! Федя Московский, который всех смелей был из нашей группы, подталкиваемый пролетарским инстинктом, воскликнул: «Ребята! Работать больше не будем; над нами издеваются. В следующее воскресенье все с утра за ворота, и тот, кто останется, — изменник». Было страшно смотреть, как из раба просыпался пролетарий, который приковывал нас одним взглядом, и если бы он сказал: «Ребята, за мной», вряд ли кто остался бы на месте. В то же время он торжественно спускает с лестницы злополучный арбуз, который с треском вылетает на улицу, и хозяин мог с террасы лицезреть, как его рабы выбрасывают подарок. Это первый протест, в котором я участвовал и переживал резкий перелом какой-то бодрости: не сгибать голову, а выше поднимать.

На другой день Федя Московский подходит ко мне: «Знаешь что? У меня есть дело. Вот ты и еще Геннадий Ромашов, давайте найдем место, где нас никто не видал бы». Я предложил духовое отопление. Там есть боровы, за которые мы и пролезем. Так и сделали. По окончании работ мы собрались, Федя достал чернил, бумаги и говорит: «Я думаю, что если мы опишем, как нас мучают, и пошлем в газету, то наше положение облегчат. Поэтому вали, Костя, пиши: ты хорошо пишешь, складно». Правда, я тогда ребятам часто читал вслух и вот, благодаря этому, я неожиданно превратился в литератора, если так можно выразиться. Мы втроем принялись за составление нашего письма. Полностью я уже не помню наше начало. А начало было таково:

«Дорогой Костромской листок, обрати внимание на мальчиков, работающих там-то и там-то». Дальше следовало описание нашей жизни. А так как Федя и Геннадий мне подсказывали, то они мне напомнили и о том: «А ты забыл, как Петрушку поролли на прошлой неделе». Следовало и это добавление. Мы старались нагромоздить все отрицательное, что мы юношеским умом сознавали. Наше письмо вышло довольно порядочным. Мы весь лист исписали кругом. Когда закончили, прочитали, запечатали в конверт; но одно упустили из виду: не подписали своего имени. Мы не подписали не из боязни, а просто не знали, что нужно было подписаться, и вот мы стали ждать в газете нашего письма. Сначала мы чувствовали себя соколами и заранее предвкушали радость. Но день за днем становилось все мрачнее, ибо мы тратили пятаки на покупку газеты, но нашего описания нет и нет. Бывало который-нибудь обращался ко мне: «Чего, нет сегодня?»—«Нет»... И гасли наши надежды и юношеские мечты. И опять надежда на завтрашний день. Который-нибудь высказывал предположение, что, мол, в газете разбирают. Разберут—пропечатают. Неделю мы питали себя надеждой. Но я должен сказать, что положение наше все-таки стало улучшаться. Пришли какие-то господа: осматривали постели, качали головами; что-то отмечали; хозяева вертелись около них, как волчки. Только и слышно было от них: «устроим, переделаем». После этого посещения нам завели койки, одеяла, соломенные подушки и тюфяки. Однако только одно не улучшилось: попрежнему продолжалось избивание мальчиков. Кроме старшего мастера, мальчиков били и подмастерья. Даже дворник и кучер могли дать любому из нас подзатыльник. И если мальчик вздумал бы пожаловаться хозяину, то только получил бы добавление, т. е. второй раз подзатыльник. И единственная только группа, которой не трогали,—это были мальчики, уже кончавшие свой срок ученья. Их не били не потому, что истекал их срок ученья, а потому, что им было уже 19—20 лет, и они имели порядочные кулаки, чтобы дать сдачу обижавшим их.

Раз произошел случай с Феей Московским, который уже доканчивал 4-й год ученья: когда старший мастер ударил его и хотел уже по всем правилам тузить,

Федя вырвался из рук и в свою очередь ударил мастера по щеке так, что пощечина раздалась по мастерской. Мигом все в мастерской приостановилось и стали наблюдать. Я был вблизи от этого места. Работал. Видел Федю. Его лицо было страшно, полно решимости пойти на все. И вот эти глаза смотрели в упор в глаза мастера. Одна минута... Мастер опомнился и крикнул на всю мастерскую: «Что, сволочи, не работаете». Молотки застучали, как будто ничего не случилось. А случилось очень важное для нас, мальчиков. Мы видели на примере Феи, что из забитого существа явился человек, который мог отстаивать свои права. Конечно, Фею Московского на другой день выгнали, и он уехал в Москву. При прощании со мной и Ромашовым он сказал: «Надо бороться до конца, иначе все погибнем». Этот умный, даровитый юноша, как я слышал после, за распространение прокламаций был в Москве арестован и выслан и, может быть, в одиночной борьбе погиб, прокладывая дорогу другим. Мы долго толковали о нем, и поступок его придавал нам мужества. Наш мастер и хозяева изменили тактику: били уже тихонько, не на виду у всех, а больше в конторе и, конечно, тех, которые послабее.

В то же время среди мальчиков, которые были старше нас, стала развиваться сначала просто выпивка, а потом эта выпивка более и более усиливалась и превратилась в пьянство. Когда же мальчики кончали учение, то становились заправскими пьяницами. Самый выход из учения обуславливался по традиции: кончив учение, мальчик ставил угощение своим мастерам, как бы платил за него. А потом и начиналось систематическое пьянство. Беспросветная темнота способствовала этому. Не избегал этой участи и я. Когда получил первое жалованье и ставил литки, то удивил своих учителей, ибо пьянство продолжалось два дня. За это я получил от хозяев предупреждение, что если повторится, то, мол, вылетит. Так бы, пожалуй, и продолжалось, если бы внешние события не влияли на нас.

1904 год это—год начала рабочего движения. В Костроме были уже стачки. На фабриках говорили, что какие-то люди подбивают рабочих на бунты. Разговоров в то время очень много было о том, что, мол, появились

внутренние враги, которые хотят Россию продать. Мы, молодые рабочие, чувствовали, что что-то не так, но нам очень хотелось посмотреть на этих внутренних врагов. Как-то раз мы (я, Геннадий Ромашов и Алексей Мокров) шли с работы на обед и увидели следующую картину: два жандарма, с палками наголо, вели девушку по направлению к тюрьме. Мы остановились. Конечно, наши сочувствия были на стороне девушки. Но все-таки мы были разочарованы, прежде всего потому, что мы думали, что внутренние враги это—люди в красных рубашках, большие. И вдруг—девушка. Конечно, мы не знали, какая сила была у этих девушек. Распространился слух, что ее поймали где-то под мостом во время приготовления бомб для взрыва чуть ли не всего города. Какие бы слухи ни носились, мы, молодые рабочие, чувствовали, что это не так. Как-то я шел на работу, и на одном окне нашел свернутую бумажку, развернул ее и только успел заглянуть, как мне бросилось в глаза: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Быстро спрятав в карман эту бумажку, я побежал в мастерскую. Вызвал Геннадия и Мокрова и сказал им: «Пойдите куда-нибудь в укромное место, я вам кое-что скажу». Видя меня очень взволнованным, Геннадий сказал: «Ты что, деньги, что ли, нашел?» Мое настроение быстро перешло и к ним. Приняв все меры предосторожности, я вытащил из кармана прокламацию и читаю: «Российская Социал-Демократическая Рабочая партия»... В этой прокламации описывалась наша жизнь, как нас эксплуатируют, ведут войну, царь и генералы воруют и что рабочие представляют пушечное мясо. И в конце: «Довольно, товарищи-рабочие, терпеть. Организуйтесь под знаменем РС-ДРП. Только она может нас избавить от нищеты и каторжного труда. Долой самодержавие. Долой войну. Да здравствует социализм. Костромской Комитет РС-ДРП.»

Когда я кончил читать, мы некоторое время были в тупике. Мы переживали и сомнения и надежды. Нам непонятно было многое, многие слова первый раз слышали, как, например: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «социализм». Царь, которого мы еще считали непогрешимым, оказывается, считается нашей партией кровопийцей. Мы уже хотели приступить к уничтожению

этой прокламации, но, увидев внизу слова: «Товарищ рабочий, прочти и дай другому», Ромашов предложил повесить ее, говоря, что, может, эти люди действительно хотят нам добра, а если же нет, то не беда—пусть прочитают. И вот Ромашов в коридоре отхожего места повесил на стену найденную нами прокламацию. Прошел час—другой, работа протекала нормально. Мы осторожно наблюдали. Как и везде, в то время у нас водились так называемые языки—любимцы хозяев. Таким любимцем был у нас Эмальев. Его мы все ненавидели и при случае устраивали ему темную. Вот этот-то тип подошел к старшему мастеру, шепнул ему что-то, и они оба пошли в тот коридор, где висела прокламация. И вот вылетает мастер, держа в руке прокламацию. У этого господина от страха, видимо, отнялся язык. Быстро одевшись, он побежал за ворота. Признаться, мы трое порядком струхнули и соображали, что сейчас придет целая рота солдат. Конечно, никто не пришел, но мастер успокоился, стал подходить к отдельным рабочим с такими словами, как будто он сам и печатал эту прокламацию. На другой день мы поняли, что ночью здесь были гости, ибо все наши ящики были перерыты. Мальчики говорили, что жандармы и у них в сундуках перерыли. Тем дело и кончилось. Но не кончилось только у нас троих.

Пользуясь каждой минутой (а мы и на квартире жили вместе), мы долгое время решали этот вопрос. Правда, жизнь давила нас. Каждую получку мы только пили, пропывая скудные заработки. Напрасно искали мы ответов. Один раз мы сидели в пивной. Напротив нас сидела компания, человек в восемь, из техников среднего Костромского Технического училища. Мы попивали пиво и прислушивались к их разговору. Когда мы услышали слово «социализм» и ряд других слов, которые мы читали в прокламации, мы поняли, что у них можно кое-что узнать, получить ответы. Но как познакомиться, не возбуждая подозрения? Случай выручил нас.

Один из них громко сказал:

— Вон рабочие сидят. Давай, спросим их.

И, подойдя к нам, спросил:

— Можно с вами поговорить?

— Пожалуйста, садитесь.

— Сколько времени вы работаете?

— Одиннадцать с половиною часов, а когда нужно подработать, еще 3 часа работаем.

Дальше и дальше... Познакомились... Вместе сели за один стол. Один товарищ заинтересовался нашими руками.

— Вот,—говорит,—этими руками создаются реальные продукты, а мы, милое общество, пожираем их.— Потом обратился к нам:—Позвольте пожать ваши руки.

— Пожалуйста.

Мы невольно стали смотреть на свои руки, как на что-то необыкновенное, хотя они были грязны и покрыты мозолями. Мы дивились потом, что они могли найти удивительного в наших руках... Мы рассказывали им про свою жизнь, как работаем, как время проводим.

— Хотите идти с нами на квартиру?

Мы согласились. У нас троих было желание узнать больше, но, увы, мы не получили удовлетворения.

Когда пришли на квартиру, сначала опять стали пить, потом запели: «Отречемся от старого мира». Песню мы слушали, зачарованные. Спели «Варшавянку»; пустились в разговоры и, видя, что многого мы не понимаем, наши товарищи стали относиться к нам небрежно. Мы им, видимо, надоели. Пустились в споры, горячились. Один доказывал, что ни чорта не выйдет: рабочие темны у нас. Другой приводил Маркса, что рабочие способны организоваться, нужно только партии повести их. Третий говорил, что ничего партии не сделают. Анархисты же уверяли, что все надо разрушить.

Мы ничего не понимали. Слова, которых мы не понимали, раздавались со всех сторон: Маркс, Энгельс, анархия и проч. Тут мы слышали и много планов, как спасти народ, и чувствовали, что эти люди еще сами ищут, мечутся в жизни.

Только один мало принимал участия в их споре, а больше поглядывал на нас. И, видя, что мы раздумываем, он подошел к нам.

— Вы, товарищи, не обращайте внимания на них. Каждый раз так бывает с ними. Все это еще от молодости. А вот кончат университет, поступят на места, тогда забудут юношеские споры.

— Но вы ведь, товарищ, так же поступите.

— В том-то и дело, не так. Я хотя и учусь в Техническом, но я сын рабочего, живу на фабрике, летом работаю, зимой учусь. А так как меня только терпят в училище пока, то, вероятно, скоро вытурят.

Долго мы с ним беседовали. «И,—говорит,—премудростей не буду вам говорить; у меня и отец говорит: ты, говорит, с книжной премудростью к рабочим не лезь, а раньше у себя в голове разбери, что к чему, да уж и рабочим выкладывай. Вот и вам посоветую больше читать, учиться: без этой штуки — науки — трудно вам оудет. Я вам книжечек принесу. Не суйтесь сразу в какую-нибудь партию. Их много. Все хотят добра, да по-разному. Поразмыслите, какая вашим интересам отвечает. А то вот слышали: «анархия», «разрушить надо», а вот спроси этого разрушителя, как выделяется вот эта рубашка, которая на нем, этот разрушитель и не знает. Он знает, что где-то на фабрике ткут, а сколько рабочего пота пролито за ее работой, он не ответит. Все это, друзья мои, брехня. Никто вам жизнь не улучшит, кроме вас самих».

На этом наша беседа кончилась; мы стали собираться домой. Когда мы вышли на улицу, на нас пахнуло осенним холодным воздухом. Я лично остался не очень доволен этой беседой, да и мои два товарища также. Долго мы шли молча; каждый по-своему разбирал все слышанное. Первым заговорил Ромашов:

— Ни чорта не пойму. Вот только товарищ говорит, что где-то есть хорошее.

А хорошее уже надвигалось на нас. Это было 9-е января. Оно явилось для нас, молодых рабочих, поворотным пунктом в нашем сознании. Если до 8-го января мы еще думали и верили даже, что, мол, царь окружен плохими слугами и что не он так плохо правит, а министры, а до него жалобы рабочего народа на свою тяжелую жизнь не доходят, то после расстрела петроградских рабочих темнота наша стала проясняться, завеса спала с наших глаз. Когда мы собирались и читали буржуазные газеты, которые мягко выкладывали о происшедшем, то один пожилой рабочий сказал:

— Все они—и царь, и министры, и наши хозяева—одного поля ягоды. Захотелось дать острастку, вот и пролили кровь, чтобы мы, рабочие, не вздумали свои права

заявлять. Поняли? А теперь айда в трактир, помянем убиенных, как следует. Не все еще потеряно, есть еще водочка, наша радость и утешение. Ну, ребята, шевелись. Головы много понапрасну не ломайте, потому что бьют нас мало; а вот почаще вот этак лупить будут, поумнеем и право свое найдем.

Этот рабочий, по прозвищу «Топор», много видал, ибо исколесил всю Россию, пил по неделям. Он в это время разносил все в пух и прах: и власть и бога; нам даже страшно было. Хозяева и старший мастер боялись его, и если не гнали, то только потому, что был хороший орнаментист-художник: лучше его никто не работал, а работал он чуть не даром. Он обладал большой физической силой и был большим заступником за мальчиков. Работал он у нас недавно, но мы, молодежь, очень привязались к нему, в особенности после одного случая с Эмольером, который колотил мальчиков.

Дело было в кузнице. «Топор» как-раз пришел во время экзекуции. Увидя, что мальчика бьют, «Топор» бросил вещи, которые нес, и не успели мы опомниться, как Эмольер болтал в воздухе ногами и в следующую минуту он уже был в чану с раствором купоросного масла с водой, где мы обычно отделяли медь и серебро. Он только проговорил: «Если еще раз, сукин сын, я увижу, что ты мальчиков бьешь, сожгу на горне». А так как мы все ненавидели Эмольера за его кляузы, то хохотали от всей души.

Другой случай был с самым старшим мастером, который тоже занес было руку над мальчиком, и здесь «Топор» схватил мастера за руку и только сказал: «Не трогай». И по тому, как было произнесено это слово, мастер плюнул и ушел. Мы все думали, что за эту дерзость его прогонят, но нет—слишком был ценный работник.

Мальчики души в нем не чаяли: каждый готов был для Ивана Устиныча все сделать. Вот с этим-то человеком мы подружились. Часто собирались и в чайной и в трактире; это были интересные беседы. Он умел рассказывать, так как очень много видел и жизнь знал вдоль и поперек. Мы ему рассказывали и про наше письмо и о прокламации.

— Письмо вы писали, это хорошо, а вот что не под писались, плохо. Нужно было указать адрес, ваши имена

и фамилии. Только от таких писем мало толку. Сколько бы вы ни писали, все равно изменить этим способом жизнь не удастся. Единственное средство—это выгнать всех хозяев и жизнь строить по-рабочему, но это длинная песня. Еще мало бьют нас, а вот как почаще будут пускать кровь, тогда научимся, как бороться. И прокламации вещь хорошая; уничтожать их не надо, хотя и разные люди пишут, но все хотят добра. Видал я много таких людей, да не сошелся я с ними: куда мне, испорчен я вот этим зельем. А только скажу: не всем верьте; есть и такие, которые говорят очень хорошо, а потом бегут в участок. Я вот на Урале задушил такого. Ищите правду, а главное жизнь любите. Боритесь. Ничего, что вы сегодня не попадете в партию: в партию вступить, надо приготовить себя, надо рассчитать, какое место можете занимать; ей ведь нужны работники; а главное, надо перестать водку пить: такой туда не годится, там большое дело делается и большие люди делают, но и маленьким людям дела хватит.

ОБРАЩЕНИЕ УЧЕНИКОВ МАСТЕРСКИХ К ВЗРОСЛЫМ РАБОЧИМ

Граждане! К вам обращаемся мы, маленькие люди, ученики ремесленных мастерских, с горячей просьбой помочь нашему делу освобождения от эксплуататоров-хозяев и насилия пьяных подмастерьев, которым доставляет великое удовольствие дернуть ученика за ухо, ударить по лицу и т. п. и в такой форме проявить свою власть.

Среди всевозможных лишений, побоев, работы не по силам приходится жить. 5—6 лет—это значит 5—6 лет приносить хозяину пользу, а взамен получать колотушки и обеды, которые остаются от хозяйского стола.

Мастерские и те условия жизни, в которых ученики находятся столько лет, развращают их и толкают в ряды хулиганов, воров, и т. д. Под угрозой быть избитым учатся лицемерить, обманывать, и делать вообще то, что противно честности и порядочности. Если к этому прибавить гигиенические условия, при которых мы живем, напр., несколько недель, а иногда и по месяцам не ходим

в баню, спим на голом полу, на грязных нарах и т. д., работу до позднего вечера, а иногда и ночью, огромное количество насекомых и редкую смену белья, то получится картина нечеловеческой жизни, а какой-то каторги.

Да, это каторга! Тем более страшна, что так живут не сильные взрослые, а маленькие и слабые. Редко, когда из такой жизни выходит порядочный, честный человек, человек сильный телом, сильный духом.

Жизнь эта кладет тяжелую печать на характер и внешность человека. Самые лучшие и молодые годы (от 10 до 17 лет) губятся ею во имя эксплуатации и жадности хозяев. Мы, ученики одной из Петербургских обойных мастерских, от имени многочисленных наших несчастных товарищей, призываем общество оглянуться на нашу горемычную долю и помочь нам.

Дальше жить так нельзя!

Довольно у нас хулиганов, так что плодить новых— значит увеличивать ряды черной сотни

Нет, так не может быть! Нам нужны сознательные, развитые и порядочные граждане-рабочие! А для того нужно изменить условия жизни учеников. Мы призываем рабочих-ремесленников, прося их помощи, так как им лучше известна наша жизнь.

Помогите, товарищи, своим молодым товарищам!

Ученик одной из петербургских
обойных мастерских.

„Нов. Жизнь“ № 16, 18 ноября 1905 г. Письмо в редакцию,
стр. 3.

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ НА ЗАРЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Начало оформления рабочей массы в самостоятельный класс может быть отнесено к началу 70-х годов прошлого столетия, когда в России существовала уже достаточно развитая промышленность, способствовавшая образованию многочисленных кадров рабочих масс. ✓

Со времени возникновения первых фабрик и до 70-х годов минувшего столетия прошло более ста лет, пока русский рабочий смог достаточно окрепнуть и выступить на арену классовой борьбы.

Еще больше понадобилось времени, пока рабочая молодежь, являясь составной частью рабочего класса, осознала свои специфические требования и, создав свои организации, самостоятельно выступила на защиту своих интересов. Но это отнюдь не исключает того, что в период своей предистории, каким словом можно назвать это столетие, рабочий класс России, а с ним и рабочая молодежь не имели ярких страниц борьбы со своими предпринимателями и не ставили перед собой задачи низвержения существующей политической системы.

Вначале, когда в России начала развиваться промышленность, почти все фабрики и заводы принадлежали или помещикам-фабрикантам, или самому правительству. На этих фабриках работали исключительно крепостные крестьяне, которых помещики-фабриканты просто приписывали, а если и встречались вольнонаемные рабочие, то это были из отпущенных помещиками

на оброк крестьян или беглые, которые мало чем отличались от крепостных, приписанных к заводу или фабрике.

Положение этих рабочих — крепостных крестьян на фабриках и заводах — было поистине каторжное. В еще худшем положении жила рабочая молодежь, которую в 10—12-летнем возрасте отдавали «мастерам в науку», также приписывая к фабрикам и заводам.

Насколько большой процент молодежи был на этих фабриках и заводах, можно судить по тем «указам», которые издавались правительством о наборе целых сотен мальчиков-подростков. Так, например, в 1858 году на чугуно-плавильном заводе помещика Монохина, по материалам обследования сенатской комиссии, на 800 человек рабочих было 120 подростков и малолетних, что, следовательно, составляет 15%.

Работа на крепостных фабриках производилась изпод палки. Помещик, не говоря уже о правительстве, был полным хозяином, могущим распорядиться жизнью любого крепостного рабочего-крестьянина и за малейшую вину наградить плетью или отправить на поселение. Для взрослых крепостных, как мера наказания, большей частью применялись порки или отправка в Сибирь на поселение. Меры, применявшиеся для пресечения «непослушания» для рабочей молодежи, были не менее, если не более жестоки. Порки применялись и на спинах рабочей молодежи, а более строгим наказанием служила «сдача в рекруты». Отправка «провинившейся» молодежи в рекруты настолько была распространена, что с одних только олонечских заводов 60 человек рабочих были наказаны плетью и отданы в рекруты¹.

Будучи абсолютно бесправными, работая от 16 до 18-и часов, рабочие крепостных фабрик и заводов не видели никакой поддержки, кроме угрозы со стороны правительства, самовольно бросали работу, устраивали стачки, а иногда дело доходило и до вооруженного восстания. В таких случаях, вооружившись кольями, топорами, воюющие толпы рабочих выдерживали постоянные бои с прибывшими для их усмирения военными отрядами. Вполне понятно, что при таких волне-

ниях рабочая молодежь принимала самое горячее участие и зачастую становилась в голове нарастающего движения.

О таком случае очень ярко говорят хранящиеся в архивах департамента полиции следующие пожелтевшие документы:

В 1836 году в Пермской губернии на заводе Лазаревых правительством было раскрыто «противозаконное общество», которое по своему составу можно было назвать «революционное общество рабочей молодежи».

Граф Бенкендорф, вероятно, пермский губернатор, в послании на имя «его сиятельства» графа Чернышева пишет:

«В Пермской губернии, в имении Лазаревых, между служителями Чермского завода открыто в прошлом году законопреступное общество, имевшее целью низвержение помещичьей власти...»

При этой бумажке имеется следующий именной список преступников, содержавшихся в С.-Петербургской крепости: № 2261.

Подпись: граф Бенкендорф.

28 июля 1837 г.

Его сиятельству графу А. И. Чернышеву.

Список преступникам, содержащимся в С.-Петербургской крепости, назначенным по Высочайшему повелению в рядовые:

Имена и прозвания.	Лета.	Куда назначены.
1. Петр Поносков	21	В Финляндские батальоны.
2. Андрей Михалев	20	
3. Михайло Ромашов	17	
4. Петр Мичурин	20	
5. Федор Наугольный	22	В Кавказск. Отд. корп.
6. Петр Ширкалин	22	
7. Алексей Ширкалин	17	
8. Михаил Поносков	27	

¹ А. Ельницкий. — «История рабочего движения в России».

Как видно из списка, так называемые «преступники» — все молодежь.

Что же законопреступного наделали эти юноши, что их, «по произведении следствия и всеподданнейшему об этом докладу государю императору, его величество повелеть соизволил: шестерых виновнейших преступников, учредителей общества, подписавших правила оного, записать в рядовые в Финляндские батальоны, трех же, менее виновных, участвовавших в составлении общества, но не подписавших правил, рядовыми же в Кавказский отдельный корпус»...

Об этом подробно говорит нам «показание одного из виновнейших, Степана Петрова, сына Десятова, 19 лет от роду».

Ученики-подростки Чермского завода, работая на заводе Лазаревых, испытали на своей спине помещичью «милость».

Получая жалкие гроши за каторжный 16-часовой рабочий день, они находились под вечным страхом, что вот-вот хозяин-помещик за малейший проступок накажет их плетью или отдаст в рекруты. При нищенском существовании в их неопытных молодых головах происходила некоторая неувязка в понимании существующего строя. В то время когда они голодали, они видели, что их хозяева живут в великолепных условиях, ровно ничего не производя для пользы народа.

И это-то существующее неравенство толкнуло некоторых из них искать ответ в имеющейся литературе. «Еще будучи при отце, — повествует Степан Десятов, который был крепостным человеком и служил в конторе Лазаревых, — я выучился в конторе читать и писать, а вскоре после смерти отца, имея 19 лет от роду, был отправлен матерью в Чермский г. Лазаревых завод, в училище, где в продолжение одного с половиною года учился священной истории, грамматике и арифметике. Но мать моя, не будучи в состоянии платить за меня квартирные деньги, отдала меня в Кизеловский завод».

Через некоторое время он переходит работать на Чермский завод, где встречается с такими же подростками-рабочими, работавшими на Чермском заводе.

Среди его приятелей подростков-рабочих были довольно развитые ребята, которые кое о чем знали из

«истории французской революции». Проводя время в тесном товарищеском кругу, ребята частенько вели беседы о том, почему за границей нет крепостного права и почему в России господствующее крепостное право поддерживается правительством, а люди, восстающие против, посылаются на вечное поселение.

Вот эти-то частные беседы и наводят группу рабочей молодежи на создание специального общества, которое, объединив огромное количество членов, низвергнуло бы существующую систему. Однажды, собравшись в тесном товарищеском кружке, эта группа молодежи написала следующее воззвание с уставом на предмет организации «Общества благомыслящих граждан».

Д. № 58 1837 г. е. и. в. собств. канц. III отд., 4-й экзп.

«О противозаконном обществе, открытом на заводах гг. Лазаревых в Пермской губ.»

ВОЗЗВАНИЕ И УСТАВ ОБЩЕСТВА

«Во всех известных странах света не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас в России напротив: с издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставляется российскими государями полное право иметь своих крепостных людей, с полным же правом и неограниченную (разумеется, в отношении взысканий с крепостных за вины) властью, которая простирается иногда не только от самих господ, но и от равных крепостных людей, установленных господами для управления их поместьями, властными начальниками до такой степени, что обидимые и притесняемые ими беззащитные люди впоследствии приходят в отчаяние, через что беднеют, развращаются, а после и совсем погибают; другие за малые вины наказываются жесточайшим образом, мучатся горною и другими тяжкими работами и наконец молодые отдаются в рекруты (которые в России во всеобщем презрении), а старые ссылаются на поселение, и все это происходит от крепостных же людей или таких же граждан...»

Из всего вышесказанного видно, что крепостные есть самые ничтожные люди, отличающиеся от скота и бесчувственных тварей одним чувством—рассудком, имея такую же слепую подчиненность к владельцам, как и скоты к своему хозяину. Какая же причина такового невольничества?.. Кто дал дворянам право поступать так с подобными себе? Многие скажут: бог! Ибо без воли его ничего быть не может. Совсем нет! Бог не хочет, чтоб его унижали твари в лице тварей же! Другие думают, что это обыкновение ведется от самого сотворения мира, полагая, что желает этого бог; ссылаются на то, что и Авраам имел рабов (почему же не Адам?), но разве Авраам не был такой же человек, как и наши дворяне? Разве он не хотел обогатиться и жить не на счет своих трудов?..

Рассуждая таким образом, граждане образованных стран света все единодушно восстали и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами; но Россия, отставшая просвещением от прочих государств Европы, по сие время не отряхнувшая еще мрак невежества своего, не чувствует тяжких оков, на ее граждан возложенных. Конечно, есть люди и в России, которые, чувствуя всю тяжесть оков невольничества, стремятся к одной цели—к искоренению невольничества, но таковых еще очень мало, и они рассеяны в различных местах, потому и намерение их привести ее к концу скоро или совсем никогда не может.

Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что на будущее время оно будет еще несноснейшим. Из опытов видно, что причина величия государства есть свобода граждан; но в России иго рабства в большой силе, следственно, она никогда не взойдет на степень величия.

Посему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти присвоивших ее несправедливо и об ускорении свободы. Для сего-то, благородные сограждане, испровергнем соединенными силами невольничество, восста-

новим свободу и через то заслужим благодарность потомства. И таким образом теперь, развязывая крепко завязанный до сего узел и достигая главной цели, могущей доставить притесненным гражданам России свободу, сделаем между собой заговор и приступим к началству оного основания.

Ниже идет перечисление пунктов устава общества. Приводим наиболее характерные:

«1. Основание общества должно состоять из нескольких членов, избранных из верных приверженцев свободы.

2. Члены сии должны, по выслушании всех правил, своеручно утвердить сие постановление и дать клятву, чтобы навсегда хранить начатое дело за величайшую тайну...

5. Члены общества должны всячески стараться разведывать все тайны, касающиеся не только до общества, но и до посторонних лиц,—тайны, из которых бы общество могло извлекать что-нибудь для себя полезное.

6. Если общество по подозрению или по ложному доносу будет приговаривать безвинного к какому-нибудь наказанию и если хотя один из членов знает невинность подсудимого, то стараться защищать его всеми силами, доказывая невинность; ложного же обвинителя разобравши дело, т. е. с намерениями он обвинил или по незнанию сущности дела, судить так же строго, как должен был судиться и обвиняемый.

7. Если члены общества по какому-нибудь случаю будут рассеяны в различные места, то они всячески обязаны стараться привлекать к себе тех, которые в случае могли быть полезны...

10. В случае измены какого-нибудь члена обществу (если она будет открыта), прочие члены его всячески должны стараться, отыскавши изменника и разобравши дело, достойно наказать.

Подписали: Петр Поносков, Михаила Ромашов, Степан Десятов, Петр Мичурин, Андрей Михалев и Федор Наугольных».

Из вышеприведенного документа видно, что эта группа рабочих-подростков находилась под влиянием

господствующих политических идей, мыслила путем организации заговорщического общества ниспровергнуть рабско-крепостнический строй в России.

Правильно понимала она, что в России, чтобы она культурно и экономически подравнялась к Западной Европе, необходимо свергнуть крепостное право, которое мешает развитию производительных сил страны.

Пытаясь объяснить причины появления крепостного строя в России, наши далекие предшественники не понимали, что это не «слепой случай» истории, а вполне закономерный ход событий, сложившихся вследствие существующих экономических форм, приведший к тому, что люди, сильные экономически, сделали слабых невольниками.

Но все же, рассуждая неправильно, наши юные революционеры 1836 года пришли к выводу, что нужна организация, которая бы руководила революционным движением нарождающегося рабочего класса.

Намечая цели и задачи организации, инициаторы кружка 1836 года находили нужным вести агитацию среди рабочих масс путем «писания писем особенным языком», где излагались бы тайны, из которых бы общество могло извлекать что-нибудь для себя полезное.

Не следует бросать упрек, что общество, организованное рабочими подростками Чермского завода, не ставило своей целью широкой агитации и пропаганды идей социальной революции, потому что то время было временем первоначальных шагов нарождающегося класса, которому историей суждено в конце концов стать гегемоном и хозяином всех материальных благ. Нужно только лишь удивляться, читая эти документы, насколько богаты ряды рабочей молодежи такими товарищами, которые, будучи полуграмотными, политически неподготовленными, инстинктом понимают роль и значение класса, в котором рабочая молодежь является неотделимой составной частью.

Это общество молодежи, создающееся на заре развития русского капитализма, ясно говорит за то, что рабочая молодежь на всем протяжении истории революционного движения играла в ней огромную роль.

Общество это организовалось в 1835 году и просуществовало около года, пока не было раскрыто царским правительством.

Не представляя ничего серьезного и внушительного по своему количеству и по плану действия, оно наделало огромный переполох в рядах правительства крепостнической России, и на место происшествия были посланы специальные комиссии из сената для расследования.

Еще долго на территории Пермской губернии рыскали царские чиновники, вынюхивая, нет ли где еще спрятавшейся революционной заразы, которая отпрыгнулась в далекой Перми от движения декабристов в 1825 году на Сенатской площади в Петербурге.

Я не хочу этим сказать, что общество молодежи на Чермском заводе в 1836 году имеет прямую связь с кружками декабристов, но что движение декабристов имело некоторое влияние на идеологию членов этого общества, об этом можно судить по тому, что у некоторых членов общества при обыске были отобраны стихотворения и письма, принадлежавшие перу декабристов.

Поскольку господствующая политическая идеология оказывает влияние на целые классы, которым она иногда несвойственна, постольку и здесь движение декабристов и события французской революции придали свой отенок обществу молодежи 1836 года.

Наши далекие предшественники жестоко заплатили за свои идеи: были отданы на вечную службу в солдаты, но на смену им уже в несколько ближе к нам лежащие времена явились новые рабочие подростки, которые продолжали вести борьбу за дело освобождения рабочего класса.

„Ленинский Комсомол“ № 1, 1925 г.

В. И. СЕМЕВСКИЙ

БУНТ СОЛДАТСКИХ ДЕТЕЙ¹

В начале 1762 г. один из содержателей уже известной нам московской суконной фабрики донес, что мастерские и рабочие их мануфактуры, согласясь с определенными к ним солдатскими детьми, начали волноваться подобно тому, как в 1746—49 гг. Суконщик Андреев сказал за собой важность («слово и дело»), вследствие чего и был отослан в мануфактур-контору, а в то же время некоторые из солдатских детей пожаловались главному комиссариату, что им не доплачивают заработанных денег и для приготовления сукон дают негодную шерсть. Фабриканты, призванные в мануфактур-коллегию, объяснили, что они вычитали у рабочих деньги в уплату их долга, а также и внесенные в главный комиссариат деньги за рекрут рабочие по взаимному соглашению разложили между собой, которые и вносят в фабричную контору через своих выборных сборщиков. Фабриканты упрекали рабочих в неблагонадежности как за ссуду денег на рекрутские надобности, так и за другие беспроцентные ссуды. Они упоминали также, что дочерям рабочих при выходе замуж выдается из конторы безвозвратно по 5 р. да «во удовольствие рабочих» ежегодно тратится до 100 рублей.

Оказалось, что суконщик Андреев ложно сказал за собой «слово и дело», и потому мануфактур-коллегия послала его с юнкером кн. Мещерским для наказания

на суконном дворе. Когда Мещерский хотел исполнить данное ему поручение (при обыкновенном для таких случаев всех мастеровых и рабочих людей собрании), то солдатские дети наказывать его не дали, так что Мещерскому пришлось увести Андреева обратно, и избили назначенного для заведывания ими. После того солдатские дети стали большими партиями уходить с работы, разглашая, что будто бы рабочие, сосланные в 1749 г., возвращены, а один из содержателей фабрики арестован в Петербурге. Сенат велел немедленно школьников, участвовавших в драке и своевольно отлучившихся с фабрики, высечь нещадно батогами, а зачинщиков наказать плетью. Вследствие этого указа первому наказанию подверглись на фабрике 13 школьников и 49 мастеровых, а публично высечено плетью пять школьников и семь мастеровых.

¹ Из книги „Крестьяне в царствование Екатерины II“, т. I.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

РАБОЧИЙ ПОДРОСТОК НА ЗАРЕ РЕВОЛЮЦИИ

I

Рабочая молодежь—подростки и дети,—насколько я заметил, отличаются гораздо большей самостоятельностью, чем молодежь высших классов. Жизнь в более раннем возрасте и с большей скоростью толкает их на борьбу за существование, чем и налагает особую печать находчивости и запечатленности на тех из них, которым удастся спастись от преждевременной гибели. Я знал тринадцатилетнего мальчугана, круглого сироту, который, работая в Галерной Гавани на заводе Макферсон, жил один-одинешенек, повидимому, не чувствуя ни малейшей нужды в какой-либо посторонней поддержке. Он сам рассчитывался с конторой и сам, без чужих указаний, умел соблюдать равновесие в своем маленьком бюджете. Не знаю, был ли у него опекун: это как-то слишком нежно для рабочего; но если и был, то, наверное, не имел много хлопот с опекаемым.

Столкновения с мастерами и хозяевами развивают в рабочей молодежи замечательное единодушие. Весной 1878 г., во время стачки на Новой Бумагопрядильне, было арестовано и посажено в участок несколько малолетних фабричных. Товарищи их, такие же малолетние и такие же «бунтовщики», как и арестованные, немедленно отправились толпой в участок, требуя их освобождения.

Вышла своеобразная детская демонстрация. Взрослые рабочие не принимали в ней никакого участия. Они только наблюдали ее издали: «Вишь, как наши ребятишки-то действуют,—одобрительно говорили они,—ничего, пускай учатся». Впрочем, в данном случае учиться ребятишкам было нечему: они и без того принимали в стачке самое деятельное, самое полезное участие, прекрасно понимая, в чем дело. Когда на обширном дворе бумагопрядильни происходили большие собрания стачечников, малолетние играли обыкновенно роль казачьих раз'ездов. Они каким-то чутьем узнавали о приближении неприятеля и немедленно доводили о нем до сведения старших. «Пристав едет, пристав едет»,—со всех сторон кричали звонкие детские голоса, и извещенное во-время собрание расходилось. Когда пристав появлялся на место действия, то хватать уже было некого. Взрослая полиция страшно злобилась на эту малолетнюю полицию рабочих. Многие из этих маленьких стачечников были подвергнуты тогда «исправительному наказанию при полиции». Не думаю однако, чтобы наказание исправило их в желательном для начальства смысле.

II

При производстве работ на бумагопрядильной фабрике получается много отброса, состоящего из порвавшихся ниток. Этот отброс образует возле станков кучу так называемой «пыли». Для сортировки ее на фабрике Кенига существовали особые женщины.

Незадолго до описываемого времени переменили на фабрике Кенига директора, и новая метла стала мести еще чище старой. Новый директор рассчитал разбивавших «пыль» женщин и возложил ее сортировку на задних «мальчиков»¹.

29 ноября эти мальчики, числом 33 человека, заявили мастеру, что они не будут работать, пока их не избавят от этой новой обузы. Дело происходило в 12 часов, когда

¹ Каждый прядильщик (мольщик) работает на двух станках, при чем у него есть 2 подручных мальчика: так называемые «средний» (16—17 лет) и «задний» (12—14 лет). Эти последние работают те же 14 часов, что и взрослые.

рабочие отправляются на обед. После обеда мальчики действительно не пошли работать и стали дожидаться хозяина у здания фабрики. Когда он явился к ним и они пытались изложить ему свои жалобы, он без разговоров послал их к чорту. Они разошлись по домам.

Подождав некоторое время своих подручных, мальчики заявили мастерам, что они не могут управляться со станками без помощи мальчиков. Мастер уверял, что к вечеру все уладится. Но время приближалось к 8-и часам, а мальчики не являлись. Чтобы иметь возможность узнать имена «бунтовщиков», хозяин решил выдать всем бывшим налицо подручным билеты. Всякому, кто на другой день не предъявит такого билета при входе на фабрику, грозили хозяйской карой. Но едва мастер стал раздавать эти билеты, раздался свисток, возвещающий окончание работы, и только трое из подручных успели их получить. Несмотря на это, когда рабочие стали на другой день собираться на фабрику, у подручных спрашивали билеты, и так как они были только у трех, то остальные были прогнаны с работы. Господин Кениг переходил таким образом в наступление.

Но в это время малолетние стачечники получили неожиданное подкрепление. Их взрослые товарищи объявили мастерам, что будут работать только под условием исполнения требования «мальчиков». Фабричная администрация не была расположена к уступкам, рабочие, со своей стороны, решили привести угрозу в исполнение. Они вышли гурьбой из здания фабрики и присоединились к толпившимся на улице подручным. Они надеялись, что хозяин придет для объяснения с ними и им удастся убедить его сделать уступки. Кениг однако не явился, рабочие решили заявить полиции о своем отказе от работы.

Несмотря на все застраивания, рабочие твердо настаивали на исполнении их требования, а так как Кениг не хотел уступить, то они все взяли расчет.

А. БОЛДЫРЕВА

ПЕРВАЯ ЗАБАСТОВКА

(В 1884 г. на ткацкой фабрике Паля ¹⁾)

На ткацкую фабрику я попала в 1879 году девятилетним подростком. На той же фабрике работали и многие мои родичи, работала мать, брат. С 1882 г. я поступила на фабрику Паля (в Питере, за Невской заставой).

В 1884 году администрация фабрики обязала ткачей на один валик работать четыре куса, якобы из тех соображений, что при окрашивании много товара пропадает на «хозовые» концы; плату же понизили до 5-и копеек против прежней расценки. Работать стало невмogu. Работали мы сменами по 9-и часов: в сутки приходилось работать в два приема по 9-и час., т. е. 18 часов. Устраивались так, чтобы сменяли друг друга у станка родные. Ткачихи-матери, имевшие грудных ребят, старались работать в день; в ночную смену тогда попадали дети и подростки.

Так было и в ту ночную смену, когда затеялась забастовочная волынка. Мысль о протесте против произвола хозяев носилась в воздухе. Трудно было бы указать зачинщиков. Забастовка явилась стихийным взрывом протеста всей рабочей массы. Нужно все же отметить, что выход для этого протеста в виде забастовки был подсказан не без влияния со стороны уже в те годы существовавшего на фабрике Паля нелегального кружка

¹ „Текстильщик“ (История, быт и борьба).

рабочих, во главе которого стояли два деятельных и развитых ткача: Николай Кучкин и рабочий-поэт Григорий Штрипан (последний позднее, в 1892 г., оказался предателем). Об этом таинственном кружке и не менее загадочной для рабочей массы личности его главы Кучкина (рабочие звали его то «студентом», то «пашковцем») — ходовые клички, ставшие нарицательными для всех политиков в фабричной среде) много в те поры поговаривали рабочие Паля, одни со страхом и опасением, другие с преклонением.

Волынка началась с ночной смены. Явившаяся на смену фабричная молодежь, не сговариваясь, похватила щупальные тазы и челноки и подняла невероятный стук. Станки остановились. Народ повалил на двор, но за ворота нас не выпустили. Появилась фабричная администрация.

Вспоминается колоритная сцена. Среди разбушевавшегося рабочего моря показалась долговязая длиннобородая фигура немца-директора «Василь Васильича». Сохраняя флегматическое спокойствие (мастера все разбежались и попрятались под улюлюканье молодежи, спасаясь от тяжелых гирь, градом посыпавшихся на них), немец пытался вступить в переговоры с рабочими, стеной грудившимися вокруг него. Говорили все общим гомоном. Иные, поробче которые, толклись в задних рядах, другие предпочли попрятаться по квартирам. В передних рядах толпы собрался народ посмелее, покусачее. Требовали установить норму: вместо четырех кусков в два куска (120 аршин), да прибавить пятак сверх отнятого. Немец увещевал нас. Вдруг откуда-то из подмышки долговязого Василь Васильича выскальзывает дерзкая фабричная девчонка (то была я), хватая за длинную бороду немца и, методически подергивая ее, повторяет:

— Пятачок, набавь пятак, пятак прибавь!..

Юркая девчонка теряется в толпе. Немец в оцепенении от неслыханной дерзости. Струхнули и наши ребята, однако не отступили.

Толпу выпустили за ворота. Фабрика стала.

П. МОИСЕЕНКО

ПРОЛЕТАРСКАЯ РАЗВЕДКА ¹

7-го мы рано встали и пошли на фабрику. Подойдя к фабрике, я увидел, как у дверей стоят сторожа с дубинами, ломами, оглоблями и не дают останавливаться. Подходит Волков и говорит, что ничего не поделаешь: сторожа разгоняют, и народ проходит в здание. Волков и я зашли в здание, пригласили кое-кого и пошли прямо в уборную. Там уже полно народу: гудят. Мы начали их усовещевать и бранить.

В это время ко мне подходит подросток и говорит: «Я знаю, как погасить газ за раз». Я говорю, что для этого надо лестницу, а это опасно: станем брать лестницу, тебя заметят, и тогда все пропало. Мальчуган говорит, что лестницы не надо, а их трое, и они, выпрыгнув друг на друга, завернут кран; вот пусть только передние ряды завернут свои горелки, чтобы было не так видно.

Идея мальчугана была хороша. Бабы завернули горелки в первых рядах, подростки живо вскопили один на другого и завернули коренной кран газа. Моментально стало темно. Выпроводив всех из третьего этажа, я бросился во второй, потом в первый этаж. Остановились станки, и народ начал выходить. Сторожа успели закрыть боковые двери, всем ткачам приходилось выходить через одни двери, и получилась пробка.

¹ Эпизод из истории крупнейшей стачки в России в 80-х годах в Орехово-Зуеве, на предприятии Морозова (1885 г.).

Товарища Моисеенко и Волков были руководителями стачки.

Прибежав опять на третий этаж, я увидел, что несколько рожков горели, но никого у станков не было, одни подмастерья сгрудились в кучу, да народ в проходе к дверям. У дверей стояли Волков с несколькими ткачами и выпроваживали народ. От них я узнал, что на дворе спокойно, сторожа не нападают.

Тем временем пришли с прядильного корпуса с просьбой прийти к ним и остановить работу. Мальчуганы тут как тут, живо побежали вперед, я за ними. Прибежали в чесальную, сняли всех с работы. В прядильной мои мальчуганы предложили завернуть газовый кран. Я отговорил их потому, что прядильщики выходили уже из корпуса. Вскоре я узнал, что прибывшими казаками и солдатами задержана часть рабочих и арестована. Я вернул с дороги часть рабочих, и мы пошли обратно к заводу.

Когда мы подошли к воротам, солдаты и казаки нас непустили. Тогда мы стали напирать, а казаки пустили в дело пик. Я был сшиблен пикой и упал на снег. Поднявшись, я снова хотел ринуться, но в это время раздался крик в банных воротах. Мы все бросились туда, вбежали во двор и начали звонить во все звонки. Из казармы посыпал народ. В это время ко мне подбегает мальчуган и говорит: «Я знаю, где сидят арестованные». Спрашиваю, можно ли пройти, есть ли караул и солдаты. Мальчуган отвечает: «Никого нет». — «Ну, веди меня». И с этими словами мы с мальчуганом побежали: он вперед, а я за ним в помещение, где была столовая для мальчиков. Пусто, только три—четыре мальчугана. Спрашиваю: «Где же арестованные?» Мне указали на дверь: «Вот там, в другом отделении». Попробовал—дверь заперта. Скамейки в столовой большие, аршин в девять. Я попросил мальчуганов помочь мне поднять скамейку. Мальчуганы помогли, и мы ударили ею в дверь. Дверь поддалась, ударили второй раз — распахнулись обе половинки. Вижу—на другом конце столовой сгрудились все арестованные, кроме Волкова и ткача Шелухина. Я крикнул: «Выходи!», и ребята бросились вон.

СТАЧКА ПОДРОСТКОВ НА СУКОННОЙ ФАБРИКЕ

На суконной фабрике в г. Томашове в 1886 г. 10-го июня произошла стачка подростков по следующим причинам: работавшие на суконной фабрике Майснера мальчики, в числе 13-и человек, провели стачку, отказавшись продолжать работу. Причиной беспорядков были штрафы, налагаемые на них администрацией фабрики за порчу во время работ сукна вследствие небрежного отношения к своим обязанностям. Из числа забастовавших, возраст коих не превышал 17-и лет, девять человек уволены с работы на фабрике.

АТТЕСТАЦИЯ ШЕФА ЖАНДАРМОВ ¹

«Поставив себе конечной целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно успели в этом. За последние 3—4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, считающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой рабочих».

¹ Доклад шефа жандармов князя Святополк-Мирского в 1901 г.

УЧАСТИЕ ПОДРОСТКОВ В ЗАБАСТОВКЕ НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ

Во время забастовки на Обуховском заводе были вызваны казаки и жандармы. «Толпа заволновалась и разобрала мостовую, вооружилась камнями и чем попало, готовясь к отпору. Возбуждение росло и при виде полиции перешло в действие; полетели камни и началась свалка. Полиция пустила в ход палки. Подростки помогали рабочим, подавая камни, масса ребят арестована по этому случаю. Полагают, что их выпорют в участках и отпустят».

„Искра“ № 6, 1901 г.

СОЛИДАРНОСТЬ ПОДРОСТКОВ

Особенно отличаются ученики. Подростки все бойкие, грамотные, книжку едят, как белый калач. С ними хозяину нет никакого сладу. Заставляет он их, например, не в рабочие часы разносить корректуру. Сговорились между собой мальчики и заявили хозяину, что корректуры носить не станут—не их дело, да занимать их в неурочное время он не может.

— Вон пошли. Заставлю и ночью будете работать.

— Ну, нет,—заявляет один из мальчиков,—это рабство, а времена рабства прошли, все вперед движется. Пожалуйста расчет.

— Да вы что, белены обелись, стачку устраиваете?

— Ну нет,—говорит один из мальчиков,—я читал, какие стачки-то бывают, по 2.000 человек, а мы-то что ж, всего три мальчика.

Заведывающему без мальчиков нельзя обойтись, перестал он их посылать с корректурами, но принял еще трех мальчиков и велел метранпажу поскорее подучить их. Между тем и не зевают старые ученики.

— Мы, рабочие,—толкуют они новым ученикам,—должны дружно держаться.

Зовет хозяин прежних мальчиков и объявляет им расчет. Смотрят новички и тоже расчета требуют.

— Вы что, сами ведь просились: возьми да возьми, а теперь расчет?

— Что же, что просились, а теперь не хотим служить, раз вы с нашими товарищами так поступаете.

Плюнул заведывающий и оставил всех мальчиков. Все работают, а корректуры не носят. Да и не только заведывающему, но и рабочим старой закваски иногда солено приходится от учеников. Так, напр., один рабочий ударил ученика. Смотрят, все ученики бросили работу, окружили его, и один из них выступил с речью: «Как вам не стыдно так поступать с нами? Не можете разве словесно объяснить? Я вам перед всеми рабочими заявляю, что так стыдно поступать».

„Искра“ № 1, 1900 г. (Отрывок из письма о положении рабочих Екатеринбургской типографии).

Наш табельщик безбожно урывал рабочие часы и осмеливался сам штрафовать рабочих, особенно мальчиков. Кроме того, летом всем мальчикам была сбавлена плата на 5 коп. в день. Бросив работу и собравшись у ворот, стали совещаться, как им быть. Явился директор и стал было с ними объясняться. Его освистали. На помощь поспешил пристав и стал грозить розгами. «Розги бы директору да табельщику, а не нам!»—отвечали на его угрозы мальчики. Наконец они согласились начать переговоры и потребовали сохранения старых расценок и удаления табельщика. Когда же директор согласился с этим, они потребовали повышения расценок на 10 копеек. Директор принял и это условие: расценки повышены, и табельщик уволен.

„Южный рабочий“ № 3, ноябрь, 1900 г., стр. 3'.

АЛЬТШУЛЕР

БОРЬБА С РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРЕДРАС- СУДКАМИ

Мы, дети бедных родителей, пошли работать на шетинную фабрику в гор. Невеле. Нас было около ста пятидесяти человек. Работали по 15—17-и часов в день, при низком заработке, в грязи и пыли. Наконец терпение наше лопнуло, и мы объявили забастовку. Стачка долго продолжалась, мы не могли сломить упорство хозяина. Но все же в конце концов мы все-таки победили и стали работать 10 часов в день. Но потом наткнулись на другие препятствия, которые были вне стен нашей фабрики. Это были религиозные предрассудки. Мы были малышами и настолько религиозными, что со своих жалких грошей мы поднесли хозяину в виде подарка «святыню» — свиток «торы». В городе мы были самыми образцовыми мальчиками. Но когда жить нам стало невозможно, мы поняли, что бог плохой нам помощник, и плюнули на его помощь. Сбросили с себя все религиозные предрассудки, стали по субботам курить и начали кушать русскую колбасу и свинину. Этим мы вызвали бешеную ненависть к нам со стороны старых и молодых евреев — религиозных фанатиков. Доходило дело до рукопашных боев. Несмотря на то, что нам грозили побой и тюрьмы, мы решили бороться до конца. Жизнь нам подсказывала, что рабочему классу нужно бороться со всеми старыми предрассудками.

„Красная Летопись“ № 8.

СТАЧКА ДЕВОЧЕК-ПОДРУЧНИЦ

Одесса. На табачной фабрике Попова, где работают 600 человек, подручницы, 12-летние девочки, отказались работать за 30 коп. в день, требуя с мастериц прибавки; последние получают по рублю и прибавить подручницам не могут, поэтому обратились к управляющему в контору: «Посидят дома день — другой, да убегут», — ответил управляющий на их слова. Дети ушли. Половина фабрики стала. Дети не приходили на работу в продолжение нескольких дней, мастерицы тоже забастовали. Арестовано 40 человек «зачинщиков».

„Искра“ № 14, 1902 г.

ИЗ НОЯБРЬСКОЙ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ

В половине четвертого, когда осталось мало народа, мальчики насмешками разозлили солдат, и те бросились избивать их. За мальчиков вступились взрослые и очень скоро обратили солдат в бегство. Тогда в толпу по команде был дан залп без предупреждения. На месте осталось шесть человек убитых наповал и 12 тяжело раненых. При стачке 12-го ноября женщины и дети выносили рабочим ухваты и собирали камни.

Из воззвания, вышедшего на юге. „Искра“ № 29, 1902 г.

ИЗ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОДЕССКОЙ ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКЕ

...После этого всей массой пошли по всем заводам кругом, вызывали рабочих присоединиться к борьбе... Интересная картина была в гавани, когда освобождали всех рабочих и выпускали из парового котла пар. На пароходах раздавались гудки за гудками. Мальчики-подростки 12—13 лет выпускали пар и звонили в колокольчики.

„Искра“ № 49, 1903 г.

ТВЕРСКАЯ СИТЦЕВАЯ ФАБРИКА МОРОЗОВА

...С этого момента начался «бунт». Сильно побили кварталного. Полиция заперлась в главной конторе. Подростки-рабочие, человек 30—20 12—16-и лет, начали бить стекла в механическом отделении. Молодежь постарше, человек 300, гикали и свистали. После механического отделения выбили стекла во всех нижних этажах фабричного здания. Мотивы были: заставить забастовать и другие фабрики.

„Искра“ № 61, 1904 г.

КОСТРОМА

В октябре на одной из здешних фабрик была стачка малолетних. Требовали повышения расценок. Эта была одна из жизнерадостнейших стачек; молодежь ходила героями, поощряемая одобрениями взрослых—через неделю требования были удовлетворены.

Листок „Рабочего дела“ № 1, июнь 1900 года. Стр. 8.

КАК Я СТАЛ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ

Было мне лет 14—15.

Учился я тогда в школе. Часто слышал про социалистов. Рассказывали: социалисты—это люди с одним глазом, а глаз этот у них по середине лба.

Мне сильно хотелось увидеть такого социалиста, у которого один глаз во лбу, и я вовсе не знал, что отец мой социалист.

В 1903 году я поступил в механическую мастерскую учеником. Редко кто мог проработать здесь больше 2—3 месяцев. Работали 12 часов в день, заставляли и ночью работать. А платить—платили ученику 25 копеек в неделю.

Товарищ мой Янович работал литейщиком в другой мастерской и был уже членом партии. О своих связях с партией он не рассказывал; но раз как-то дал он мне книжку «Красное Знамя» и предупредил, чтобы никому не показывать. Книжку прочел, понял.

Случайно открыл то место, куда отец прятал литературу.

А то, что из книг узнавал, я стал рассказывать рабочим своей мастерской. Рабочие любили эти рассказы. Делал я все это без всякой цели, совсем не думал пропагандировать рабочих.

Прочитал я однажды про то, что рабочие должны организовываться, бастовать, выступать со своими требованиями. Вот у меня и возникла мысль, как это устроить забастовку у себя на заводе.

В. Б.

Рассказал о своем намерении товарищу. Он раз'яснил мне, что забастовка только на нашем небольшом заводе не даст никаких результатов, что забастовку надо провести во всех механических мастерских.

Так я задумал организовать всеобщую забастовку. Пошел по мастерским. С учениками, с молодежью я очень быстро связался; все они поддерживали мысль о забастовке.

Хуже было со взрослыми рабочими. Когда мы беседовали о тяжелой жизни, о том, что надо ее улучшить, что надо добиться большей оплаты, они во всем соглашались, но в забастовку не верили. Они говорили:

— В городе много мастерских, кто-нибудь к забастовке не пристанет, и забастовка не удастся.

Тогда мы предложили созвать всех рабочих механических мастерских на собрание за час до начала работы. Если придут все, будет забастовка.

На том и сошлись. По всем мастерским мои сообщники объявили о собрании.

Половина восьмого. Все были в сборе.

А что теперь делать? Кто выступит, скажет, зачем сюда собрались? И Яновича нет.

Стал говорить я: что должны мы требовать для взрослых рабочих, что нужно требовать для молодежи.

Все согласны на забастовку.

Выбрали стачечный комитет. В комитет вошли все старики, а от молодых я один. Забастовка удалась.

После забастовки я стал социалистом.

„Комсомол Белоруссии за 5 лет“

И. КОЗЛИТИНОВ

НАША ПЕРВАЯ СТАЧКА

(Воспоминания участника)

На берегу небольшой бухты скромно приютился большой судостроительный и механический завод одного богатого французского акционерного общества.

Точно по велению всемогущего гения новорожденное детище капитала росло и ширилось с неимоверной быстротой, занимая все более и более территории... Там и здесь вдоль бухты длинной цепью разбросались здания, и над казавшимся дотоле пустынным полуостровом надменно вознеслись высокие трубы завода, выбрасывавшие из своих бездонных пастей густые клубы черного дыма, от которого медленно замирала краса окружающей природы.

Днем и ночью неумолчно гремели стальные чудовища, наполняя душные своды гигантских мастерских оглушительным грохотом.

В этом аду, перед которым немеют и блекнут слова, рабочие превращались в призрачные тени, легко скользящие над руинами смерти. Неустанно трудясь в объездах завода, они каждым своим движением приносили все больше и больше прибыли господину капиталу, превращая свой пот в звонкий желтый металл.

Одновременно с этим, когда жалкие рабы капитала умирали в дымных мастерских завода, верные слуги его вели беспечно-разгульную и праздную жизнь, очевидно вполне довольные тем, что новое предприятие

приносит для их хозяев все новые и новые доходы. По вечерам, когда рабочие после смены возвращались по своим лачугам, из окон богатых директорских домов неслись мощные звуки оркестра, нервировавшие утомленных в тяжелом каторжном труде.

Так прошли лето и осень, наступила неприветливая северная зима с присущими только ей морозами и снежными вьюгами.

Тщетно старался завод согреть окружающую обстановку своими раскаленными печами.

На самом берегу бухты, где стояли строящиеся боевые суда, сотни рабочих, замкнутых в стальные клетки морских судовиц, буквально коченели от стужи.

В машинном отделении одного эскадренного миноносца около небольшой переносной печки стояли два мальчика-ученика.

— Ты слышал, Петька, на заводе, говорят, будет скоро забастовка.

— Да, мне дядя тоже говорил, что 9-го января обязательно забастуют, а вот мне Седов Пашка сказал, что прежде чем они задумают забастовать, то мы, мальчики, скорей забастуем, нас нагайками не будут бить фараоны, вот тогда, Гришка, будет нам надбавка жалованья...

— Вот, Петька, могу себе вообразить, как это директору нашему не понравится, а то ведь он привык глядеть на нас как на скотину...

— Не только директору не по душе будет забастовка, но и нашему Куцову (мастеру) тоже будет против шерсти...

В это время в машинное отделение пришли погреться еще два мальчика-ученика, и все четверо начали судить и рядить о забастовке на заводе.

— Знаете ли вы, — говорит Седов, — что в Питере уже готовятся... Весной начнут. Ведь нужно сказать правду, что в одиночку мы бессильны, но если собраться всем вместе, то нас даже вся администрация боится и идет на уступки. Вот посмотрите на себя.

И Седов принялся выкладывать перед товарищами свои мысли. Он говорил долго, с чрезвычайно серьезным лицом, довольный, что его внимательно слушают.

— А что как мы будем бастовать, а все остальные будут работать, что же тогда. Нас выгонят, а где теперь искать работы?

— Ну, этого бояться нечего, ребята поддержат, надбавка будет.

Прошло несколько дней.

Однажды многочисленная группа мальчиков (а их работало на заводе более 200) собралась возле конторы. Из толпы слышались громкие взволнованные голоса, с горящими лицами ученики спорили между собой.

С большим удивлением выслушал Куцов сообщение, что его всегда податливые и покорные мальчики вдруг неожиданно надумали бастовать и немедленно поспешил выйти к ним.

— Господа, — обратился он к собравшимся мальчикам и рабочим, пришедшим посмотреть, что выйдет из забастовки ребят, — я никогда не ожидал от вас такой неприяности, как сейчас. Наш завод новый, на него затрачены громадные деньги, и если вы, вместо того чтобы дружно работать, будете вот так собираться и праздно проводить время, то и завод остановится, и вы останетесь без дела. Что вы по крайней мере от меня хотите...

Вместо ответа Седов подал Куцову небольшой лист бумаги, на котором было изложено требование повышения заработной платы.

— Ах, вы, черти, — рассердился, внезапно побагровев, мастер, — работать не хотите, а еще надбавку просите... Да знаете, что я вас всех рассчитаю.

И, оглядев всех собравшихся, мастер крикнул:

— Так вот, я объявляю вам всем: кто хочет без надбавки работать, пусть приступает сейчас же к работе, а кто не хочет, может получить расчет.

И, хлопнув дверью, скрылся в конторе.

Последние его слова раззадорили собравшихся.

— Как, расчет? Зимой, в такой холод! — поссышалось вместе с ругательствами по адресу мастера из толпы.

У многих, все же испугавшихся расчета, вытянулись лица.

— Эй, слушай, товарищи. Не робейте, — закричал высокий рабочий, с черной бородой и блестящими глазами.

Это был отец Седова, пользовавшийся у рабочих большим уважением, вступавшийся всегда за притесняемых мастером рабочих и бывший во главе всех забастовок.

— Не робейте, товарищи,—продолжал он.—Мы вас поддержим. Долго и мы страдали и терпели. И если вы, молодежь, забастовали, то и мы с вами будем. Чем наше положение лучше? Правда, товарищи?—обратился Седов к стоявшим взрослым рабочим.

— Верно.

— Ну, так идем снимать с работы.

И как снежный дом, падающий с горы, обращается в лавину, так и стачка одних мальчиков-учеников превратилась в грандиозную забастовку, охватившую все мастерские завода.

Забастовка продолжалась всего один день. Требования рабочих, взрослых и подростков, были удовлетворены.

Снова на заводе закипела работа. Снова высоко черные трубы завода выбрасывали густые клубы дыма... По вечерам попрежнему ярко светились окна директорских домов.

А там, в мастерских, среди машин и стальных чудовищ, заполнявших всю мастерскую, работали, работали и днем и ночью тысячи людей, обреченных на нищету, голод и холод ради насыщения господина капитала...

„Заря Коммунизма“ № 4-8, 1919 г. Орг. Курского Губкома РКСМ.

А. РОГОВ

СЕНТЯБРЬСКАЯ СТАЧКА УЧЕНИКОВ ГЛАВНЫХ МАСТЕРСКИХ В 1903 г.

После майского разгрома социал-демократической организации началось собирание ее осколков, и по истечении некоторого времени возобновилась кружковая работа. От Красноярского комитета были выделены для работы среди железнодорожников курсистки акушерско-фельдшерской школы товарищи Полина Калико и Витя Шуваева, а в августе их заменил студент-технолог Леонид Красин. В кружок входили: Мардасевич И., Люц В., Старцевусов М., Рогов А., Янселев П., Строганов В. и Суханкин. Все перечисленные товарищи работали в главных мастерских в качестве учеников, кто по году, а кто и по три года.

Заработная плата определялась при поступлении в 20 к. в день, а через каждые 6 месяцев должна была повышаться в зависимости от успеха того или иного ученика. Всего работало в главных мастерских 300 учеников. Возраст учеников колебался от 15 до 19-и лет.

Однажды на собрании кружка было сделано сообщение о том, что в течение уже года не было прибавки жалованья, тогда как раньше эта прибавка проводилась через каждые 6 месяцев; три четверти учеников были разбросаны по бригадам на сдельной работе, и многие из них работали не хуже квалифицированных рабочих. Это сообщение было подвергнуто обсуждению, и было вынесено решение повести кампанию среди учеников за

стачку с целью повышения оплаты труда. Это нужно было сделать еще и потому, что среди рабочих после первомайской демонстрации было подавленное настроение, а, с другой стороны, отсутствие прибавки вызвало среди учеников большое недовольство. Расчет был прост: при условии успешной стачки учеников подъем настроения должен передаться на мастеровщину и оживить работу в мастерских.

В начале сентября было объявлено общее собрание учеников в ученическом цехе, инициаторами которого являлись ученики, работавшие уже давно по бригадам разных цехов. Тов. Рогов объяснил цель созыва собрания, и ученики без всяких разговоров присоединились к предложению кружка и выбрали для переговоров с начальником мастерских особую делегацию — товарищей Рогова, П. Портнягина, Суханкина, В. Строганова. Было вынесено постановление: пока требования не будут удовлетворены, к работе не приступать. К концу собрания появились жандармы, дежурившие в мастерских, и окриком «Разойтись на работу» хотели ликвидировать стачку, но ученики со свистом и гамом разошлись, с тем, чтобы собраться после переговоров депутатов в ученическом цехе. Пока делегаты ходили к начальнику, жандармы следовали по пятам, следя за каждым движением представителей рабочих. Начальник мастерских Ключковский был вызван в управление дороги, и его заменял мастер сборного цеха инженер-технолог Черунович. Черуновичу было уже известно о стачке, и он решил запугать делегацию, заявив: «Я с вами разговаривать не хочу, идите и работайте, а если кто не выполнит моего распоряжения, тот будет уволен из мастерских». Делегаты заявили, что они явились для переговоров не лично за себя, а за всех учеников. Что же касается обещания уволить, то это он может сделать когда угодно, как начальник мастерских.

Начальнический пыл спал, и он предложил зайти в кабинет изложить, что делегатам нужно. Немедленно были сообщены требования о прибавке жалованья и вежливом обращении с учениками технической администрации мастерских. Переговоры велись с начальником в присутствии студентов, практикантов-технологов, в числе

которых был и наш пропагандист Леонид Красин, в это время находившийся у начальника. Это еще более придавало делегатам смелости. Начальник по заслушании заявил: «Идите и передайте всем остальным, пусть немедленно приступают к работе. Что же касается вас, то я наведу справки у мастеров, и, если выяснится, что вы заслуживаете прибавки, будет прибавлено, а если нет, то будете уволены».

В этом было повторение того же самого маневра «взять на испуг», что и в первый раз. Делегация потребовала у начальника определенного ответа: будет ли удовлетворено требование или нет. На это он ответил, что повторяться не будет, и просил передать то, что сказал. Делегация направилась в ученический цех сообщить товарищам ответ начальника: дежурные жандармы также присоединились к делегатам в качестве провожатых, но достаточно последним было войти с делегатами в цех, где ученики были в полном сборе, как раздались голоса «Долой жандармерию» и свист. После того как ученики немного успокоились, делегаты передали им суть переговоров, а также внесли предложение о том, чтобы собрание уполномочило делегатов пойти вновь к начальнику и передать о том, что стачка не будет прекращена, пока начальник не даст определенного ответа об удовлетворении требований. Было принято еще одно предложение о том, что, когда делегаты отправятся к начальнику, все ученики должны идти вместе с ними к конторе и ждать результата переговоров. Путешествие нужно было проделать через кузнечный и токарный цехи, так как начальник в это время находился не в главной конторе, а в конторе сборного цеха.

Предложение было принято, и все ученики, в количестве 300 человек, с шумом и гамом двинулись к конторе; их сопровождали жандармы. Вышла недурная демонстрация: когда ученики проходили мимо мастеровщины, иные покровительственно, а иные с гордостью смотрели на подпрыгивающую молодежь. Подойдя к конторе, делегаты сообщили через табельщика начальнику о своем прибытии. Начальник вышел и, увидя занятые учениками проходы, страшно взбесился и затопал ногами. Часть учеников разбежалась, но делегаты подо-

двинулись еще ближе к начальнику и предложили ему выслушать ответ учеников. Разбежавшиеся ученики опомнились и, увидев, что большинство не уходит от конторы, вернулись обратно. Однако от ведения переговоров Черунович отказался, и делегаты предложили всем ученикам в ответ на его поведение разойтись по домам и приходить каждый день только с утра для осведомления, удовлетворены ли требования. Остановившись на подобном решении, молодые ученики-стачечники разошлись по домам. Забастовка продолжалась два с половиной дня; 16-го сентября были вывешены табели за вторую половину месяца; оказалось, что у всех без исключения учеников были пометки о прибавке жалованья, кому на 10—15, а некоторым даже на 20 коп. в день. Оказалось, что во время стачки бригадиры, у которых работали ученики, ходили к начальнику и вели с ним переговоры о прибавке, указывая на то, что если стачка затянется, то в бригадах, где было по несколько учеников, приработок получится много меньше, и это может повлечь за собой остановку работы мастеровых из-за низких расценок. Это хождение бригадиров сыграло не малую роль в ускорении победы учеников.

Так закончилась ученическая стачка 1903 года.

„Пролетарская революция“ № 1, 1925 г.

НА АРМАТУРНОМ ЗАВОДЕ

Так как 1-е мая было в воскресенье, то по обыкновению в этот день завод не работает. Но нам желательно отпраздновать рабочий день. И мы бросили работу 2-го мая. Не успели мы отойти от завода, как явилась целая свора башибузуков: пристав в сопровождении 6 околоточных и 10-и верховых. Но мы уже успели разойтись. 3-го мая вышли все на работу, но достаточно было искры, чтобы пламя вспыхнуло. Рабочим живется здесь очень плохо; принимают мальчиков-учеников, а потом их воспитывают, т. е. учат известной профессии. Завод имеет такую привычку: принимает сначала мальчика на три месяца бесплатно, а по истечении этого срока платит ему 20 коп. Это у них такой порядок. Между тем почти никто из мальчиков не прослужит 3-х месяцев. Завод, не допуская, когда кончатся три месяца, рассчитывает его и принимает другого опять же на три месяца бесплатно.

Один мальчик, Шатров, был тоже принят на три месяца бесплатно. Но вот ему уж через несколько дней должен кончиться этот срок; администрация завода искала случая его рассчитать. Утром 11-го мая он опоздал на десять минут. И вот мастер Баленко (ходят слухи, что он шпион) выскакивает из конторы, хватает его за руку и выгоняет за ворота. В час мы идем все на обед и встречаем этого мальчика в столовой рыдающим. Начали расспрашивать. Когда мы узнали все происшедшее, то все были недовольны подобным произволом и тут же решили защитить беззащитного мальчика во что бы то ни стало, хотя бы и самим пришлось пострадать. После обеда мы вышли на работу. Но за работу не принимались. Подошли все к конторе. Идет этот подлец мастер Баленко и обра-

щается к нам: «Почему вы не становитесь на работу?». Но мы с таким негодием не нашли нужным говорить. Тогда потребовали Лозовского (уполномоченного от хозяина) и заявили ему, чтобы немедленно был принят мальчик; в противном случае мы никто не станем на работу и даже согласны забастовать. Он категорически отказал. Тогда мы объявили забастовку.

12-го мая был фабричный инспектор, нас приглашают в контору. Вот дошли до конторы, но, к сожалению, дверь заперта; как оказывается, они, инспектор и Лозовский, сидят за выпивкой перед шампанским и десертом. После уж, когда они подпили, вдруг отворяется дверь, вылетает оттуда фабричный инспектор с триумфом и кричит: «Вы не имели права бросать работу, это не на законном основании. Если мальчика выгнали, то пусть он придет ко мне, и я сам разберу все. А то вот нашлись какие защитники. Вас всех рассчитают, и тогда вы будете с голоду пропадать».

Но его угрозы не подействовали, и он встретил должный отпор со стороны наших передовых товарищей. Он, видя такое дело, сразу смягчился и стал ниже травы, тише воды. Мы тут указали обязанность, которая лежит на инспекторе. После переговоров, которые длились 3 часа, он пытался примирить обе стороны. Хозяин решил принять мальчика. Но когда мы заявили, чтобы нам уплатили за полтора дня, которые мы не работали, так как вина была со стороны администрации, то Лозовский категорически отказал. 13-го мая мы еще продолжаем забастовку, ожидаем расчета всех рабочих. Выставили 25 требований. В числе их есть мелкие экономические, а также и политические.

Для подростков рабочие требовали: 1) мальчикам-ученикам платить с первого дня поступления; 2) плата должна быть не менее 20 к., 3) администрация не должна иметь претензии к ученикам, 4) мальчикам-ученикам прибавлять жалованье через каждые шесть месяцев, 5) не допускать малолетних учеников к непосильному труду, который подрывает их здоровье.

„Вперед“, 1905 г.

В. И. ЛЕНИН

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И НОВЫЕ СИЛЫ

(Из статьи того же названия)

Каковы стоящие перед нами новые задачи, мы в общих чертах не раз уже говорили: расширение агитации на новые слои городской и деревенской бедноты, создание более широкой, подвижной и крепкой организации, подготовка восстания и вооружение народа, соглашение для этих целей с революционной демократией. Каковы новые силы для осуществления этих задач, — об этом красноречиво говорят вести о всеобщих стачках по всей России, о забастовках и революционном настроении молодежи, демократической интеллигенции вообще и даже многих кругов буржуазии. Наличие этих громадных сил, особенно в рабочем классе и крестьянстве, есть достаточное ручательство за то, что новые задачи могут быть решены и непременно будут решены. Практический вопрос, стоящий перед нами, состоит прежде всего в том, как именно использовать, направить, объединить, организовать эти новые силы, как именно сосредоточить социал-демократическую работу главным образом на новых, высших задачах, выдвигаемых моментом, отнюдь не забывая при этом тех старых и обычных задач, которые стоят и будут стоять перед нами, пока держится мир капиталистической эксплуатации...

...В военное время рекрутов надо учить непосредственно на военных действиях. Смелее же беритесь за новые приемы обучения, товарищи! Смелее составляйте новые и новые дружины, посылайте их в бой, вербуйте больше рабочей молодежи, расширяйте обычные рамки всех партийных организаций, начиная от комитетов и кончая фабричными группами, цеховыми союзами, студенческими кружками! Помните, что всякое промедление наше в этом деле послужит на пользу врагам социал-демократии, ибо новые ручьи ищут выхода немедленно и, не находя соц.-дем. русла, они будут устремляться не в соц.-демократическое. Помните, что каждый практический шаг революционного движения будет неизбежно и неминуемо учить молодых рекрутов именно социал-демократической науке, ибо эта наука основана на объективно верном учете сил и тенденций различных классов, а революция есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по-своему создать новую надстройку. Не принижайте только нашей революционной науки до одной книжной догмы, не опешьте ее презренными фразами о тактике-процессе, организации-процессе, фразами, которые оправдывают разброд, нерешительность, неинициативность. Давайте больше простора самым разнообразным предприятиям самых различных групп и кружков, памятуя, что верность их пути, кроме наших советов и помимо наших советов, обеспечивается неумолимыми требованиями самого хода революционных событий. Давно уже сказано, что в политике часто приходится учиться у врага. А в революционные моменты враг всегда навязывает нам правильные выводы особенно назидательно и быстро.

1905 г.

НА ЗАСТАВАХ ПИТЕРА

На заставах велись разговоры с солдатами, которых усовещевали. На Невском же проспекте и прилегающих к нему улицах молодежь из ремесленников начала «играть» с конными раз'ездами, ругать их, смеяться над ними, сравнивать храбрость воинства здесь и трусость перед японцами. Закричат в одном месте «ура», конница, все время с пашками на-голо, бросится к ним, в это время сзади начинают бить фонари и стекла в окнах. Во дворце Сергея Александровича почти все стекла в первом этаже были выбиты.

„Искра“ № 85, 1905 г.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ДЕТЕЙ В ДВИНСКЕ

Детьми в возрасте от 10—12 лет, в количестве 300 человек, была устроена демонстрация. Дети шествовали беспрепятственно по улицам города с красным знаменем, с возгласами «Долой самодержавие», «Долой тиранов».

Во время шествия дети разбрасывали прокламации следующего содержания:

«Не думайте, что мы устроили детскую игру в демонстрацию. Нет! Мы вышли на улицу, чтобы протестовать против тирании и зверства нашего правительства, понимая, как зверски поступало оно с нашими братьями в Двинске и других городах России. Главное, мы не можем забыть пролитую кровь наших братьев в Петербурге 9-го января. Мы призываем всех протестовать против

варварского правительства, мы призываем мстить за кровь наших братьев, всех тех, кто погиб в борьбе.

Да здравствует свобода!

Вызванные несколько десятков казаков быстро рассеяли демонстрантов.

„Искра“ № 95, 1905 г.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В МИТАВЕ

...Казаки и солдаты уже успели завернуть за угол, как вдруг показался сам господин курляндский губернатор. Как только показалась его жалкая фигура, со всех сторон раздались свистки и крики: «Долой губернатора, долой красного петуха». Толпа из 30—40 подростков неслась за ним, как за юродивым, крича ему в ухо ласкательные словечки. Зеленый от гнева, он, как бешеная собака, набрасывался на них, но никого не было. Шли только молодые люди, часто по два. Тогда, выйдя из себя, он с пеной у рта позвал своего кучера и послал его за казаками. Те моментально набросились на хохотавшую до слез публику, при чем сильно избили 15-летнего мальчика и старика.

„Искра“ № 100, 1905 г.

ИЗ ИНФОРМАЦИИ О ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКЕ В ОДЕССЕ

...На фабрике шерстяных изделий Вальтута работы были остановлены ворвавшимся вооруженным отрядом рабочих. У фабрики произошли крупные стычки.

Зверское избиение произошло на углу Канатной и Еврейской. Здесь с обеих сторон собралась грандиозная толпа рабочих, среди которых было больше половины девочек-подростков из чайной фабрики Высоцкого. Девочек только что сняли с работы. Радостные, страшно воз-

бужденные, они вышли с толпой взрослых рабочих с фабрики Левинсона. Вся толпа с громкими криками двинулась по Канатной улице. Навстречу быстро двигался отряд городских. Передние части толпы пытались было повернуть на Еврейскую, но задние, не видавшие городских, начали кричать: «Не ходите, товарищи, на Еврейскую, там у участка засада». Со стороны Еврейской действительно высыпал отряд городских. Началась частая револьверная стрельба. Отчаянные крики растерявшихся девушек (были от 13—14 лет). А в это время шашками рубили отдельные кучи свалившихся девушек, мужчин. В результате множество избитых и до десятка изрубленных. Одну девушку изрубили насмерть.

Несмотря на это, толпы собирались каждый раз и плотными массами двигались взад и вперед. Преобладала рабочая молодежь и множество совсем молодых мальчиков, которые всюду являлись застрельщиками.

В пяти — шести пунктах воздвигали баррикады, ралили конки, возы, таскали доски. При постройке баррикад выдающуюся роль играли уличные дети. С поразительным бесстрашием кучка мальчуганов окружала конку, высаживала пассажиров и мгновенно валила вагон на самые рельсы.

На улицах преимущественно рабочая и интеллигентская молодежь всех возрастов до мальчиков и девочек 13—14 лет включительно.

„Искра“ № 104, 1905 г.

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В ОДЕССКОМ ВОССТАНИИ

Интересно отметить роль детей пролетариата в Одесском восстании. Во время событий 14-го, 15-го и 16-го июня на улице выступали в качестве ораторов подростки-дети. Один оратор, лет 13—14, сказал приблизительно такую речь: «Многие говорят, что в движении принимает участие много детей и подростков. Пусть так! Разве это не хорошо, что мы, дети пролетариев, выступим на борьбу? Разве мы, дети пролетариев, не переносим

ту же нищету, что и наши отцы и матери? Разве мы не так же бесправны и угнетены, как они? Разве нас не ждет впереди голодная жизнь? Разве нас не выбросят на улицу, когда выжмут из нас все соки? Нас, детей, еще больше угнетают потому, что мы еще больше беззащитны! Нас принимают на фабрики потому, что нам можно платить дешевле, чем взрослым, а в это время наши взрослые родители сидят без работы. И когда отцы наши выходят на улицы и умирают, мы тоже должны бороться. Будем же бороться, не будем жалеть жизни и добудем политическую свободу, которая освободит нас от бесправия».

Окружавшие оратора взрослые рабочие и женщины целовали мальчика со слезами на глазах. Вообще дети принимали самое живое участие, и много их было убито и ранено. Особенно же горячее участие они принимали в постройке баррикад, в опрокидывании конок, в закрытии лавок и магазинов. Целыми отрядами переносились они с угла на угол, неслись по улице и вносили много бодрости в борющуюся массу.

Из письма приезжего. „Пролетарий“ № 9, 3 июля 1905 г.

ЗАБАСТОВКА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ МАЛЬЧИКОВ

В городе Екатеринославе забастовали все мальчики торгово-промышленных заведений, мальчики из типографий, мальчики-слесари и мальчики-заготовщики. Больше всего заслуживает внимания забастовка мальчиков торгово-промышленных заведений. Заметка в «Пролетарии» № 13 за 1905 г. сообщает об этой забастовке следующее: «Уже третий день эти мальчики, в возрасте от 9 до 13 лет, собираются в собрании общества приказчиков в количестве не менее 500 человек. Председательствует 12-летний мальчик, который поражает всех своим ораторским талантом. Удивительно было видеть, когда 12-летний оратор открыл заседание и произнес речь, в которой точно и определенно выяснил то положение, в каком находятся мальчики, и стремления, которые

зародились у них. «Мы,—говорил он,—несчастные дети угнетенного пролетариата, прежде всего должны предъявить своим хозяевам требование о предоставлении свободного времени для учения». Дальше он указал, что даже и торговому делу, для служения которому они взяты, их не считают нужным учить, а употребляют для домашних услуг, указал на необходимость требовать от хозяев и старших приказчиков вежливого обращения, увеличения жалованья и неприкосновенности забастовщиков.

Говорили и другие мальчики. Приводились конкретные примеры всей той кабалы и эксплуатации, под гнетом которой им приходилось жить. На третий день 12-летний оратор опять открыл собрание речью, в которой он говорил о труде и капитале так популярно, что она ничем не отличалась от речей более взрослых. Тут он указал на необходимость примкнуть к борьбе за конечную цель, к которой стремится весь рабочий класс,— за социализм, и выяснил что это такое. Указал на необходимость созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. После этой речи были выработаны требования и выбрана комиссия из мальчиков и приказчиков. Мальчики решили бастовать до полного удовлетворения их требований».

СТАЧКА НА ФАБРИКЕ ВАКУЛЫ МОРОЗОВА

Орехово-Зуево. Стачка на фабрике Вакулы Морозова продолжается. После того как 22-го числа ставельщики прядильной фабрики выгнали со своих фабрик рабочих, 23-го утром все рабочие, за исключением ставельщиков, снова вышли на работу, но ставельщики решили постоять на своем и героически бросились снова останавливать фабрику. Мимо казаков, пытавшихся загородить выход в прядильную фабрику, ставельщики в сопровождении боевой дружины проникли в нее и собрались в сортировочной. Оратор, с.-д., начал речью, в которой призывал к дружной забастовке всех рабочих фабрики Вакулы Морозова. Во время

речи появились три казака, что послужило как бы сигналом к остановке фабрики. С криком «долой казаков» и револьверными выстрелами ставельщики и дружинники разбежались по фабрике; паровые остановились, рабочие бросили работы. В одной из паровой был тяжело ранен провокатором ставельщик, 17-летний мальчик, смелый, развитой, один из руководителей своих товарищей.

«Борьба» № 3, 30 ноября (13 декабря) 1903 г., стр. 4.

ИВ. МЕРЕНКОВ

НА БРЯНСКОМ ЗАВОДЕ

Одним из революционных цехов Брянского завода был литейный цех. Нашей базой была сумасшедшая палата, т. е. пристройка к цеху, где работала молодежь на мелком литье. Это была воистину буйная молодежь, и частенько приходилось ее сдерживать.

В начале марта рабочая молодежь так называемой сумасшедшей палаты литейного цеха вывезла на тачке мастера. Администрация потребовала увольнения 23-х человек из палаты. Мною был поставлен вопрос на делегатском собрании о поддержке остальными цехами литейного цеха. Делегатское собрание поддержало мое предложение и постановило не допустить увольнения 23-х человек.

После длительных переговоров с дирекцией наше требование было удовлетворено.

«Материалы к истории екатеринославской организации РС-ДРП (большевиков)».

ЗАБАСТОВКА НА ЧУГУННО-ЛИТЕЙНОМ ЗАВОДЕ

Условия труда на чугунно-литейном заводе сохранили еще первобытные формы. Не коснулось рабочее движение рабочих Мейера, и в результате те незначительные льготы, которые даже у нас в России отвоевал себе рабочий класс, не дошли до этого завода: сохранились еще сверхурочные работы, увеличивая таким образом рабочий день до 13—14 часов, сохранились еще рублевые штрафы за прогульные дни и т. д. Мальчики, поступающие впервые на завод, в других предприятиях получают по 30—40 коп. в день, у Мейера они получают только по 20 коп. по-старому. У Мейера в течение пяти лет они получают ежегодно по 5 коп. прибавки, так что рабочий на заводе Карла Ивановича получает 45 коп. в день. Надо сказать, что работа мальчиков-стерженщиков в чугунно-литейном производстве очень важна, так как без стерженщиков подмастерья не могут работать совершенно. Мальчики-стерженщики на чугунно-литейных заводах, проработав 3 года, переходят на сдельную работу.

Уже на второй год им даются новые мальчики, которых они в течение 1½ года должны приготовить себе в заместители. На таких условиях и к Мейеру поступают мальчики. Но эти условия исполняются в других предприятиях, где уже солидарность и единство проникло в среду товарищей-рабочих, где, как говорят: «один за всех, все за одного», у нас же Карл Иванович и не думает исполнять условий, заключенных с мальчиками. У него стерженщики, работающие уже пятый год, не имеют еще заместителей, и все получают по 5 коп. прибавки еже-

годно. В этом году перед пасхой Мейер обещал мальчикам к 1-му маю прибавить по 10 коп. вместо обычных 5 коп. Но подошло 1-е мая. Карл Иванович и не думает исполнить своего обещания. И вот, несмотря на «черносотенную» атмосферу, которая создалась на заводе за последнее время, несмотря на полное отсутствие агитации, мальчики, сговорившись, все как один (всех младших мальчиков-стерженщиков 20) бросили работу.

Это была, что называется, «капля, переполнившая чашу»; не испугало их грозное заявление Карла Ивановича, что он будет писать им ежедневно по 1 рублю штрафа: они решили стойко держаться до конца и не уступать. Но Мейер достал рабочих, которым дал по 1 рублю 25 коп. и 1 руб. 50 коп., и поставил их стерженщиками. Затем 8 мальчиков, пробастовав один день, изменили товарищам своим и отправились на работу. Печально кончилось первое выступление юных борцов: большая часть их рассчитана, и они уехали в деревню или сидят без работы в городе. На-днях является на завод околоточный надзиратель и приносит мальчикам «забастовщикам» следующее постановление от градоначальника: «Если вы еще раз забастуете, то подвергнетесь полевому суду и будете приговорены к смертной казни через расстрел». Постановление подписано большими красными буквами, повидимому, для того, чтобы навести еще большую панику на мальчиков. Кто написал это постановление?

...Товарищи! В тех предприятиях, где солидарность протекла в среду рабочую, таких постановлений быть не может. Каким бы ни был хозяин, боязнь соединенных рабочих сильнее у него хищнических наклонностей.

Один из рассчитанных
стерженщиков

„Светоч“, № 22, среда 24 мая 1906 года. „На фабриках и заводах“, стр. 3.

ДВИЖЕНИЕ УЧЕНИКОВ НА ЗАВОДЕ «ДУКС МЕЛЛЕР»

После декабря администрацией завода была обещана ученикам прибавка через каждые полгода, но администрация этого не исполнила. Тогда ученики решили протестовать, и при посредстве заводского комитета вырабатывались следующие требования учеников: 1) неприкосновенность депутатов, т. е. чтобы никто из участвующих в выборах не был уволен; 2) прибавка жалованья ученикам по 20 коп. в день; 3) при чем жалованье должно быть не менее 40 коп. и прибавка через каждые 4 месяца; 4) отмена всех сверхурочных работ; 5) вежливое обращение со стороны старших; 6) по прошествии полугодия ученик имеет право требовать перевода из одного отделения мастерских в другое и 7) сдельные работы по принуждению быть не должны, а могут производиться только по добровольному соглашению. Эти требования через депутатов от учеников 26 мая были переданы администрации, которая их не приняла, заявив, что «мы с мальчиками не намерены вести переговоры». Ученики, увидя «радушный прием хозяина», сейчас же ушли с завода.

...Такая постановка дела сразу отрезвила хозяев, потому что уход учеников грозил приостановкой некоторых отделений. Тогда хозяева сейчас же устроили собрание рабочих, на котором предложили ученикам, что прибавку могут сделать монтеры, сколько они найдут возможной; ученики согласились. Тогда было предложено в роде примирительной камеры только для прибавки жалованья—по 3 человека от рабочих и хозяев, на что те

не согласились, а предложили твердо стоять на выработанных требованиях. Общее собрание по этому поводу вынесло следующую резолюцию: «Мы, рабочие акционерного общества «Дукс Меллер», собравшись на собрание 26 мая в количестве всего завода и обсудив требования учеников, нашли их вполне справедливыми и единогласно постановили: присоединиться к этим требованиям и решили поддержать их всеми средствами; кроме того, собрание находит необходимым добавить следующие требования: 1) установить немедленно 9-часовой рабочий день, а перед праздниками — 8-часовой; 2) требовать прибавки всем жалованья на 20%; 3) не увольнять никого за забастовку и 4) уплатить жалованье полностью за дни забастовки».

На другой день, т. е. 27-го мая, эта резолюция была предъявлена через уполномоченных хозяевам, которые из пунктов решили удовлетворить следующие: из требований учеников пункты 1, 3, 5 и 7, а общего собрания пункты 1 и 3; подобный ответ был сообщен общему собранию, которое решило от своих требований не отступать и заявило уполномоченным, чтобы они заявили хозяевам, что ответа ждем через полчаса и если не последует, то уходим с завода, на что хозяева сейчас же вывесили объявление, что все требования удовлетворены. Ученики бастовали с утра 26-го до обеда 27-го мая. Забастовка была организована заводским комитетом РС.-ДРП и велась вполне организованно и планомерно.

«Светоч», № 16, вторник 30-го мая 1906 года «На фабриках и заводах», стр. 3.

В. КУЗОВЕНКО

В ПЕРВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Мотовилихинский завод («Пермский оружейный») — один из наиболее ярко горевших на Урале очагов революции. И вооруженное восстание мотовилихинских рабочих в декабре 1905 года — блестящий пример борьбы рабочих, блестящий пример участия рабочей молодежи рядом со старшими, яркий, заставляющий пылать гневом пример расправы царских жандармов.

Список привлекавшихся по этому делу царским судом, приговор этого суда живо говорят о том, кто были участники борьбы.

Из 92-х привлеченных к ответственности было 39 человек в возрасте от 14 до 23 лет, точнее: двое — 14—15 лет, четырнадцать — 16—18 лет, одиннадцать — 19—20 лет и двенадцать — 21—23-х.

Дети четырнадцати — пятнадцати лет садились на скамью подсудимых.

А после, по указу «божьей милостью самодержца все-русского», молодежь оказывалась в тюрьме. По приговору о мотовилихинском восстании подвергнуты заключению на разные сроки от 2-х месяцев крепости и до 4-х лет тюрьмы: 4 человека 17-и лет, по двое — 18—19-и лет и шесть человек 20—23-х. Из 38 приговоренных — 14 человек был молодняк.

А что же делала мотовилихинская молодежь?

Ответим несколькими выдержками из статей, посвященных тому времени.

«К этому времени вновь приехал Андрей Юрш и весь горячо отдался работе в заводе. Он пробовал вести работу среди работниц и подростков из заводских, устраивал специальные собрания и посвящал им немало времени.

В результате можно было наблюдать, что многие старики-революционеры с удовольствием проводили время на вечеринках, выпивали и мало-по-малу отставали от хода событий, между тем как из среды молодежи выделилось человек 15, которые безраздельно отдаются делу революции и, несмотря на юный возраст, служат для партийной организации опорой в развивающейся борьбе».

Это было перед 1905 годом.

А в дни восстания заводские подростки получали боевое крещение.

«Казаки вехали в завод.

Их встретили ружейным залпом. Выстрелы посыпались со стороны завода, из домов, с улицы.

Такого приема казаки не ожидали.

В завод казакам преградила путь толпа подростков, они мешали ехать, и один из них, побольше, оказавшийся вооруженным шашкой, кричал:

— «Не расходитесь, стоять дружнее!»

Вот за что царские слуги сажали за тюремную решетку рабочую молодежь.

А, может быть, еще и за то, что в своих требованиях в июле 1905 года мотовилихинские рабочие выставляли:

«Шестичасовой рабочий день для подростков от 15 до 18-и лет.

Подручные должны получать плату от завода, а не от рабочих; заработная плата подручных должна быть не менее 40 к.»

И за это жестоко платились те, кто смело отстаивал права рабочих.

Это Мотовилиха. Это один из бесчисленных примеров, когда молодняк рабочего класса безраздельно отдавал себя революции. А сколько седой Урал насчитает таких примеров?

Д. С.

ТРИ ДНЯ ¹

Широко разлившееся рабочее движение в 1905 г., когда пролетариат впервые в таком масштабе пробовал свои силы, сильно захватило собой и рабочее юношество, увлекло его со всем пылом, присущим молодежи. Мы, молодежь, собирались тогда в лесках, все были втянуты и сгруппированы в кружках разных партий, хотя строгой принадлежности к партии ни у кого из нас не было, а были только симпатии.

В один из этих революционных дней была объявлена общая массовка. Мы собирались, сохраняя все предосторожности, но все-таки нас пронюхали, и казаки, влетая через огороды, разогнали нас плетьюми.

За лесками был поставлен строгий надзор тайной и явной полиции. Так как собираться нельзя было, то всю работу мы перенесли в завод, в цеха.

Положение ученичества в то время было далеко не такое, как сейчас, и даже не то, что было в 1914 г. С нами совершенно не считались, ограниченного рабочего дня не было, подвергали репрессиям, которым не подвергались даже взрослые рабочие.

Несмотря на то, что забастовка давно готовилась и вытекала из тяжелого положения молодежи, но пришла она, как всегда, как-то неожиданно.

¹ Стачка молодежи на судостроительном заводе „Наваль“ в г. Николаеве.

Первым стал судостроительный цех, за ним котельный, и так пошло дальше до механического, который забастовал уже при усиленных протестах учеников всех цехов и взрослых рабочих механического цеха, пригрозивших разогнать всех, если они провалят забастовку.

Взрослые рабочие приняли самое активное участие, не останавливая, но одобряя нас, относясь к нашему движению весьма серьезно.

Собрались мы на площади (в то время завод был не так застроен, и площади были большие), выработали требования, которых я детально не помню, и избрали делегацию к директору. Директор делегацию не принял и выгнал вон.

На второй день к нам присоединились подручные, и тогда с нами стали считаться, потому что некоторые бригады взрослых, например, клепальщики, не могли работать, ибо нагревальщиками были подручные.

Завод начал терпеть большие убытки. Был издан приказ проверить, все ли подручные на местах, и бастующих переписать. Это взорвало подростков всех цехов, и забастовка молодежи пошла по всем цехам. На общее собрание уже пришел заведующий заводом (фамилии его я не помню), полковник, все время угрожал нам, но мы чувствовали за собою крепкую и грозную опору взрослых рабочих, которые за нами следили, не сдавались и твердо держались своих требований.

Движение было спрушировано в судостроительном цехе, где были главные массы учеников и подручных. Работать было для взрослых невозможно, и цех остановился совсем. Заводуправление предложило рабочим брать отпуска, но они отказались.

Начальником судостроительного цеха был тогда Егоров—флотский офицер, деспот: с рабочими обращался заносчиво и грубо, ввел жесткую дисциплину и носил всегда револьвер на виду. Рабочие его ненавидели и ловили случай угостить чем-нибудь тяжелым или сбросить с подмостков, но он был опытен и без помощников не ходил по цеху и в опасные места не заглядывал.

С остановкой всего судостроительного цеха чувствовалась близость развязки. Видя, что разговаривать с нами не хотят,—а проходит 3-й день забастовки,—мы решили оставить по себе память. Послали делегацию к началь-

нику цеха, чтобы он вышел для объяснения, но он делегации не принял. Тогда мы ее послали второй раз, но уже приготовили ведро со свинцовым едким суриком, поставили учеников в ряд перед конторой, спрятали ведро и грозно потребовали выхода, грозя разнести контору, для подтверждения чего разбили несколько стекол. В это время пришел управляющий заводом, очень испугался и уговорил Егорова выйти; Егоров стоял, держа руку в кармане. Под свист и крик учеников один из нас вылил ведро свинцовой краски на лицо и платье Егорова.

Краска облила и помощников начальника и, к сожалению, наших выборных. Егоров выхватил револьвер, но стрелять не мог, так как его сильно жгло. Начался переполох, мы же спокойно разошлись по местам. Позже пришла полиция и увела управляющего и начальника цеха под свист молодежи.

На другой день нас в завод не пустили и потребовали выдачи зачинщиков. Мы, конечно, отказались. Тогда нас рассчитали. После принимали под поручительство двух рабочих.

Обратно попали только местные собственники, которые обивали пороги завода месяцами и, как всегда, провалили дело. Но наш пример не умер, с этого момента молодежь принимает активное участие в забастовках взрослых.

М. ФРУМКИНА (ЭСТЕР)

ДЕТИ-БОРЦЫ

(Из воспоминаний)

Во времена царизма молодежь не создавала отдельных организаций, а прямо шла в партию. Так поступала и еврейская рабочая молодежь. А организация еврейских рабочих, «Бунд», в главной своей массе и состояла из рабочей молодежи. Не у всякого семейного рабочего, даже более сознательного, хватало решимости быть активным членом нелегальной партии, рискуя каждый день оставить семью на произвол судьбы. Зато у молодежи колебаний не было. Материнские слезы редко кого удерживали от вступления в ряды «братьев и сестер» (так кое-где называли в народе бундовцев).

Помню, как буржуазия и буржуазная интеллигенция презрительно обзывали наше движение «движением мальчишек и девчонок».

Какую бы картину из прошлого я ни восстановила в своем воображении—кружок, «дискуссию», «сходку»¹, собрание, демонстрацию, «биржу»², стачку, тюремную

¹ Сходкой назывался кружок ответственных организаторов, которые вели партийную и профессиональную работу в ремесле или группе ремесел. Например, в Мянске одно время было шесть сходок: строительная, портняжная, кожевенная, приказчиная, «всеобщая» (металлисты, пекаря, прислуга и другие небольшие профессии) и «смесь» (преимущественно рабочие небольших фабрик и типографий). В некоторых местах организованы были не сходки по профессиональному признаку, а политические группы.

² Биржей называлось место открытых встреч рабочих. Биржи особенно пошли в ход в 1904—1905 гг. Обыкновенно рабочие выби-

камеру,—всегда возникают в моем воображении преимущественно молодые лица, лица юношей допризывного возраста и таких же молодых девушек.

Эта молодежь не замыкалась в своей собственной среде. Она была авангардом класса и часто вела за собой старших рабочих.

Официально считалось, что в партию принимают только с 17—18-летнего возраста. Знала я и более молодых членов. Но раз старшие братья и сестры чуть ли не поголовно были в той или иной форме захвачены движением, ходили на биржу, читали и носили домой литературу, входили в «боевые отряды», носили оружие и т. п., то младшие, естественно, не могли не подражать им. Они тоже толкались на бирже, даже проникли в оготовляющихся демонстрациях, являлись на них, жадно ловили обрывки «агитации», набрасывались на прокламации и т. д. В стачках им приходилось, конечно, участвовать еще тогда, когда они девяти—десятилетними детьми попадали в мастерские и фабрики. Они чувствовали себя в революционной среде как рыба в воде. Старшие от них конспирировали, тнали их нередко прочь, не принимали их в кружки. Тогда ребята стали создавать собственные группы под названием «Малый Бунд». Членами «Малого Бунда» могли быть все рабочие подростки до того возраста, когда их уже принимали в партию. Кое-где девочек в «Малый Бунд» сначала не принимали, но они быстро отвоевали себе это право.

В целом ряде городов и городишек «черты оседлости» образовались группы «Малого Бунда», и не один буду-

рали одну из главных улиц, городской сад, сквер и массами собирались там после работы. Все старания полиции разогнать биржу обычно ни к чему не приводили. Так как в каждом городе было несколько рабочих организаций (РС.-ДРП, Бунд, с. р. и т. п.), то и бирж бывало несколько по соседству. Шпион на бирже не смел показываться—избегали. На бирже устраивали свидания, передавали поручения и литературу. С биржи—разумеется, с соблюдением всяческих предосторожностей—расходились по кружкам. На бирже вели и агитацию и отчаянные программные споры. На биржу приходили: рабочие—искать управы на хозяев, а хозяева—вести переговоры с организацией по поводу забастовок. Бывало, конные и казаки наезжали на биржу и разгоняли ее нагайками. Бывало, биржу оцепят и всех, кого захватят, арестовывают. Бывали и случаи стрельбы в биржу. Но рабочие упорно возвращались и одерживали верх.

ший стойкий революционер получил свое первоначальное революционное воспитание в этих юношеских группах.

Группы «Малого Бунда» имели свои кружки, собрания, комитеты, библиотеки, членские взносы, обзаводились гектографами, на которых печатали прокламации. У них была очень строгая дисциплина, конспирация, и вообще они во всем старались подражать взрослым, даже выделяли кое-где «особый боевой отряд», для чего добывали себе оружие.

Главной своей задачей, помимо агитации среди подростков, «Малый Бунд» считал помощь старшим рабочим в их политической и экономической борьбе. Ребята добровольно брали на себя обязанность подстергать штрейкбрехеров. Они отравляли жизнь несговорчивым хозяевам, у которых происходила стачка: били стекла и делали им массу неприятностей. Они же помогали охранять бундовские собрания: следили за участком, за квартирой пристава, жандарма, полицейского и, когда видели подозрительные признаки, сейчас же давали знать собранию. Они вечно искали и находили случай услужить «Большому Бунду».

Особенно прославился Гомельский «Малый Бунд», который принимал самое активное участие в патрульной службе и вообще в революционной работе. Иногда бундовские организации давали «Малому Бунду» представителя, пропагандиста, но часто в этой помощи ребятам приходилось отказывать, так как у самого «Бунда» было мало активных работников и их не хватало для обслуживания взрослых рабочих.

Времена были крутые—расстрелы, избиения. Не хотелось ребятишек подвергать опасностям, их всячески старались гнать с «биржи», не допускать на демонстрации. Но все это было безуспешно. Демонстрацию можно было законспирировать от самых опытных шпионов, только не от «Малого Бунда». Обыкновенно масса заранее не знала, где именно будет демонстрация. Собирались в разных условных местах и там только узнавали, куда идти. Но незваные и непрошеные ребятишки вырастали там как из-под земли. У них тоже оказывалось заготовленное красное знамя с лозунгами, и они всегда норовили пробраться в первые ряды и покрывали своими звонкими

возгласами голоса старших. Страх им был неведом. Опасность, ярость полицейских, налеты казаков—все это только веселило их. А царские палачи, конечно, не стеснялись расстреливать и избивать толпу оттого, что в ней были и дети.

Беззаветная удаль, безграничная настойчивость, настоящие благоговение перед взрослыми «борцами» (так называли активных участников движения), детская, пылкая ненависть к буржуям, полицейским, жандармам—вот чем полны были души пролетарских ребятишек. Полицейский, бродивший в субботу по подозрительным кварталам в поисках собрания, и не догадывался, что еле видимый от земли пузырь, опрометью убегающий при его появлении, мчался предупредить патруль и тем портил ему все дело.

Варшавские товарищи рассказывали: в самый разгар военного положения по улицам Варшавы марширует толпа ребятишек с красным флагом. Впереди раздается выстрел. Толпа шарахается назад. Но из первых рядов раздается: «Не бежать! Вперед!»—и маленькие демонстранты храбро шагают вперед, в ту сторону, где стреляли. В феврале—марте 1905 г. в Минске была всеобщая забастовка приказчиков. Каждый день бастующие собирались в большой синагоге по Школьной улице и устраивали митинги. Казаки раз'езжали мимо окон. Все ждали, что дело кончится нападением и расстрелом. Дети были на своем посту. Они взбирались на эстраду, окружали со всех сторон ораторов. Неизгладимыми чертами врезалась в душу эта картина: синагога, переполненная тысячной толпой пролетариев, впившихся глазами в оратора-работного. Над его головой—тяжелая хрустальная люстра. А на карнизах и перилах эстрады—дети, с горящими глазами, непляшущиеся палочками за люстру и отводящие ее таким образом в сторону, чтобы она не мешала оратору. Они жадно ловят огненные слова, их обыкновенно бледные впалые щеки пламенеют, и чудится, что шевелятся крылья за их узкими плечами. И все это обито радостными лучами весеннего солнца. А за окном маячат неподвижные, угрюмые фигуры казаков на лошадях...

Через несколько месяцев один из этих юных революционеров, 14-летний рабочий-подросток (кажется, маляр), Авраам Гимельштейн, пал на демонстрации.

Рассказывали, что когда началась стрельба и толпа стала разбегаться, Авраам выбежал на середину улицы и, размахивая палочкой, закричал: «Товарищи, стойте, не бегите». В эту минуту пуля попала ему в бок, и он упал, обливаясь кровью. А старший товарищ, сапожник Рачковский (теперь член РКП), высоко поднял его безжизненное, окровавленное, маленькое тело и показал рабочим, воскликнув: «Вот они убили нашего маленького товарища».

Это было на Богадельной улице, как-раз на том месте, где теперь клуб минского Комсомола.

Через месяц на кладбище, у могил павших на этой демонстрации рабочих, было устроено собрание. Было не меньше 1.000 человек рабочих. Товарищи убрали маленькую могилку Авраама и поставили на ней дощечку с надписью красной краской:

Жить в свободе,
Умереть в борьбе.
Твои товарищи из „Малого Бунда“.

В 1917 г., вернувшись в Минск, я пошла навестить эти могилы. Я нашла их. Но дощечки уже не было. И могилка почти сравнялась с землей...

Но зато на том месте, где земля впитала в себя его кровь, вырос клуб Комсомола...

В том же году погиб на демонстрации в Гомеле, на Кузнечной улице, член комитета «Малого Бунда»—Яков-Мойше, тоже подросток-рабочий. В этот день взрослые рабочие манифестировали по всему городу по поводу разгона биржи, а «Малый Бунд» осмелился устроить свою манифестацию именно на бирже. Прискакали казаки, стреляли в детей, и Яков-Мойше был убит.

...В сонме борцов, павших за счастье будущих поколений, в этом сонме есть детские тени. Тени таких детей, которые пали не как жертвы, а как борцы. Будем же благоговейно хранить в своей памяти эти самые благоуханные, самые нежные, самые драгоценные образы наших старых битв и понесем их с собой в грядущие битвы, к грядущим победам!

ПОДРОСТКИ НА СУДЕ

Состоялся суд над участниками таганрогской демонстрации. В числе подсудимых: Миндин—17-и лет, Боровков—16-и лет. Миндин 15-и лет впервые был арестован, как политически неблагонадежный, и заключен в одиночной камере. Вторично арестован за участие в демонстрации. Сидя в заключении, кричал: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» и пел революционные песни.

„Искра“ № 48, 1903 г.

В екатеринославском процессе подсудимый Кошкен (17-и лет) обнаружил большие ораторские способности. Своей речью произвел сильное впечатление. Кошкен заявил на суде, что он участвовал сознательно в демонстрации. «Голод, угнетение капитализма, несправие, все следствия самодержавного строя я уже испытал на себе, несмотря на мои 17 лет. Я понял, что в борьбе с эксплуатацией и несправием единоличные усилия не могут привести ни к чему, что необходимо соединиться и бороться солидарно».

„Искра“ № 80, 1904 г.

ДМ. СВЕРЧКОВ

ПОДРОСТОК НА СУДЕ ¹

Царское самодержавие прилагало все усилия, чтобы показать воочию, что рабочие сами по себе являются политически совершенно неразвитыми людьми и не понимают тех программ и требований, которые от их имени провозглашали интеллигенты. Для этого председатель суда Крашенинников неоднократно задавал свидетелям-рабочим те или иные вопросы программного характера, но всегда получал на них, к своему неудовольствию, удовлетворительные ответы. Однако он не оставлял своих попыток и решил доказать правильность своего убеждения в полной мере на каком-либо из наших свидетелей-рабочих. Для этой цели он выбрал молодого рабочего-металлиста, лет 16-и, не зная почему попавшего в число свидетелей.

Парень держался на суде совершенно свободно и толково отвечал на задаваемые ему прокурором и защитой вопросы о событиях конца 1905 г. По окончании вопросов сторон председатель суда Крашенинников задержал этого свидетеля и начал спрашивать его, что такое Учредительное собрание, зачем оно нужно рабочим, что такое политические партии, какая разница между социал-демократами и социалистами-революционерами и т. д. и т. д. Мы

сначала с некоторым опасением смотрели на подвергнутого экзамену товарища вследствие его молодости, но быстро успокоились, а потом пришли в совершеннейший восторг: подвергнутый трудному экзамену товарищ отвечал по каждому вопросу на пять с плюсом, и настроение Крашенинникова все больше и больше понижалось по мере того, как он видел, что его попытка превращается в его собственное решительное поражение. Крашенинников ерзал на кресле и морщился (в таких случаях у него всегда, как нам сказали впоследствии, разбалчивалась печень) и к окончанию допроса сделался совсем больным.

Мы ликовали и готовы были аплодировать молодому товарищу, так блестяще доказавшему сознательность рабочего класса.

¹ Процесс Совета Рабочих Депутатов Петербурга в сентябре 1906 г. Совет Рабочих Депутатов возник по инициативе Петербургской организации РС-ДРП во время разгара революции. Первое заседание состоялось 13 октября 1905 г. Был ликвидирован 3 декабря того же года, когда арестован был почти весь состав Совета.

П. К.

„БУДУЩНОСТЬ“

1. ЮБИЛЕЙ

Долго готовились мы к юбилею нашего первого кружка. Этот юбилей мы хотели использовать для более близкого сплочения всех активных работников нашей организации, и потому комиссия по организации юбилея тщательно выработала программу и принимала все меры к тому, чтобы технически обставить юбилей возможно лучше. Главным препятствием было отсутствие квартир. И лишь в последнюю минуту комната была найдена. Ее предоставила член организации портниха Р., квартирная хозяйка которой за известное вознаграждение согласилась уйти на тот вечер из дома.

Придя в ставший потом памятный многим день 4-го марта в квартиру по Грибной улице, № 14, я быстрым

¹ „Будущность“ возникла в 1909—1910 гг. в Польше. Это старейший союз Молодежи в Польше и России. Со времени своего возникновения союз этот прошел разные стадии развития. Одно время он примыкал к левому крылу польского социалистического движения, объединяя в своих рядах польскую и еврейскую молодежь. К этому-то периоду и относятся печатаемые воспоминания. В это время „Будущность“ была активной революционной организацией, но после того как Польша была военными событиями отторгнута от России, „Будущность“ примкнула к националистическому „Бунду“.

После войны „Будущность“ начинает леветь. Внутри организации создается крепкое революционное крыло, которое, после отклонения „Будущностью“ условий принятия в КИМ, откололось и вошло в подпольский Комсомол. Сейчас „Будущность“, после этого выхода, влечет жалкое существование.

взглядом обвел улицу, соображая все удобства и неудобства ее. Оставив товарища в комнате, я вышел через двор на улицу и долгим взглядом осмотрел ее. Никого и ничего подозрительного. И сейчас, после 9-летнего промежутка, я утверждаю, что варшавская охранка утром в воскресенье, 4 марта 1912 г., ничего не знала о месте предполагаемого юбилея с.-д. организации молодежи „Будущность“.

На юбилей были приглашены полностью кружок «Веритас», делегаты остальных девяти кружков, члены комитета и другие близко стоящие к организации—всего до 40 человек. Вечером, вместе с тов. Кантором, мы осторожно пробирались через улицу, направляясь на Грибную. Еще раз остановился я у ворот и осмотрел всю улицу. Никакого наблюдения. Товарищи все прибывали. Становилось тесно в небольшой комнате.

Наконец празднование юбилея началось. Горячие речи, полные юношеского задора и энтузиазма: подсчет работы, роста кружков, роста влияния среди рабочих и рабочей молодежи, безграничная преданность работе членов организаций.

Годы черной реакции. Партии разбиты, охранка в полном могуществе, и лишь «Будущность» выпускает дерзко листки, ведет агитационно-пропагандистскую работу.

Слабо долетали слухи об оживлении рабочего движения; с трепетом, радостно покупалась «Звезда».

9-е января. Годовщина расстрела рабочих. Как же можно молчать, как можно не отметить это событие? А факт был тот, что ни одна организация не выпускала листов. И «Будущность» отпечатала воззвание. В центре города, в легальной типографии, группа молодежи ночью печатала листки, и на следующий день рабочая Варшава читала и вспоминала 9-е января 1905 года...

О многом еще вспоминалось в речах юных ораторов. Потом читались стихи, полные горячих призывов к борьбе...

Небольшой перерыв.

Еще раньше какое-то беспокойство овладело мной. Казалось, не слишком ли шумно, не обратят ли жители со двора внимание. В это время шум в соседней комнате привлек мое внимание. Оказалось, что приходил дворник и о чем-то говорил. По поводу его прихода спорили това-

рищи II. и III. На мой вопрос, что говорил дворник, мне почему-то успокоительно ответили, что ничего особенного, что он искал квартирную хозяйку для вручения какой-то повестки.

Тов. III. предложил было разойтись, но я возражал. Согласились мы только сейчас продолжать празднование и окончить его возможно скорее. Один из товарищей послал тогда вслед за дворником товарища Ф. (комнатную хозяйку) с предложением денег для его успокоения. Ф. в воротах дома заметила, как группа в три человека, запыхавшись, вбежала в дом и направилась в квартиру, где праздновала «Будущность» свой юбилей. Тов. Ф. избегла поэтому тогда ареста. Все это произошло в течение 5—10-и минут. Когда мы решили продолжать празднование, председатель собрания начал усиленно призывать к порядку, и в ту минуту, когда воцарилась тишина, из соседней комнаты выглянул штатский брюнет с каким-то хищным лицом.

II. АРЕСТ

«Кто это,—промелькнуло в мозгу,—посторонний?»

Но в ту же минуту я заметил другую фигуру, с блестящими пуговицами. «Все пропало», — прорезало мозг необычайно отчетливо. Я понял, что провал, полный, страшный... Лишь несколько товарищей знали, что у некоторых присутствующих есть при себе и дома партийная литература, архив, печати и т. п.

Брюнет шагнул вперед и крикнул:

«Председатель, стойте, как стояли, а все ни с места»... Председатель смешался со всеми, так что охранники никак не могли его найти. Сыщики взволновались. Они кидались от одного к другому, а в это время мы все рвали и уничтожали бумаги.

На моей квартире хранился архив организации, много литературы и партийных документов. Больно было, что все пропадет. Еще хуже было то, что никто почти из товарищей не знал адреса моего, и ничто, казалось, не могло спасти драгоценные документы. В отчаянии я решился на опасный шаг. Я шопотом передал стоящим возле товарищам адрес и указал все значение провала. Я просил передать всем присутствующим в комнате. Через

несколько минут комната заполнилась шопотом адреса. У всех на уме был адрес, все твердили его. Только охранники ничего не слышали.

Случилось невероятное. Когда, после обыска, первую группу арестованных вывели на улицу, тов. Кантор крикнул случайно встретившемуся члену организации адрес, и тот, не раздумывая, сейчас же зашагал по адресу. На квартире он застал мою сестру и сообщил, что арестован кто-то. Кто именно, он не знал, так как со мной он не был знаком и ему не передали ничего, кроме адреса. Сестра, конечно, догадалась и немедленно вручила ему драгоценные пакеты, с которыми он поспешил скрыться. Таким образом спасены были ценные документы организации.

Охранке все-таки попала хорошая добыча: список присутствующих с краткой статистикой числа делегатов, членов комитета,—все это уже давало им материал для суда. На полу была найдена заграничная литература, которую повыворачивали из карманов. После ее уже приписали кому попало. Процедура тщательного обыска заняла часа два.

Наконец обыск кончился. Всех переписали подробно, тщательно подобрали все бумаги с пола, и группами, под усиленным конвоем полиции, нас вывели на улицу. Был десятый час вечера, и на улице собралось довольно много любопытных. Еще тов. Л. удалось крикнуть незнакомому свой адрес, и тот, как потом мы узнали, пошел по адресу и сообщил про арест Л. В течение двухлетнего затем пребывания в варшавской следственной тюрьме я из расспросов многих политических арестованных выяснил, что больше уже арестованных на собраниях не выводили на улицу во время уличного движения, а только поздней ночью. Также охранка зарубила себе на носу, что нужно оставлять засаду в квартире, где произведен арест, ибо, к великой их досаде, при нашем аресте они это забыли.

Еще одна подробность, и я покончу с квартирой по Грибной улице: полицейские почему-то принесли с собой длинные веревки, предполагая, что нас свяжут. Очевидно, присутствовавший на обыске помощник начальника варшавского охранного отделения счел это неудобным, и нас не связали. Плотная стена городских окружила нас, и мы зашагали к ближайшему участку... Мель-

кали мысли о побеге, но слишком зорко следила стража, и пришлось примириться.

В бодром и приподнятом настроении прибыли мы в участок. Всего были арестованы 31 член организации, среди них 10 женщин. В участке мы отказались подписать протокол, в котором говорилось, что «арестовано собрание». Мы все утверждали, что были на вечеринке, приглашенные тов. Ф. (комнатной хозяйкой). Ночью в двух арестантских каретах нас перевезли в помещение охранного отделения. Всю дорогу мы пели революционные песни, и настроение почти у всех стало твердое. В охране мы посоветовались и согласились, что лучше всего всем сообща твердить, что мы были на вечеринке. Этим путем мы предотвращали возможность каких-либо недоразумений при допросах. Улики против некоторых были явные, но все-таки и они отрицали все и вся. Много позже, просматривая дело «Будущности», я с удовольствием читал показания допрашиваемых товарищей. Никаких вредных кому-либо показаний, никаких признаний, — и все потому, что мы все отрицали, и ловким охранникам трудно было нас спутать. Еще ночью некоторых вызывали на допрос, грозили сослать в Сибирь, уговаривали сознаться, поступить в охранку, но все было тщетно. И это бесило врагов. Ведь самому старшему из нас был 21 год, а младшему — 17. Злило их еще и то, что мы праздновали трехлетний юбилей первого кружка молодежи «Веритас», и один из них воскликнул:

«Чтобы варшавская охранка не могла в течение трех лет открыть вас! За это вы посидите»...

И посидели мы порядочно...

III. КРЕПОСТЬ

После допроса двадцать человек отправили на следующий день в знаменитый 10-й павильон варшавской крепости. Женщин и остальных арестованных (кроме 31 человека, было арестовано на квартирах случайно несколько посторонних) через неделю перевели в следственную тюрьму.

Уже темнело, когда нас привели в крепость. По дороге мы, несмотря на угрозы конвоя, пели песни. Настроение было все то же — бодрое. Этому помогало то, что все были

вместе. Но вот начали вызывать по списку. Вызываемый уходил с двумя солдатами и не возвращался. Перед тем как вызвали меня, я пожал всем руку. После тщательного обыска с унижительным раздеванием повели меня по длинному коридору. Шествие открывал жандарм, за ним шел солдат с винтовкой, затем следовал я, а позади опять солдат с винтовкой.

Длинные коридоры, ряд камер с «глазками», могильная тишина, газовые рожки и стоящие на постах жандармы — все это создавало тяжелое впечатление.

С грохотом открылась дверь, и я очутился в просторной камере. Через некоторое время принесли лампу, тюфяк, и я с удовольствием увидел, что есть и кровать.

Но вот опять шаги и бряцанье в коридоре, и ко мне вводят тов. Волянского. Как-то веселее стало. Все-таки не один. Есть с кем слово сказать. Захлопнулась дверь... Итак, прощай, свобода!

На второй день принесли нам несколько книг, и мы усиленно начали читать. Самое ужасное в режиме павильона — это могильная тишина. Ничего не слышишь и никого не видишь. Все внимание, весь ум и мозг уходили на то, чтобы разбудить эту оторванность от людей. На стенах, на потолке, в книгах — всюду были надписи. Я тщательно начал их искать, особенно в книгах, где можно было вычитать по поставленным под буквами точкам много людских историй, историй суда, каторги, виселицы. Ужасом веяло от некоторых надписей.

«Я приговорен к смертной казни за убийство полицей-мейстера в Полоцке».

И ниже другая надпись, другим почерком:

«Повешен. Да чтится имя его».

«10 анархистов осуждены к смертной казни».

«5 человек — к веревке».

«Вернер повешен».

«Смертная казнь заменена бессрочной каторгой».

«К смертной казни осужден я за принадлежность к анархистам-коммунистам, а я ведь «бундовец».

«Вильтосинский осужден на каторгу».

«Гаевский — 15 лет каторги».

«Рыбак на каторгу».

«Овчарок на каторгу».

Каторга, каторга, каторга... Очевидно, из этих камер была только дорога на виселицу или на каторгу. Лампы мы получали каждый вечер, и на ней были надписи: «осужден на каторгу».

К обеду выдавали ложки, и на них мастерски было вырезано ужасное слово «каторга». Редко когда встречалось слово «ссылка на поселение».

В книгах же и на стенках я нашел тюремную азбуку для перестукивания и, не долго думая, я начал стучать в стенку направо и в стенку налево.

Два дня ничего не выходило. Сосед слева не отвечал, а сосед справа хотя и отвечал, но я ничего не мог разобрать. Только на третий день я разобрал первое слово соседа. Это была его фамилия. Бурная радость овладела мною. Стена разбита, стена заговорила. Пробовал я в уборной оставлять записки, но жандармы каждый раз тщательно искали, а потом грозили лишением прогулки. Стук они также преследовали, но все, не сговариваясь, условились стучать лишь в то время, когда на коридоре подымался какой-либо шум. Обычно это бывало во время обеда. По коридору была проложена дорожка, так что не было слышно шагов, но все находящиеся на этом коридоре, не сговариваясь, ходили не по дорожке. И по шагам, по громкому чиханью, по громко задаваемым вопросам мы ловили знакомые голоса и узнавали, кто из товарищей находится на нашем коридоре. На прогулке мы гуляли под охраной двух солдат и жандарма от стенки к забору. Продолжалась она всего 15 минут, и недостаток в свежем воздухе ощущался остро. В таком однообразии прошло несколько дней.

Однажды открывается дверь камеры, и жандарм вызывает мою фамилию: «на свидание». Я поспешил последовать за ним. Ко мне пришла сестра и между пустым разговором, который велся в присутствии жандарма, успела шепнуть мне, что ничего не нашли дома. Я не верил своим ушам, и бурная радость овладела мною. В тот же день мой сосед простучал, что освободили десять человек и нас собираются перевести в арестный дом, в так называемую тогда в Варшаве «гостиницу Бристоль». Действительно, через несколько дней нас вызвали в контору, и все мы, радостные, возбужденные, жали друг другу руки и делились впечатлениями. Надели нам

попарно на руки «железки», и сели мы в карету, окруженные многочисленной стражей. Покидая крепость, я чувствовал какое-то облегчение, ибо она помещалась в низине. Покидая ее, я выходил как будто на гору вверх...

IV. „ГОСТИНИЦА БРИСТОЛЬ“

После тщательной дезинфекции вещей и после бани очутились мы все в обширной камере «Бристоля». Широкие лестницы, чистота производили совсем не тюремное впечатление. И лишь новые жалюзи у окон, дающие возможность видеть только небо, напоминали про золотую клетку. Всего нас оказалось в камере 18 человек, среди них брат К., взятый с библиотекой организации. Из женщин осталось только четыре, которые помещались ниже, во втором этаже. Остальных арестованных вечером 4-го марта освободили. Шумно проводили мы время в общей камере. Подробные рассказы о работе в организации, впечатления ареста, впечатления цитадели—все это заполняло время.

Рядом с нашей камерой помещалась группа учащихся, арестованных 9-го марта за принадлежность к «Союзу социалистической молодежи». Выше этажом помещались бундовцы. Всем почему-то казалось, что нас скоро освободят. «Посидите немного, скоро вас выпустят»,—говорили старики. Но оказались свободными скорее они, а нас, по предъявлении обвинения, перевели в варшавскую следственную тюрьму.

В «Бристоль» жилось нам довольно хорошо. Присылали нам много продуктов, обеды, так что от казенных харчей мы отказывались. Настроение было бодрое, твердое. С юношеским задором распевали мы на всю тюрьму «Красное Знамя», несмотря на угрозы надзирателей. В общей камере время проходило быстро, незаметно. Беззаботное существование скоро однако прекратилось. 9-го апреля приехал к нам жандармский ротмистр Стоша-Жукевич и вызвал 6 человек на допрос. (Стоша потом и вел дело «Будущности»).

После подробнейших расспросов, после повторного отрицания в принадлежности—нам предъявили обвинение «в принадлежности к сообществу, стремящемуся к ниспровержению существующего государственного

строю». 10-го апреля начали вызывать на допрос остальных товарищей. При допросах присутствовало еще новое лицо—тов. прокурора Попов, который самыми разнообразными вопросами старался сбить с толку молодежь. Его возмущало упорство в отрицании; он был недоволен тем, что все держат себя свободно и не чувствуют почти тюрьмы. 10-го же апреля нас, 6 человек, допрошенных накануне, отправили в следственную тюрьму и разлучили с остальными. Одновременно были допрошены и товарищи по делу «Союза социалистической молодежи». Им было предъявлено обвинение: «ниспровержение строя общественного», по I ч., 126 ст. уг. ул. Несколько дней спустя я узнал, что все остальные товарищи по делу «Будущности», по делу «Союза социалистической молодежи» переведены также в следственную тюрьму.

В неблагоприятное время попали мы в тюрьму. Режим был установлен строгий. Политических было очень мало. Это был один из последних годов реакции, и, конечно, это отражалось и на тюрьме. Положение наше, восемнадцати юношей, впервые попавших в обстановку строго тюремного режима, без встречи какого-либо сочувствия, без поддержки тюремного коллектива, без намека на политические традиции,—положение наше было довольно тяжелое. Из него мы вышли все-таки с честью.

На второй день нашего прибытия нас разместили с уголовными. Это подействовало на нас угнетающе. Мне лично попался довольно сносный субъект, который обвинялся в убийстве своей невесты. Но остальным товарищам попались довольно-таки неприятные типы, и это усугубляло тяжесть тюрьмы.

V. ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Понемногу мы втянулись в тюремную жизнь. Первые дни я не мог уснуть от холода. Спать приходилось на полотнище («легимате») и укрываться легким одеялом. До сегодняшнего дня я не могу забыть состояние человека, страшно желающего спать и которому мешает заснуть холод. Это своего рода пытка. Оказалось, что мне, как «новичку», не давали одеяла. Еще через несколько дней я получил тюфяк и смог наконец отсыпаться вволю. Пища была такая, что с непривычки мы не могли ее есть

и буквально голодали. Да. Настроение наше немного упало... Но не надолго. Тесная, мрачная одиночка, унылый, темный коридор, уголовная брань и неизвестность, что ждет тебя,—это действовало на психику. Но ведь, повторяю, мы были так молоды. Мы были полны жизни, мы еще дышали волей, ее интересами, вопросами, событиями. Мы никак не могли примириться с тем, что солнце вдруг прекратило светить для нас, что мы без свободы, без воли, что люди ввергли нас в грязную клетку, мрачную, душную и без просвета... Итак, только на короткое время было уныние. Скоро оно прошло. Мы окрепли, мы возмужали потом в тюрьме. И тюрьма закалила нас, воспитала нас, и тюрьма подготовила для будущего стойких борцов за рабочее дело.

Три раза в неделю были «передачи» и свидания, и в эти дни мы жили особенно лихорадочной жизнью. Мы получали письма, иногда газеты. Уж через две недели пребывания в следственной тюрьме я постиг тайну пересылки и получения корреспонденции с воли. Смазывая салом тонкую бумагу, можно было после просушки писать на неолышней бумажке очень много. Затем бумажку я мнял, складывал в маленький, продолговатый пакетик и зашивал в сорочку или мешок, которые и передавал на волю. Этот способ пересылки я затем с успехом практиковал в течение двух лет и ни разу почти не провалился. Получаемый с воли хлеб обыкновенно разрезывался при осмотре. Тогда некоторые товарищи с воли пустились на следующую хитрость: они предварительно разрезывали хлеб на несколько частей, будто для нашего удобства, так как ножей в тюрьме нет (редко, впрочем, у кого в камере не было нелегального ножа). Затем из крайней части хлеба вынимали мякиш и клали туда записки, деньги. Потом все это опять заклеивалось мякишом и передавалось нам. Этот способ был более рискованным, но все-таки в течение двух лет я регулярно получал почту. Присылали нам и партийную литературу, воззвания. За редким исключением провалов почти не было. Провал произошел однажды по нашей вине, не при получении почты. Накануне 1-го мая, по просьбе товарищей с воли, мы выслали проекты майского воззвания. Через несколько дней мы получили с воли экземпляр отпечатанного листка «Будущности» на 1-е мая и после прочтения

отправили в другие отделения. Листок с подробным письмом был положен в книгу, которая поступала в библиотеку и из которой послания наши уже доходили по назначению. По странной случайности книга попалась надзирателю, который отличался строгостью, и в результате воззвание попало к начальнику. Поднялся переполох, начались обыски по камерам, были прекращены на время передачи и свидания. Настроение было у нас тогда ужасное. Мы давали в руки следствия ясные улики и подвергали риску близких, оставшихся на воле. Со дня на день мы ждали результатов провала, но дни проходили, и мы терялись в догадках, почему никто не приезжает. Так ничего и не случилось. Очевидно, начальник испугался ответственности за порядки в тюрьме, когда воззвания путешествуют по коридорам, и уничтожил все попавшее к нему в руки.

А. РЫМКЕВИЧ

ИЗ МИНУВШИХ ДНЕЙ

Это было в 1910 г. Я тогда был еще юношей, учился наборному делу в одной из крупных типографий Петербурга. В типографии была автономная комиссия, рабочим жилось легче, нежели в других типографиях. В ней происходили частенько забастовки, устраивались летучие собрания и т. п. Расставят бывало мальчишек, которые побойче да постарше, а их было тогда около 40 человек, на караул до самой полицейской части, а в типографии в это время идет общее собрание рабочих. Мы, преисполненные сознания своего долга, зорко следили, чтобы не проехали конные городовые или не показалась на нашей территории серая шинель околоточного или пристава. Чуть что завидим подозрительное, сейчас сигнализируем друг другу условными знаками, и караульные у типографии уже сообщают собранию. Оттуда высылают кого-либо из членов автономной комиссии, и если тот видит, что действительно собранию грозит опасность, немедленно прекращает собрание, и рабочие расходятся по местам.

Однажды, во время одного из таких собраний, в конторе совершенно случайно задержался околоточный и, узнав о собрании, прошел коридором в типографию и начал подниматься на подъемной машине на четвертый этаж, где происходило собрание. Я стоял караульным в первом этаже, почему и не видел, как прошел с заднего хода околоточный, в виду чего и не мог, понятно, предупредить и своего приятеля Егорку, стоявшего на четвер-

том этаже. Тот, завидя на под'емке физиономию околоточного, бросился бежать в наборную с криком «околоточный!», а сам спрятался под реал. Собрание сразу же начало расходиться. Околоточный разыскал Егорку, вытащил его за уши из-за реала и надрал ему уши. В заключение еще попало бедняге и от заведующего типографией, с предупреждением, что если он еще будет замечен стоящим на карауле, то его выгонят вон. Но тот не унывал и ходил козырем, гордясь перед сверстниками своим подвигом. В таких условиях воспитывались и росли ученики этой типографии.

Снабжали нас рабочие типографии нелегальной литературой, читали мы ее дома и в кругу своей семьи и рабочих-жильцов квартиры с большим интересом. В особенности нравились брошюры с описанием террористических актов.

Когда я окончил учение в типографии, меня потянуло на вечерние курсы. Но поступить на бесплатные некуда было, а за плату было не по карману. Но тут, на счастье, открылось Нарвское общество «Образование». Преследовала школа официально общеобразовательную цель. Открылись вечерние классы с программой на сельского учителя. Я сразу же поступил на них. Познакомился с молодежью, у которой тоже было стремление к образованию. С течением времени составилась тесная группа рабочей молодежи. Мы устраивали экскурсии, вечеринки, читали нелегальные брошюры.

В обществе начались лекции. Из всех лекций понравилась нам одна—лекция студента тов. «Александра» о русской истории. Читал он просто, ясно, захватывая. Говорил о крепостном праве, о том бесправии, которое чинили цари и их опричники над рабочими и крестьянами, о суеверии народа, о «святых», о мучениках, убиравших царей, о придворных интригах и т. п. Лекции читались под фирмой одного «утвержденного» преподавателя русской истории, который сидел тут же и слушал сам тов. «Александра».

Двери аудитории были на крюку. Свои стучали условными знаками. Если стук был незнакомый, то тов. «Александр» «смывался» в соседнюю комнату, а лекцию продолжал читать «утвержденный» педагог. И появление однажды околоточного ничуть не смутило ни нас, ни

педагога, который водил по карте пальцем, а мы записывали в тетрадь о подвигах и битвах русских царей и т. п. Просмотрело «начальство» наши тетради, послушало педагога и ушло. А мы дальше с такою же жадностью ловили каждое слово тов. «Александра». Позже наш лектор был арестован.

В наш кружок молодежи, в общество, скоро вошел старый подпольный партийный работник, рабочий фабрики «Треугольник»—тов. Прокофьев. И для нас открылась новая деятельность, новая цель жизни.

Тов. Прокофьев работал в рядах партии с.-д. и сразу же начал обработку нас. Устраивал на квартирах собеседования, разбирал программу партии и т. д.

Закипела работа.

Кроме самообработки, начали устраивать массовки путиловских рабочих через путиловца, члена кружка, тов. Ареньева. Собирались мы в лесу, на лодках выезжали на взморье, всячески стараясь обмануть бдительность «шпиков» и «фараонов». Многие из кружка работали в своих профсоюзах как легальных, так и нелегальных.

Не обошлось дело и без провокаторов—обычное в то время явление,—и начались аресты членов кружков.

В 1911 г. общество «Образование» переехало на Рижский проспект, в дом № 60, в более обширное помещение. Кружок наш пополнялся новыми лицами и превратился в организацию РС.-ДРП.

Через некоторое время (в 1911 г., в декабре) был арестован А. М. Рымкевич за участие в организации и работе подпольного петербургского профессионального союза печатников вместе с другими печатниками: секретарем союза А. Тэнсом, председателем союза А. Мининим и др. Все трое были высланы с 54 «пунктами», и вместо Нарвы, куда дали подписку о выезде, переехали в Шувалово (Финл. ж. д.)¹. Переехали к местному уряднику, но такое соседство вскоре показалось неудобным, и мы решили раз'ехаться по разным квартирам и продолжать партработу дальше. В это время наш с.-д.

¹ Те местности, в которых запрещалось жить находящимся под надзором полиции революционерам.

кружок наладил связь с заводами: резиновой мануфактуры «Треугольник», Путиловским, пивоваренным Калинин, Кока Бирман и другими. На них были люди, которые распространяли прокламации и брошюры.

Мы начали готовиться к перевыборам в четвертую государственную думу. Приступили к образованию своей подпольной типографии. Достали шрифт, бумагу, валики, краску и пр.

Собрания наши происходили по чайным, квартирам и т. п.

В ночь с 13-го на 14-е сентября 1912 г. собрались мы в чайной «Китай» (на Садовой ул.) поговорить о предстоящей работе. Вышли из чайной после закрытия ее, около часа ночи (автора этих строк среди вышедших не было), пошли компанией домой. Подходят к дому одного из товарищей (тов. Соловьева), смотрят, а у ворот стоит городской. Чуют товарищи, что здесь что-то неладное,—пошли дальше, по направлению к квартире другого товарища, а там тоже городской. У кого не хранилось ничего особенного дома, те распрощались и пошли домой, ибо все из нас ждали обыска и ареста. Остались тт. Реймер и Соловьев. У последнего хранился шрифт. Решили ночь проболтаться на улицах, утром встретить, когда все пойдут на работу, сестру Соловьева, чтобы узнать, как дела.

Встретили. Оказывается, шрифт успели спрятать, и его не нашли. Дома была полицейская засада. Но матери сказали, что если сын не явится, то пойдут и арестуют ее. Думал-думал парень, жаль стало старуху, да и скучно: весь кружок оказался в одну ночь арестованным. Взял и пошел домой. Понятно, сразу же его спалили.

Реймер же поехал на родину в Везенберг призываться на военную службу. Его там вызвали в воинское присутствие и в заключение арестовали и препроводили в Петербург.

Всего было арестовано по нашему кружку около семнадцати человек.

Я в этот день ареста товарищей задержался в союзе печатников, опоздал на поезд в Шувалово и решил заночевать на старом пепелище—у матушки. Ночевал я дома частенько, и каждый раз думал в душе: «Ну, сегодня последний раз, а то, неровен час, нагрянет фараон-

щина¹, тогда и отцу достанется за укрывательство» (у моего отца была семья в шесть человек). Пришел я к отцу поздно, около двух часов ночи. Дверь открыла мне матушка. Потихоньку разделся и лег в комнате у дверей на полу. Сразу заснул... Вдруг слышу, кто-то толкает ногой в спину, открываю глаза, смотрю, стоит надо мной мать и грозит кулаками, отец зажигает лампу.

В коридоре слышу знакомый голос пристава: «Давай сюда скорее лампу». Отец вышел в коридор с лампой. Мать, таинственно нагнувшись, шепнула мне: «полиция». Я сразу все сообразил. Об аресте товарищей я, понятно, ничего не знал. Не успел я очухаться, как мать начала закидывать меня грязным бельем. Я свернулся под ним калачиком и подчинился судьбе. Нужно сказать, что белье находилось тут же в комнате, где я спал, приготовленное для стирки. Лежу и дышать боюсь, думаю, заметят по колебанию белья,—беда тогда, о себе не хлопочу, приготовился к аресту уже давно, да и не впервые, а вот семью у отца загубят.

В душе ругаю себя, зачем пошел ночевать домой, лучше бы на улице проболтался.

Пристав, предварительно избив старшего дворника нашего дома за то, что тот заговорил на лестнице с городовым, чем выявил присутствие полиции, вошел с целой ватагой в комнату и приступил к обыску. Пристав с помощником и околоточным производили обыск, один городской помогал, двое стояли у дверей, а двое понятых были немymi свидетелями всей сцены.

Обыск продолжался около 4 часов, ничего предсудительного, кроме частных писем, найдено не было. Литература была спрятана в дымоходе, а адреса были заткнуты за косяк дверей, будучи написанными на миниатюрной бумажке.

Во время обыска пристав требовал у отца указать, где спрятан у него сын, где находится литература, переписка и т. п. Отец, не зная о моем приходе, был уверен, что меня в квартире нет, а посему клялся всеми святыми, что я здесь никогда не ночую, и за то, что меня в квартире нет, он ручается. Осмотрели соседние комнаты, где жили жильцы, подняли их с кровати, сличили по кар-

¹ «Фараон» — презрительная кличка городского.

точке — «нет, не он, эти слишком бородатые, лет под 40—45, а тот юноша». Искали меня в шкафу, уборной, под кроватями—нигде нет. А шпик в это время сидел в дворницкой и, узнав о результатах обыска, настаивал, чтобы обыскали тщательнее, ибо он проследил меня до самой парадной и слышал, как мне открыли дверь квартиры в четвертом этаже.

Тогда пошли искать меня по всем квартирам этой лестницы, сходили на чердак,—нет нигде меня.

Так и ушли ни с чем.

Сразу же после ухода полиции я вылез из-под белья. Отец испугался, увидев меня всклокоченного, в одном белье, вылезающего из-под кучи грязного белья. Начал креститься и благодарить какого-то святого за избавление.

ЗАБАСТОВКА НА ФАБРИКЕ „НЕВКА“

10 января был наложен штраф 9 работницам-девочкам за то, что у одной была нитка на плече от ровницы, у другой была карчетка на спине, затем у кого найдена шпуля браку—всем по 25 коп. штрафу. Одна девочка была отпущена по болезни, и той поставили 30 коп. штрафу: значит нельзя быть больной. Девочки-работницы возмутились и, обсудив, решили забастовать с обеда 10-го числа. 11-го января и остальные отделения ватеров примкнули к ним и просили снять бумажные патроны цевки, а также штрафы, которые были наложены на работниц-девочек. В этом этаже работают все девочки, лет по 15-и. Рабочие ходили на переговоры к управляющему. Он им сказал: «Если не приступите к работе, то уходите с фабрики вон, а то полиция сочтет незаконным собранием и попросит вас удалиться». Работницы решили не уходить с фабрики. Тогда управляющий фабрикой Джерард пригласил полицию, но почему-то она не явилась. В 10 часов рогулечники оставили свои машины и примкнули к ватерщикам. После обеда на фабрику никто не был допущен, а кто остался обедать на фабрике, тех выгнали с помощью дворников и закрыли ворота. Но все-таки работали ватерные подмастерья и мастера-слесари.

„Правда“ № 10 (214), воскресенье, 13 января 1913 г. „Стачки“, стр. 3.

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ НА БРЯНСКОМ ЗАВОДЕ

У мальчиков, работающих в мостовом цехе, ничтожная заработная плата (35 коп. в день) и сверхурочные работы. Весь день работают под открытым небом, несмотря на мороз. Все это заставило мальчиков подумать, как помочь своему горю. 17-го января малыши, то тут, то там собираясь группами, обсуждали свое положение. Администрация приняла меры. Мальчикам не давали собираться толпой. Но маленькие пролетарии не боялись никаких угроз. На следующий день, придя в завод, все в один голос порешили не приступать к работам, пока начальник не даст прибавку в размере 15 коп. (вместо 35—50). Десятник Наконечный пригласил городского, чтобы более стойких вывести, а остальных заставить работать. Но этот опыт не удался: за выведенными товарищами ушли и все остальные. Это им стоило больших усилий, так как нужно было прорвать цепь сторожей, которым было приказано не выпускать мальчиков. Мальчики, пробастовав полдня, вышли на работу. Четырех из них рассчитали. Остальных предполагается постепенно заменить другими; всех их бастовало около 60 чел. Волнение мальчиков для рабочих Брянского завода—первая искра; горючего материала накопилось слишком много.

„Правда“ № 23 (227), вторник 29 января 1913 г. „Екатеринослав. Брянский завод“, стр. 4)

ЛИСТОК ПРИЧТА СВ.-ТРОИЦКОГО СОБОРА

Хозяева разных предприятий получают и читают ученикам для назидания такой листок «Слышатся повсеместные жалобы на одичание подростков!.. Грубость и пьянство, курение, картежная игра, воровство, ложь и т. п. Пороки все более и более заражают наших подростков. Мы все страдаем от этого одичания, но более всего страдают и терпят от него хозяева торговых и ремесленных предприятий: ведь грубые, нечестные, лживые, порочные мальчики и девочки—плохие ученики и ученицы. Причт Св.-Троицкого собора, зная все это, и решил прийти на помощь хозяевам торговых и ремесленных предприятий. Мы идем на помощь хозяевам прежде всего во исполнение лежащей на них религиозно-нравственной великой обязанности: ведь хозяева, взявшие мальчика или девочку в обучение, заменяют им отцов, хозяйки—матерей. Мы идем на помощь хозяевам в их трудном, но важном для житейского благополучия деле: ведь худые, ленивые, нечестные, лживые, прубые ученики и ученицы затрудняют работу, наносят ущерб труду; хорошие ученики и ученицы облегчают работу, поднимают в достоинстве и цене труд. Чтобы обсудить это важное дело, мы приглашаем хозяев торговых и ремесленных предприятий на собрание». Однако было бы не худо, если бы к этому причт внушил хозяевам поменьше изнуять работой и лучше содержать учеников и учениц да не прикладывать к ним «отеческих» рук. Это и причту зачлось бы во благо.

„Правда“ № 20 (234), пятница, 15 января 1913 г. „На фабриках и заводах“, стр. 4.

ИЗ РЕЧИ ПУРИШКЕВИЧА ¹

...Передо мной «Заря Поволжья», издание не подпольное, № 9, Самара, 15 марта 1914 года. Характерна, например, последняя страница этого журнала. Вот корреспонденция из Сызрани:

«Урвавши минутку свободы, мы, магазинные мальчишки, собрались прочитать «Зарю Поволжья» и видим, что она проливает свет на нашу жизнь и дает надежду в будущем иметь свободу и нормальный восьми-часовой рабочий день»... «Мы радуемся этому хорошему началу и надеемся, что на это общее дело откликнутся во всех странах и оценят трудную задачу. При сем прилагаем свою посильную помощь—1 рубль».

Четверо мальчишек разных магазинов города Сызрани». Это 12-летние сопляки (смех) пишут подобные вещи.

¹ Из речи Пуришкевича 2 мая 1914 года в 72 заседании 4-й Государственной Думы. (Стенограф. отчеты 4-й Государственной Думы. Сессия вторая, часть III, стр. 1616—17).

СООБЩЕНИЯ ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Во время стачечного движения в Петербурге перед империалистической войной, в 1914 г., охранка в своих осведомительных записках за июль месяц отмечает следующее:

«Воинственное настроение отмечается лишь у зеленой молодежи, которая высказывается, что хорошо было бы завтра учинить демонстрацию, чтобы президент французской республики видел, какие свободы введены в России и как правительство расправляется с рабочими».

В шифрованной телеграмме на имя генерала Джунковского сообщается, что в ночь на 13-е июля в просветительном обществе «Наука и жизнь» группой партийной молодежи, упорно пытавшейся продолжать беспорядки, было назначено совещание с представителями от рабочих. Это неразрешенное собрание в числе 123 человек было переписано, а 29 человек арестованы. Рабочая молодежь также участвует в демонстрациях, постройке баррикад и в столкновениях с полицией. В донесении охранки от 10-го июля сообщается, что часть забастовавших рабочих электро-механического завода «Гейслер и Комп.», в большинстве своем подростки, устроила демонстрацию и начала петь революционные песни, но была рассеяна городовыми. В другом донесении сообщается:

«Во время возвращения трамвайных вагонов в Московский парк на Забалканском проспекте, у Клинского переулка, у 5-й роты и Царскосельского вокзала рабочие-подростки 14—15 лет бросали камнями в стекла вагонов, а также в стекла уличных фонарей, которых разбито 25 штук, при чем задержано 8 подростков».

Я. МЕНИС

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ

Это было в 1915 г., когда одна часть киевских рабочих была еще охвачена патристическими чувствами, еще кричала «ура» падению Перемышля, а другая боязливо поглядывала да молчала, боясь лишиться отсрочки военной службы.

На фабрике 1-й Харьковской артели, с переходом к работе на оборону, становилось все хуже да хуже. С 8-часового рабочего дня перешли на 10 и 11-часовой. Заработная плата, несмотря на рост цен на продукты первой необходимости, оставалась неизменной. Рабочие, связанные отсрочкой, бессильные изменить чем-нибудь свое положение, все свое недовольство изливали на подростков, положение которых, и без того трудное, стало невыносимым.

Каждый подросток чувствовал, что так дальше не может продолжаться, что нужно как-нибудь изменить положение, что старшие рабочие глубоко неправы, заявляя: «Нам, мол, когда мы были мальчиками, еще хуже было: над нами еще хуже издевались, нас еще хуже били. Такое было положение фабричного ученика-мальчика всегда, таким оно и будет».

«Нет, не будет,—отвечали мы.—Мы сумеем добиться того, чтобы с нами обращались как с людьми».

Несколько подростков были уже членами подпольных кружков РС-ДРП. Они организовали вокруг себя всех подростков. Особенно выделился Миша Ратманский, организатор киевского союза молодежи, убитый в 1919 г. на бандитском фронте под Трипольем (чуткая натура

которого больше остальных возмущалась гнетом мальчика-ученика). Под его руководством было устроено несколько собраний учеников (всего нас на фабрике было 35 человек), на которых мы выработали следующие требования к дирекции фабрики:

1. Требуем лучшего обращения (запрещение побоев, ругательств и т. д.)

2. Ученики должны быть на побегушках только по делам фабрики, но не по личным делам мастеров.

3. Уменьшить срок ученичества на 1 год, т. е. с 4 лет на 3 года.

4. Увеличить заработную плату на 200%.

5. В случае неудовлетворения объявляем забастовку.

Старшие рабочие, кроме двух чеканщиков, Кутузова и Сехова, которые к нам относились как к товарищам, еще не знали о нашем решении. Они видели, что ученики как-то изменились, о чем-то шепчутся, не ругаются, помогают друг другу, но объяснить себе эту перемену они не могли.

К директору решили пойти все вместе. Говорить будет выбранная делегация (Ратманский, Федя Мальцев и я), остальные же должны были нас поддерживать.

После шашабы собрались у конторы. Рабочие, не зная, в чем дело, остались смотреть. Директор фабрики, Балер, длинного роста, с большими усами, страшилище всех нас, увидев сборище, выбежал из конторы.

Мы испугались. Некоторые стали пятиться назад. Вперед выступили Миша, Федя и я.

— Вам что нужно?—гаркнул он.

Тогда Миша начал:

— Мы хотим с вами поговорить о нашем положении.

— Что? Вы хотите со мной говорить?—Он посмотрел на нас, как-будто не веря своим глазам, потом глаза у него выкатились, весь стал красный, как рак.

— Вон, сморкачи, вон! Матерей пришлите! Вон! Вон! Вон...

Мы бросились бежать. Он вслед за нами. Мы, подняв свист и шум, спустились вниз по лестнице (фабрика находилась на втором этаже) и выбежали на улицу.

Собравшись, решили еще раз послать делегацию и, если директор не хочет говорить, положить ему требования и уйти, а на следующий день не выходить на работу.

Сердце наше готово было выпрыгнуть наружу, когда мы входили в контору. Директор сидел к нам спиной и не слышал, когда мы вошли. Обернувшись и увидев нас, процедил сквозь зубы:

— Вам что нужно?

Миша протянул ему требование. Он прочел несколько строк и набросился на нас. Мы стали пятиться к выходу.

— Что? Требование? Забастовка? Буянить? Вон, мерзавцы! Вон!..

Нас все подростки ждали у входа.

— Ну, что?—набросились они.

— Не хочет с нами говорить,—ответили мы.

— Ладно, мы его заставим говорить,—послышались голоса.

Утром никто на работу не вышел, собрались мы у фабрики и решили устроить совещание с тов. Кутузовым, на котором порешили, чтоб тов. Кутузов еще поговорил с директором. Переговоры тов. Кутузова ни к чему не привели, так что нам осталось одно—бастовать.

Время было летнее; дни были прекрасные. Собирались мы ежедневно на Кукушкинской даче и гурьбой отправлялись на прогулки. Руководил нашими прогулками молодой студент Маркуша (тов. Маркуша был руководителем нашего подпольного кружка РС-ДРП).

Вести о забастовке долетели до других фабрик и заводов. К нам прислали делегации, нам слали помощь.

Первая делегация, во главе с тов. Мальчиковым, была от фабрики Маршака, которая выразила нам свою солидарность и собрала 18 рублей для нас у себя на фабрике. Было еще собрано 8 рублей на фабрике Бриль и Гершмана и т. д.

С тов. Кутузовым виделись ежедневно. Он сам рассказывал, что фабрика почти что не работает, что рабочим совестно перед нами, что они несколько раз готовы были бросить работу, но директор им угрожал представлением списков бастующих воинскому начальнику. Это их удерживало. Директор и мастера ходили с опущенными головами. Они не ждали от нас такой организованности. Сочувственное отношение рабочих фабрики и переполох хозяев вселили в нас веру, что мы добьемся своего.

Первая неделя прошла очень организованно. Ни одного случая малодушия, ни одного слова, что нужно идти

на уступки. Вторая неделя была кошмарная. Началось с того, что родители некоторых из подростков избили их за отказ идти работать, других насильно приводили к директору фабрики и умоляли, чтоб он их принял обратно; он соглашался. Поработав несколько часов, мальчик убежал обратно к нам и, горько плача, рассказывал обо всем...

Пришлось идти на уступки, потому что каждый день забастовки обходился нам слишком дорого. Некоторые совершенно измучились, да к тому же забастовка длилась уже 14-й день. Дирекции тоже, видно, нужно было кончать. Тов. Кутузову удалось прийти к следующему соглашению: дирекция обязуется принять всех без исключения, уплатить за время забастовки и увеличить заработную плату каждому в отдельности.

Все, кроме Миши Ратманского и меня, стали на работу. Мы ушли на другую фабрику, зная, что нас все равно выбросят через месяц, да к тому нам было совестно за то, что мы не добились всего, чего требовали.

Отношение старших рабочих фабрики к подросткам изменилось. Они почувствовали в них силу, считались с ней и вместо прежнего деспотического «так было и так будет» появилось внимательное отношение к жизни подростка.

Нас же забастовка всех переродила. Мы стали верить в наши силы, несмотря на то, что не все выиграли. Она нас закалила в борьбе. Она нас объединила с подростками других фабрик.

М. ФЕДОРОВ

ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ НА „СТАРОМ ЛЕССНЕРЕ“

Объявление войны в 1914 году было встречено на рабочих окраинах Питера забастовками, местами сопровождавшимися стычками с полицией, опрокидыванием трамваев. Особенно энергично прошли противвоенные забастовки в Выборгском районе. Кое-где там даже выросли баррикады.

В противовес противвоенным забастовкам в центре города происходили многочисленные демонстрации с портретом царя, с пением национального гимна. Черносотенцы-гимназисты, дворники кричали до хрипоты, вопили о немецком засильи (что не мешало им устраиваться в теплых тыловых местечках). Демонстрации сопровождалось избиванием всех, кто не снимал шапок, и закончились разгромом немецкого посольства на Морской.

Рабочие, проявлявшие свое недовольство, отсылались на фронт.

Когда началось пробуждение от патристического утара и когда царское правительство захотело заручиться поддержкой рабочих и поставило на всех фабриках и заводах вопрос о выборах представителей в военно-промышленный комитет, это вызвало только противвоенную кампанию, хорошо использованную большевиками, и большинство уполномоченных принесло с собой в городскую думу большевистский наказ.

Бройдо и Гвоздеву пришлось в военно-промышленном комитете выполнять роль подставных представителей от рабочих. Жалованье рабочим все уменьшалось. Рост заработной платы совсем не поспевал за ростом

дороговизны. Ставки для мальчиков колебались от двадцати до сорока копеек в день. На заводе «Старый Леснер» рабочим стали выплачивать особую надбавку на дороговизну: «взрослым по три копейки, а мальчикам только по одной копейке в час».

На других же заводах и взрослые и ученики надбавку получили одинаковую. Это возмутительное обстоятельство и повлекло за собой тот случай, который я хочу описать.

В обеденный перерыв, за пять минут до начала работы, когда пустили уже динамо, зашевелились приводные ремни, мягко зарокотали им в ответ шестерни, — некоторые рабочие принялись уже за инструменты, — в мастерскую вошли несколько учеников из другого цеха, стали о чем-то переговариваться с нами (слесарно-механическая мастерская), а затем мы вместе исчезли.

Через некоторое время в нашем клубе (попросту в уборной) битком набились ученики всех цехов. У дверей — «стрема», стража. Собрание длилось недолго. Делается сообщение о том, что учеников обходят, несколько слов о тяжелом положении.

— Что же делать, товарищи? Если смолчим, нам еще убавят жалованья.

Нестройный хор голосов предложил послать делегацию к «пузатому чорту» (директору).

Быстро выбрали трех человек и остались ждать.

Через пять минут возвращаются парламентареры и сообщают, что их не приняли, а велели приходить всем.

— Все идем!

Веселым, шумным потоком направились мы к управлению завода и быстро наполнили обширный кабинет директора.

Директор Бачманов, развалившись громадной тушей в кресле, играл браунингом. За спиной его сгрудилось несколько человек из администрации.

Воцарилось неловкое молчание. Заплывшие глазки директора скользили по фигурам молодых забастовщиков. Основательно прощупав нас глазами, он стал спрашивать тех, что постарше, каково наше жалованье.

— Ну, что ж, вам незачем приходить сюда. Работайте старательней — получите прибавку.

Ребята жмутся, но не уходят. Задние кричат:

— Мы все вместе пришли.
— Так что же вы хотите? Да отвечайте ж.
Чувствую, что надо кому-нибудь начать. Набрался храбрости и выступил вперед.

— Мы требуем прибавки на дороговизну такой же, как и на других заводах.

— Прибавки не будет.

Оглядываюсь, ища поддержки. Раздается сдержанный говор: «Тогда расчет... Забастовка... Не будем работать».

Решился:

— Давайте расчет!

— Расчет? Через три дня получите, а ты первый.

— Всем расчет, всем. Забастовка... Пойдем, ребята...

У, кровопийцы!

С шумом вываливаем, бежим одеться в мастерские и направляемся толпою, человек триста, к выходу.

У ворот наряд полиции. Встречаем ее должным образом: «А, фараоны, испугались!» Нашему самолюбию льстило такое особое внимание фараонова племени.

Полицейское «пр-ра-зой-дись» не помогло. Стали тут же группами обсуждать положение и решили, что взрослые должны нас поддержать.

А потом—к Неве и в воду: купаться.

На следующий день забастовщики рассеялись вокруг завода, переговаривались со взрослыми рабочими, дразили усиленный наряд полиции. Вдруг крики: «Держи, держи!» и в ответ крупная ругань. Вижу—бежит товарищ по мастерской, за ним фараон. У заводских ворот о чем-то возбужденно говорят рабочий и какой-то подросток с ним. Как оказалось, сын хотел проникнуть с отцом внутрь, но за штрейкбрехерство жестоко был избит. И в следующие дни штрейкбрехерам, поневоле принуждаемым, и батькам досталось немало тумачков. Всего было пять случаев штрейкбрехерства.

Забастовка длилась уже четвертый день. На воротах вывесили объявление о расчете. Наши надежды на поддержку со стороны взрослых не оправдались. Момент для забастовки был неудобный: выпрять не было надежды.

Мы собирались группами и обсуждали, кто куда пойдет искать работу. Собирались уже после обеда брать

расчет и все же были в очень приподнятом настроении. Шутки, смех, остроты донимали городских. О случившемся не горевали. Погода стояла хорошая. За три дня ребята отдохнули и радовались этому.

После обеда идем за расчетом. Встречают нас взрослые и сообщают, что заводоуправление согласно принять нас на старое жалованье и без увольнения зачинщиков. Они предлагали нам согласиться на эти условия, так как в ближайшую же мобилизацию нас могли забрать в армию, между тем как завод давал отсрочку, а, кроме того, время было плохое, и новую работу мы едва ли нашли бы.

Ребята заволновались. Перспектива возвращения на завод никому не улыбалась. Стыдно было, что остались с носом, но в конце концов, конечно, пришлось согласиться.

А дело было вот в чем. Когда уже окончательно был решен вопрос о нашем расчете, коллектив социал-демократов (большевиков), учитывая все обстоятельства, решил добиться принятия нас на старых условиях. Поручили проведение этого тов. Лобанову¹. Тов. Лобанов предварительно обратился к ликвидатору Никонщику, который был на хорошем счету у заводоуправления, и после долгих уговоров добился его согласия идти вместе. Пошли. Тов. Лобанов входит в кабинет директора, оглядывается—увы, того уже и след простыл. Не хотел, видно, из-за каких-то трехсот мальчишек престиж в глазах начальства терять. Но тов. Лобанову удалось и одному справиться.

Снова потянулись мы к заводу в 6 часов утра. Жаркое летнее солнце напоминало о том, что не грех было бы пойти пошататься, выкупаться. Но забастовка кончилась.

У ворот, в сторожке, один лишь городской. Праздник кончился. В мастерских «гуляк» окружили взрослые рабочие, стали расспрашивать. Некоторые в шутку спрашивали: «Ну, что, много выиграли?» Но мы чувствовали наше превосходство и с достоинством отвечали:

— А все-таки побастовали.

¹ Тов. Лобанов—старый большевик, председатель Южбюро Всероссийского союза металлистов.

Я. МЕНИС

ПЕРВЫЙ АРЕСТ¹

Небо сплошь покрыто черными тучами. Деревья царского сада замерли. В воздухе чувствуется духота.

— Будет гроза,—говорит Ратманский, осматривая небо.

— Эх, красота какая,—добавляет он, втягивая всей грудью воздух.

Молния сверкнула змейкой, осветив часть неба; загремел где-то далеко гром. Ратманский, уловив момент ухода швейцара с парадного крыльца шестэтажного дома, проскользнул в дверь и стал подниматься вверх; я последовал за ним; через пять минут мы были на чердаке этого дома, в комнате тов. Клары.

Посреди комнаты на столе кипит самовар, лежит ломтиками нарезанный хлеб и колбаса и стоит коробка шоколадных конфет. На кушетке, сбившись в кучу, сидят ребята нашего кружка: Мальчиков, Белокреницкий, Прусак, Ситниченко и др.; на стульях и подоконнике сидят наши руководители-пропагандисты киевского коллектива РС-ДРП.

Пропагандисты разговаривают, шутят; ученики молчат. Среди пропагандистов 19, 22-летние студенты и курсистки, дети богатых родителей, энергичные, немного идеалистически настроенные, готовые все свои силы и знания отдать рабочему классу. Среди учеников —

¹ Очерк из жизни дореволюционного кружка молодых рабочих г. Киева, который, выйдя из подполья, составил основное ядро киевской организации союза.

14, 16-летние рабочие-подростки, ясно смотрящие будущему в глаза.

Собрались мы подискуссировать о войне. Пораженцы, оборонцы и интернационалисты выставили докладчиков. Докладчики горячились. Каждый из них верил в свою правоту и эту веру хотел передать другим.

Вот Маркуша, здоровенный детина, с приятным лицом, говорит о пораженчестве. Слова медленно вылетают из его уст, носясь по комнате. Невольно начинаешь ему верить, что поражение приблизит Россию к социализму.

Фрося Спицына, плехановка, опустив глаза в землю, размахивая руками, говорит о гибели русской культуры, об образовании из России германской колонии, о патристическом чувстве...

А вот Филипп тяжелой артиллерией разбивает в пух и прах все доводы противников, ни одного целого места не оставляет от оборончества и намечает линию интернационалистов.

Мы, ученики, обратились в слух: жадно ловим каждое слово. В прения втягиваемся и мы. Первым говорит Мальчиков; он рисует картину гибели мира.

— Если рабочий класс не сумеет выступить против всемирной бойни, если он не сумеет объявить войну войне, то с европейской культурой будет то, что было с римской,—заявил Мальчиков.

Эта мысль вносит совсем новое, она врезывается в наши головы.

Шум. Облава.

Мы в одиночку спускаемся по крутым лестницам черного хода. Дождь крапает мелкими каплями, тускло горят фонари; согнувшись, шагаем мы по грязным улицам.

— Прибавь шагу,—говорит Мальчиков, идущий за мной. Я иду, а в голове всплывает все слышанное; все прения как-будто сортируются мозгами, раскладываются по ящикам, и все то, что было так запутано, становится ясным.

— На рассвете на работу,—говорил Ратманский, как будто мысля вслух, когда мы расходимся.

Нашему социал-демократическому кружку молодых металлистов было поручено организовать при профсоюзе

металлистов фракцию РС.-ДРП, которую и решили мы организовать на первом общем собрании союза.

Собрания металлистов уж давно не было. Оборончески настроенные правленцы все ждали разрешения от губернатора на созыв легального общего собрания; наконец после долгих ходатайств им удалось добиться «разрешения».

В маленьком домике на Тарасовской ул., № 9, в котором наш союз занимал комнату, собралось человек сорок; шли распри, споры полупонимом, уплата членских взносов; комната продолжала наполняться людьми. У всех было таинственно-праздничное настроение.

Правленцы, сидящие у стола напротив входа, разговаривают с группой людей, которая их окружила; по углам комнаты образовались кружки; ребята нашего кружка стоваривались с представителями заводов о составе бюро фракции и о работе фракции.

— Товарищи, я только что получил извещение... Нам не разрешили открыть собрание,—сказал председатель правления тов. Крылов, весь побледневший, и, быстро написав соответствующее объявление, повесил его на стене.

Никто не хочет уходить. «Откройте собрание»,—кричат со всех сторон. Шум все возрастает. Вдруг все умолкло. В комнату вкатился обрюзгший надзиратель в сопровождении двух городских и дворника. Глаза его блестят, трет руки, вертится из стороны в сторону.

— Это что за собрание? Что за сборище?—кричит надзиратель на растерявшихся правленцев.

— Мы только что получили бумагу... Мы собирались рас...ходиться,—дрожащим голосом говорит тов. Крылов.

— Дайте мне лист бумаги,—буркнул надзиратель, сев у стола.

Пользуясь тем, что городские не заметили вторых дверей, Михаил Маленький, Ханин, Мальчиков и другие незаметно удрали.

Надзиратель, сев у стола, переписывает всех. Когда очередь дошла до арсенальца Ермакова, он спросил:

— Это вы у меня работали?

Ермаков весь изменился, лицо передернулось.

— Я,—сказал он.

— Вы можете идти.

Ермаков поспешно вышел.

После революции, когда узнали, что Ермаков—провокатор, мы поняли, какую «работу» он исполнял у надзирателя.

Переписав всех, надзиратель велел нам следовать за собой. Вечер был темный, погода прескверная, старшие пошли молча, что-то обдумывая, а мы, малыши, болтали: нам было и страшно, и весело.

Проходной двор. Несколько человек шмыгнули туда и скрылись. Лыбедской полицейский участок. Нехотя входим в канцелярию. Надзиратель устраивает перекличку. Нехватает десяти человек. Он стал матерно ругаться. Кончив ругаться, он вызвал малышей (до 17-и лет). Мы вышли.

— Вишь, члены, тоже члены,—указывая на нас, говорит надзиратель околоточному.

— Членом союза может быть всякий рабочий без различия национальности, вероисповедания, пола и возраста...—выхватив членскую книжку из кармана, стал читать С. Белокреницкий (ему тогда было 14 лет).

— Что мне ваш устав, я сам устав,—кричит надзиратель.

Белокреницкий прячет членскую книжку профессора.

— Чего вы стоите?—обратился надзиратель к городским.—Обыскать всех и отвести в камеры.

Нас обыскали, забрали ремни, ножички и повели по длинному коридору вниз, по полусовершенной лестнице. Скрипнула дверь, и мы очутились в грязной, сырой, кишевшей клопами и крысами камере. Крысы были до того смелы, что через несколько минут после нашего появления они свободно бегали меж нашими ногами. Нары грязны, стены исписаны разными изречениями и подписями.

Мы взлезли на нары, сели на корточки и затыкнули песню: «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат»... Песня понеслась по камере и сразу оживила всех. Все стали бодрее, даже старики, которые все время хныкали, потянули за всеми. «Пусть неправда и это...»—носится по камере.

Никто не заметил головы городского, которая торчала в отверстии двери и о чем-то кричала, и пришли в себя, когда дверь открылась и в камере очутились надзиратель с городовыми. Они погрозили разместить нас по камерам. Мы перестали петь.

Спать мы не думали ложиться. Сев в кружок, старики рассказывали о своей жизни, о работе, о хозяевах. Начало светать. Заглянуло солнышко через маленькое решетчатое окошечко, все умолкли. Потому ли, что рассказы иссякли или не хотелось говорить при дневном свете... Каждый стал думать, и тяжело так стало, что-то давило, пригибало...

Зазвенели ключи, открылась дверь.

— Выходи на прогулку,—кричит грубый голос из коридора. Толкая друг друга, стали выходить. На долю Ратманского и Белокреницкого выпало взять парашу.

Во дворе полицейского участка было много народу. Купцы, попавшие во время облавы, хорошо одетые, обורванцы, с жуликоватыми движениями и взглядами, и крестьяне, откуда-то привезенные. «Политические», — говорили они, показывая пальцами.

— Давай на сапоги?—пристает бойкий парнишка к тов. Шаповалову, когда мы входим обратно.

— Как на сапоги?—удивленно спросил Шаповалов.

— Или я твой выиграю, или ты мой.

Шаповалов отказывается. Парнишка стал было требовать, но, увидя, что подошли товарищи Шаповалова, быстро скрывается.

Вогнали нас обратно в камеру. Старики захныкали, молодые с ними ругались, но недолго это продолжалось: дверь открылась настежь, и нас повели в канцелярию.

В канцелярии разделили нас на группы и под усиленным конвоем городских стали отправлять в центральное сыскное управление. Малышей (до 17-и лет) выделили отдельно. Когда все группы отправили, то малышей направили в районные участки.

Ратманского, Белокреницкого и меня в сопровождении городского послали в Плоский полицейский участок. Городовой попался добродушный. Ратманский всю дорогу агитировал его. В Плоском участке нас подержали несколько часов и после небольшой взятки выпустили на свободу.

ФЕЛИКС БОССЭ

ЗАБЫТОЕ ПОДПОЛЬЕ

Еще до войны существовали благотворительные общества, попечительства о бедных. К разряду таких наиболее старых довоенных пунктов относится попечительство № 19. Вокруг этого попечительства группировались дети бедных, самого разнообразного возраста, чуть ли не грудного. Во главе попечительного пункта стоял старый народоволец Кирдон-Жан, руководивший делом с некоторой демократической примесью. Называли этот пункт «Детский клуб-очаг». И это по сути странное учреждение давало приют политическим мыслям изуродованного казальным фабрично-заводским бытом юношества.

Почти сказочно и неправдоподобно. «Детский клуб-очаг» на время отсутствия родителей принимает детей в свои стены: от 10-и до 12-и ч. дня—от 3-х до 7-и лет, с 12-и до 3-х ч. дня—с 7-и до 10-и лет, с 3-х до 5-и ч. дня—с 10-и до 14-и лет, с 5-и до 9-и ч. вечера—с 14-и до 17-и лет. Вот и вся табличка возрастного ценза исчерпана, судя по названию клуба, даже с излишком. По регламенту, клуб закрывается на всю ночь. Казалось бы, это подвальное торговое помещение, состоявшее из 2-х комнат и кухни, должно замереть. Но как-раз именно после 9-и ч. вечера тут и начиналась жизнь. Не стесняясь вывески, по указанию старосты старшей группы, Петьки Смородина¹, открывается под его руководством новая

¹ Один из основателей питерской организации, был членом ЦК РЛКСМ нескольких созывов.

группа—«детей» рабочих от 17-и до 21-го года. Разнообразный элемент вплоть до лумпен-пролетария, босняка или подзаборника, общим счетом в 25 человек, собирався для самообразования в Детский клуб-очаг».

В этом сбродном кружке строгая, умелая и тактичная рука Смородина могла довести до удивления дисциплину, послушание и работу. Уметь подойти к буяну, к пьянице, к хулигану и в то же время подбадривать рабочий молодняк, работать, быть уверенным и не бояться—вот отличительная черта и работа Петьки.

Начиная с 1915 года группа работает нелегально. Управляющий просил старшину о всевозможных осторожностях. Он хотя и не примыкал сам и не участвовал в первом политическом гнезде молодежи, но и ни в коем случае не мешал работать. Можно сказать, что даже испытывал некоторое удовольствие по старой революционной традиции. Грянула февральская революция, события покинули кружок и распылили всех по своим местам. Подняли так, как поднимает ветер пыль, кружа его в своем порыве, вовлекая в водоворот момента. И в грохот борьбы влилась пылинка, смело и дерзко штурмовавшая укрепления царизма. Последний раз, случайно, встретились на ловле фараонов.

— Скоро опять-то?

— Скоро,—отвечал Смородин.

И следующее свидание имели в «Социалистическом союзе молодежи».

„Смена“, 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Юношеский и детский труд в русской промышленности

Н. Пажитнов.—Детский труд в крепостной России	7
М. Балабанов.—Детский труд	12
В. Булак.—Детский труд в сельском хозяйстве	25
А. К.—Положение рабочей молодежи в период 1900—1907 гг.	31
Детский труд в период войны	32
Зайцев.—Роль молодежи в промышленности	34
А. Киров.—Законодательство о труде молодежи	39

Годы ученичества

П. Алексеев.—Детство рабочего	49
Н. Благовещенский.—На ткацкой фабрике	51
В. Герасимов.—Из записок социалиста-рабочего	58
С. Алплуев.—Годы ученичества	64
Обращение учеников мастерских к взрослым рабочим	73

Рабочая молодежь в революционном движении

Г. Дризгов.—Рабочая молодежь на заре капитализма в России	77
В. Семевский.—Бунт солдатских детей	86
Г. Плеханов.—Рабочий подросток на заре революции	88
А. Болдырева.—Первая забастовка	91
П. Моисеев.—Пролетарская разведка	93
Стачка подростков на суконной фабрике	95

Аттестация шефа жандарм	95
Участие подростков в забастовке на Обуховском заводе	96
Солидарность подростков	—
Альтшюлер.—Борьба с религиозными предрассудками	98
Стачка девочек-подружниц	99
Из ноябрьской ростовской стачки	—
Из информации об одесской всеобщей стачке	100
Тверская ситцевая фабрика Морозова	—
В. В.—Как я стал революционером	101
П. Козлитин.—Наша первая стачка	103
А. Рогов.—Сентябрьская стачка учеников главных мастерских в 1903 г.	107
На арматурном заводе	111
В. И. Ленин.—Новые задачи и новые силы	113
На заставах Питера	115
Демонстрация детей в Двинске	—
Первомайская демонстрация в Митаве в 1905 г.	116
Из информации о всеобщей стачке в Одессе	—
Рабочая молодежь в одесском восстании	117
Забастовка торгово-промышленных мальчиков	118
Стачка на фабрике В. Морозова	119
И. Меренков.—На Брянском заводе	120
Забастовка на чугуно-литейном заводе	121
Движение учеников на заводе „Дукс-Меллер“	123
В. Кузовенко.—В первую революцию	125
Д. С.—Три дня	127
М. Фрумкина (Эстер).—Дети-борцы	130
Подростки на суде	135
Д. Сверчков.—Подросток на суде	136
П. К.—„Будущность“	138
А. Рымкевич.—Из минувших дней	149
Забастовка на фабрике „Невка“	155
Забастовка мальчиков на Брянском заводе	156
Листок причта Св.-Троицкого собора	157
Из речи Пуришкевича	158
Сообщения охранного отделения	159
Я. Менис.—Забастовка мальчиков	160
М. Федоров.—Забастовка мальчиков на „старом Леснере“	164
Я. Менис.—Первый арест	168
Ф. Босса.—Забывтое подполье	173

10616

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

МОСКВА, Новая площадь, д. № 6/8, Торговый Отдел Изд-ства
и в ОТДЕЛЕНИЯ:

ЛЕНИНГРАД, Проспект 25-го Октября, 54

ХАРЬКОВ, Троицкий пер., 2

РОСТОВ н/ДОНУ—Проспект Подбельского, 15.